Социалистическая законность

2

ФЕВРАЛЬ

ОГИЗ ★ 1936
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

СОДЕРЖАНИЕ № 2

Стр.

ЦК ВКП(б)—товарищу Сталину — 1
Председателю ЦИК СССР т. Калинину — 2
Председателю Совнаркома Союза ССР т. Молотову — 2
А. Вышинский—Органы юстиции в борьбе за социализм — 3
А. Киселев — Узловые вопросы работы органов юстиции Украины — 7
Б. Бенедиктов—Борьба органов юстиции УССР за охрану интересов личности — 11
С. Коган — Борьба с преступлениями несовершеннолетних в УССР — 15
Е. Баранов — Больше внимания гражданским делам — 17
Е. Брагин — Кадры советской юстиции Социалистической Украины — 19
И. Житловский — Органы юстиции УССР в борьбе за обеспечение техники безопасности — 22
М. Хаевский — Как работает Киевская прокуратура — 24
Ф. Старовойтов — Итоги конкурса имени Павла Петровича Постышева на лучшую районную прокуратуру и следственную намеру по Киевской области — 29
Петренко — Результаты рейда — 32
А. Викторов — Весенняя посевная кампания и задачи органов прокуратуры — 34
С. Голуисний — О возбуждении уголовного преследования — 39
С. Митричев — Экспертиза документов — 42
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза — 45
По союзным республикам — 58
53-й пленум Верхсуда Союза — 63
Библиография — 65
Приветствия, поступившие на имя прокурора Союза — 67
Сводка важнейших постановлений — 68

Социалистическая законность

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ФЕВРАЛЬ 1936 г. 2

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

ЦК ВКП(б) — товарищу СТАЛИНУ И. В.

Оперативное совещание прокуроров союзных республик и некоторых краевых и областных прокуроров шлет свое горячее большевистское приветствие великому вождю народов Союза ССР и всего трудящегося человечества, любимому и мудрому товарищу Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ.

Органы прокуратуры заверяют Вас, дорогой учитель, и в Вашем лице нашу великую партию, что работники прокуратуры, следуя Вашим указаниям, будут и впредь самым энергичным образом бороться за охрану общественной социалистической собственности, за революционную социалистическую законность, за интересы трудящихся и всех граждан нашей великой социалистической родины.

Беспощадно подавляя всякие попытки умирающих остатков классово-враждебных элементов оказать противодействие делу нашего социалистического строительства, остановить мощный размах великого стахановского движения, задержать победоносный марш нашей великой родины к бесклассовому социалистическому обществу,—работники прокуратуры будут и впредь драться за укрепление пролетарского государства в первых рядах нашей родной великой партии Ленина—Сталина, под победоносными коммунистическими знаменами, под Вашим гениальным руководством.

Президиум совещания:

А. ВЫШИНСКИЙ

Г. ЛЕПЛЕВСКИЙ

Г. РОГИНСКИЙ

17 февраля 1936 г.

★

Председателю Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР—т. КАЛИНИНУ М. И.

Прокурорское совещание с участием прокуроров союзных республик горячо приветствует Вас, всесоюзного старосту, ближайшего соратника великого нашего вождя товарища Сталина, и заверяет, что работники прокуратуры с неослабевающей энергией и большевистской непримиримостью будут и впредь бороться за укрепление пролетарского государства, за социалистическую законность, за укрепление социалистического правосознания в широчайших массах трудящихся, строящих новое, социалистическое общество.

Президиум совещания:
А. ВЫШИНСКИЙ.
Г. ЛЕПЛЕВСКИЙ.
Г. РОГИНСКИЙ.

17 февраля 1936 г.

Председателю Совета Народных Комиссаров Союза ССР—т. МОЛОТОВУ В. М.

Собравшиеся в Прокуратуре Союза ССР на совещание прокуроры союзных республик и ряд краевых и областных прокуроров обращаются к Вам, дорогой Вячеслав Михайлович, со своим горячим большевистским приветом.

Мы просим Вас принять наше искреннее уверение в том, что работники прокуратуры под Вашим непосредственным руководством приложат все усилия к улучшению качества своей работы.

Работники прокуратуры, борясь за повышение своей юридической квалификации, всемерно усиливая свою большевистскую бдительность, будут и впредь со всей энергией и энтузиазмом бороться за укрепление социалистической законности и государственной дисциплины, за охрану общественной социалистической собственности, за окончательное торжество социализма.

Давая беспощадный отпор всем классово враждебным элементам, пытающимся задержать успехи нашего социалистического строительства, работники прокуратуры будут и впредь зорко охранять интересы пролетарского государства и всех трудящихся, всех граждан нашей великой социалистической родины.

Президиум совещания:
А. ВЫШИНСКИЙ.
Г. ЛЕПЛЕВСКИЙ.
Г. РОГИНСКИЙ.

17 февраля 1936 г.

А. ВЫШИНСКИЙ

ОРГАНЫ ЮСТИЦИИ в БОРЬБЕ за СОЦИАЛИЗМ[1]

Товарищи, блестящий доклад главы нашего правительства, председателя Совета народных комиссаров т. Молотова о народнохозяйственном плане Союза ССР на 1936 г. еще раз продемонстрировал перед всем миром гигантские успехи строительства социализма в нашей стране.

Товарищ Сталин на совещании комбайнеров сказал, что наша страна уже не та, какой она была раньше, в дореволюционное время. Это глубоко верно. Наша страна действительно не та, что была раньше. Доклады товарищей Молотова и Межлаука, насыщенные замечательными цифрами и фактами, были сплошным блестящим свидетельством тех глубоких изменений, которые характеризуют наши успехи, итоги которых выражены в стахановском движении, являющемся, по справедливому замечанию т. Молотова, результатом победы социализма в нашей стране.

Выросла гигантски наша социалистическая промышленность. На смену старой индивидуальной крестьянской деревне пришла новая, колхозная деревня, с каждым днем все более и более становящаяся зажиточной и большевистской. Выросли новые люди, люди сталинской школы, люди, по справедливому замечанию товарища Сталина, новые, особенные. Выросла и новая культура. Пять с половиной лет тому назад, на XVI съезде партии, товарищ Сталин, говоря о растущем подъеме социалистического строительства Союза ССР, об успехах индустриализации, о повороте крестьянства в сторону социализма, в сторону коллективизации, о росте материального и культурного положения рабочих и крестьян в нашей стране, говорил, что главное теперь (в тот период) — это сделать следующий решающий шаг в деле культурной революции.

На первом съезде колхозников-ударников в 1933 г. товарищ Сталин, говоря о значении труда, о необходимости честно трудиться, говорил: «И если мы будем трудиться честно, трудиться на себя, на свой колхоз, то мы добьемся того, что в какие-нибудь 2—3 года поднимем всех колхозников, и бывших бедняков, и бывших середняков, до уровня зажиточных, до уровня людей, пользующихся обилием продуктов и ведущих вполне культурную жизнь».

Со всей остротой своей гениальной проницательности вождь народов Советского союза товарищ Сталин не только предсказал неизбежность расцвета новой культуры, но и точно указал сроки, когда так ощутимы и осязательны будут успехи этого культурного роста наших народных трудящихся масс. Трудящийся народ нашей великой страны на заботы партии и правительства о его материально-культурном благополучии ответил выполнением пятилетки в четыре года, ответил перевыполнением плана, ответил мощным стахановско-кривоносовским движением. Это вошли в нашу жизнь новые люди, это вошла в нашу жизнь новая, социалистическая культура. Только слепые или оголтелые враги Советского союза могут не видеть, или, вернее, делать вид, что они не видят этих величайших достижений, этих величайших успехов социалистического строительства в нашей стране. Эти успехи и эти величайшие изменения бросаются в глаза даже в такой области нашего социалистического строительства, где особенно сложны условия работы, где особенно остры трудности, рождаемые сопротивлением делу социализма со стороны остатков капиталистических элементов. Я имею в виду область работы наших административных органов и органов нашей юстиции, нашего суда и прокуратуры, призванных вести борьбу в особенно сложных и острых условиях, разоблачая и беспощадно преследуя врагов. Эти враги, несмотря на свое полное поражение, пытаются сопротивляться делу социализма, пакостя и вредя Советскому государству и делу трудящихся. Пущенные ко дну, последние остатки враждебных классов все еще пытаются оказывать сопротивление делу социализма, пускаясь на тысячи и тысячи преступных проделок и махинаций, пробуя вовлечь, а нередко и вовлекая в свои жульнические авантюры кое-кого и из наиболее отсталых слоев трудящегося населения, подстрекая их против советской власти и социалистического строительства. Каждый новый успех нашего дела, каждая новая победа вызывают новые и еще более ожесточенные взрывы сопротивления и ненависти наших врагов.

Рост мощи Советского государства, — говорил товарищ Сталин, подводя итоги первой пятилетки, — будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. И не удивительно, что успехи и рост стахановского движения в наши дни вызывают новое бешенство наших врагов, этих умирающих и доживающих последние дни враждебных нам эксплоататорских классов. Совершенно неизбежно — и в этом проявляется действие сформулированного товарищем Сталиным закона

[1] Речь на II сессии ЦИК Союза ССР 7 созыва.

механики классового сопротивления эксплоататоров,—что в отдельные моменты и на отдельных участках нашего строительства сопротивление классового врага будет усиливаться и проявляться особенно резко, принимая то форму прямого контрреволюционного заговора, саботажа или вредительства, то форму организованного хищения общественной социалистической собственности, то форму нападения с обрезом, финкой, ножом в руках на наших лучших людей, на передовиков нашего социалистического строительства.

Все это не может, разумеется, не отразиться на состоянии преступности в нашей стране, на динамике преступлений, являющихся в переходный период своеобразной формой классовой борьбы, классового сопротивления делу социализма со стороны наших врагов и разных разложившихся элементов, являющихся формой проявления мелкобуржуазной анархичности.

Тем не менее всеобщий гигантский подъем советского социалистического хозяйства, громадный рост новой культуры не может не дать себя чувствовать и в этой области.

Если обратиться к статистике преступлений в Советском союзе за пять последних полугодий, то перед нами развернется яркая картина постепенного, но уверенного падения в нашей стране числа преступности по всем видам и категориям важнейших преступлений.

Так, в РСФСР в первом полугодии 1935 г. общее число осужденных уменьшилось по сравнению с первым полугодием 1934 г. на 13,2 проц., а по сравнению с 1935 г. — на 39,3 проц. Еще более характерна цифра снижения числа осужденных по таким статьям, как ст.ст. 61 и 131 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие им статьи УК других союзных республик, т. е. по тем преступлениям, которые связаны с невыполнением налоговых обязательств по отношению к нашему Советскому государству. Если данные первого полугодия 1933 г. взять за 100, мы получим во втором полугодии 1933 г. осужденных по этим преступлениям только 45,7 проц., в первом полугодии 1934 г. — 26,4 проц., во втором полугодии 1934 г. — 31,9 проц. и в первом полугодии 1935 г. — лишь 20,1 проц.

Вот вам яркая иллюстрация этого замечательного роста политической сознательности, чувства государственности, совершенно нового, чисто социалистического отношения к своим обязательствам в подавляющей массе трудящегося населения нашей страны.

Если таковы цифры по РСФСР, то не иными они являются и по другим союзным республикам. В УССР в 1934 г. преступность по этим статьям снизилась на 25 проц., в Белорусской советской социалистической республике мы имеем снижение на 40 проц. Это говорит о новом отношении к своим государственным обязательствам подавляющей массы нашего населения.

Еще более интересны данные, относящиеся к закону 7/VIII 1932 г. об охране общественной социалистической собственности, — к закону, являющемуся, по словам товарища Сталина, «основой революционной законности в настоящий момент», борьба за который является «одной из основных задач нашей партии, каждого коммуниста, каждого колхозника и каждого рабочего».

Если принять в РСФСР число осужденных по закону 7/VIII на первую половину 1933 г. за 100, мы в первой половине 1934 г. будем иметь число осужденных по преступлениям, связанным с расхищением общественной собственности, только в 29 проц., а за первую половину 1935 г.—только в 11 проц. Это означает, что наша социалистическая общественная собственность действительно является священной и неприкосновенной **(аплодисменты)** и что руку на нее осмеливаются поднять только самые последние, самые отпетые элементы нашей страны.

Аналогичное положение и в других союзных республиках. Характерна динамика так называемых имущественных преступлений. Если взять общее число осужденных за эти преступления в РСФСР в первой половине 1933 г. за 100, то в первой половине 1934 г. процент осужденных за имущественные преступления окажется сниженным до 84,9 проц., а в первой половине 1935 г. он составит немного больше 50—55,4 проц.

Таким образом, мы видим и здесь в области имущественных преступлений, которые всегда, как правило, совершаются на почве материальной необеспеченности, что имущественные преступления в нашей стране все более и более снижаются, что свидетельствует о величайшем росте материального благополучия, о величайшем подъеме уровня материального благосостояния в Союзе ССР.

Если взять такие преступления, как спекуляция (ст. 107 УК РСФСР), то окажется, что если за первую половину 1933 г. число осужденных взять за 100, то за каждое полугодие следующего года осужденных в этой области окажется 71, 66, еще 66 и, наконец, 46 проц. всех осужденных. Во второй половине 1935 г. было за спекуляцию осуждено меньше половины того числа, которое дала первая половина 1933 г., т. е. первая половина того года, который непосредственно следовал за изданием закона 22/VIII 1932 г., направленного своим острием против больших и малых спекулянтов.

Менее благоприятные показатели мы имеем в отношении движения осужденных за преступления против личности и за хулиганство, отображающие остроту сопротивления социалистическому строительству стихии мелкобуржуазной анархичности, на что указывал в своем блестящем докладе т. Молотов, напоминая, что «мелкобуржуазная стихия живуча, что даже среди трудящихся крестьян-колхозников, в массе служащих нашего госаппарата, а иногда и среди рабочих они легко находят своих выразителей то в виде всякого рода спекулянтиков, то в виде рвачей в отношении колхозного и государственного добра, то в виде антисоветских сплетников и т. п.».

Так обстоит дело с динамикой преступности в Союзе ССР, в стране победившего социализма, создающей и уже создавшей новую культуру, новых людей, новое отношение этих людей к окружающим, к труду, к новому социалистическому обществу.

Как же обстоит дело в области юстиции в капиталистических странах?

Если судить по данным, характеризующим динамику преступности в странах капитала за последние годы, то следует притти к выводу, что в большинстве капиталистических стран преступность растет, особенно начиная с 1929—1930 гг., что среди всех преступлений особенно растут имущественные преступления, а также преступления, связанные с насилием над личностью, — убийствами и телесными повреждениями, при непрерывном повышении рецидива и профессиональной преступности.

Первое, что бросается в глаза, — это наличие среди осужденных капиталистических стран за уголовное преступление больше 50 проц. рецидивистов, что само по себе говорит о неизлечимой болезни капиталистической системы.

Второе, что бросается в глаза, — это систематическое усиление жестокости преступлений, с одной стороны, и широкий разгул внесудебной расправы с рабочими, коммунистами и передовыми представителями мелкой буржуазии. О беспредельности этой внесудебной расправы, оттеснившей в фашистской Германии судебную деятельность на самый задний план, можно судить по тому, что в 1933 г., после прихода к власти фашистов, число арестованных в Германии возросло в 15 раз, причем на долю Германии приходится 52,4 проц. количества жертв белого террора во всех капиталистических странах.

Этот разгул белого террора, этот переход к террористическим методам управления очень резко выражается в соотношении между внесудебными и судебными формами расправы с трудящимися в фашистских странах. Об этом очень выразительно говорит такая цифра, как 1 проц. казненных по суду в 1933 г. и 0,05 проц. казненных по суду в 1934 г.

99,95 проц. смертных казней совершается в фашистской Германии без суда, совершается в порядке внесудебных расправ.

Обрушиваясь всей тяжестью своей судебной и внесудебной репрессии на пролетариев и коммунистов, фашистские «законники» все больше и больше выводят из употребления свой суд, превращая внесудебную расправу в один из основных методов фашистского управления государством.

Полностью оправдываются слова т. Молотова на VII съезде советов о том, что основная линия развития буржуазного государства за последние годы — «это путь от жалкой буржуазной демократии к неограниченному насильничеству со стороны верхушки капиталистов».

Этот процесс превращения в фашистских странах жалкой буржуазной демократии в открытую систему самых разнузданных и циничных насилий над трудящимися находит свое выражение не только в практике юстиции фашистских стран, но и в их законодательстве и в различных буржуазных так называемых «научных» теориях.

Для подтверждения этой мысли стоит только указать на такие фашистские законы, как закон об опасных привычных преступниках и о мерах безопасности и исправления от 24/XI 1933 г.; на такие меры наказания, как кастрация и стерилизация.

Что касается стерилизации, то фашистским правительством Германии выработан целый план применения этого закона, наметивший около 400 тыс. жертв. Для проведения этого закона в жизнь организовано 1700 районных «судов наследственного здоровья». На проведение этого плана ассигновано 14 млн. марок. Стерилизации должны быть подвергнуты категории лиц, отнесенных к страдающим наследственным идиотизмом, шизофренией, пляской св. Витта, наследственным алкоголизмом, причем решения этого суда «наследственного здоровья» определяются диагнозом, который должен быть очень прост: чтобы осудить, необходимо установить «минимальный интеллектуальный уровень подсудимого», показателем которого является отношение испытуемого к фашистскому режиму.

Нетрудно видеть, что действительный смысл этого средневекового закона заключается в новом методе расправы с неимущими и неугодными фашистскому режиму людьми.

Не случайно, что в проекте нового фашистского уголовного кодекса предусмотрены восстановление телесных наказаний и такая мера, как **пенитенциарный пост,** призванный при помощи голода усилить мучительность наказания. «Дни поста, — пишут авторы проекта, — будут тяжело чувствоваться осужденными, и поэтому они являются эффективной карательной мерой».

Таким образом совершается прямой возврат к средневековью, к теориям, казалось бы, совершенно похороненым, возврат к Миттельштедту, знаменитому мракобесу, видевшему единственный смысл наказания в том, чтобы оно было «злым мучением и страданием».

Какую глубокую принципиальную противоположность этому определению наказания представляет наше советское уголовное законодательство, статья 4 «Основ» которого говорит, что «все меры социальной защиты (наказания) должны быть целесообразны и не должны иметь целью причинение физических страданий и унижения человеческого достоинства».

Фашистский профессор уголовного права Зауэр требует введения в уголовный кодекс не только суровых, но и жестоких наказаний, а фашистские теоретики Дамм и Шафштейн кричат и ратуют против «слюнтявой сентиментальности» и «сонливой гуманности», готовя новые и новые, самые беспощадные, самые циничные и самые варварские средства расправы с так называемыми привычными преступниками, под именем которых фашистская юстиция понимает и всех вообще врагов фашистского режима. Особенно охотно они цитируют слова указанного мною уже Миттельштедта, заявившего: «Чтобы наказание терроризировало, необходима вера и введение виселицы и колесования, вывешивания у позорного столба и клеймение, голод и порка, телесные наказания всякого рода».

Вот что представляет собой фашистская «особая правовая система».

Но не довольствуясь изданием варварских законов, фашисты становятся на путь предоставления суду широкого права усмотрения и восполнения так называемых пробелов закона, открывающего широкий простор для неограниченного произвола фашистских судебных чиновников.

От практики законодательства не отстает и теория. В германском журнале «Дер Герихтзаль» за 1934 г. известный германский теоре-

тик доктор Эткер выступил с изложением своих мыслей о реформе германского уголовного права и уголовного процесса. Доктор Эткер возвращается к средневековой теории о неисправимых преступниках, о преступниках, не нуждающихся в исправлении, принципиально отрицая в качестве одной из задач уголовной политики исправление преступника.

«Мы нуждаемся, — пишет Эткер, — в сильной защите против потока преступлений. Мы пренебрегли бы нашими задачами и интересами, если бы стали экономить смертную казнь для преступников».

От Германии не отстает и Польша. Здесь введено ускоренное производство по делам, особенно опасным для общественного порядка буржуазии, отменено предварительное следствие, отменено обжалование приговоров в кассационном порядке и, что самое замечательное, введено правило, по которому за преступление, в обычном порядке судопроизводства влекущее за собою не более пятилетнего лишения свободы, в порядке ускоренного производства может быть назначена смертная казнь.

Едва ли нужно приводить какие-нибудь более характерные доказательства крушения буржуазной законности, циничного издевательства фашистов над своими же собственными законами, над своим собственным так называемым «правом».

Позорная судебная комедия по делу о поджоге рейхстага, кровавые подвиги испанской юстиции в Астурии, почти повсеместная ликвидация судов присяжных или такая реорганизация этих судов, которая лишает их всякого общественного значения, разгул внесудебной расправы с трудящимися, коммунистами, пролетариями, методы скорострельной юстиции, широко применяемые в фашистских странах, — вот что характеризует фашистскую особую «правовую» систему, особенность которой заключается в том, что в ней нет ни грана права, ни грана законности.

Это вырождение буржуазной юстиции в открытую полицейскую кордегардию, в простой застенок для расправы с трудящимися происходит на глазах у всех и не отрицается даже самими представителями фашистской государственности.

Один из представителей итальянской фашистской юстиции — Умберто Као, теоретически обосновывая изгнание из фашистского суда устности, публичности и состязательности (этих классических устоев буржуазной судебной демократии), указывает на топор и розгу, как на эмблему фашистского государства, фашистского правосудия.

С настойчивостью, достойной лучшего применения, фашистская юстиция, как и все фашистские и полуфашистские государства, возвращается к средневековью, культивируя свою расовую теорию, свои пенитенциарные посты, телесные наказания, кастрацию и стерилизацию в качестве последнего средства спасения от надвигающейся гибели.

Вот показатели глубочайшего гниения самых основ капиталистического строя, погребающего под своими развалинами старую культуру, свое право, свою законность.

Иное, принципиально глубоко отличное положение наблюдается в нашем Союзе советских социалистических республик.

Рост и развитие принципов пролетарской демократии, нашедшие свое выражение в исторических постановлениях VII съезда советов о внесении некоторых изменений в нашу Конституцию, по-новому ставят вопросы, связанные и с работой органов советской юстиции.

Советская юстиция — это мощный рычаг в руках пролетарского государства в деле борьбы за социализм, в деле социалистического перевоспитания людей, в деле укрепления пролетарской дисциплины, социалистического правосознания и социалистической законности. Влияние советской законности и советского суда, как одного из важнейших факторов укрепления мощи и силы пролетарского государства, чрезвычайно велико и с каждым днем становится, под руководством нашей партии и нашего правительства, благодаря особой заботе к нашей работе великого вождя товарища Сталина, все более и более влиятельным и решающим.

Наша задача — всячески укреплять авторитет нашего суда и прокуратуры, всячески улучшать условия их работы.

Со своей стороны суд и прокуратура, под руководством правительства, во главе с тт. Калининым и Молотовым, под руководством нашей партии, во главе с великим Сталиным, будет и впредь попрежнему вести энергичную и настойчивую, последовательную и беспощадную борьбу со всеми врагами социалистического строительства, подымая наряду с этим всю силу, весь авторитет закона на укрепление государственной дисциплины, на защиту интересов пролетарского государства, на охрану общественной социалистической собственности, на защиту прав трудящегося человека — строителя новой, радостной, счастливой социалистической жизни **(аплодисменты).**

В ЭТОМ НОМЕРЕ ПОМЕЩЕН РЯД СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ РАБОТЕ ПРОКУРАТУРЫ УССР

А. КИСЕЛЬОВ

Вузлові питання роботи органів юстиції УСРР

1935 господарський рік—третій рік другої п'ятирічки вивершений з величезними успіхами в усіх галузях народного господства. Ці успіхи, більше ніж у будьякому з попередніх років, безпосередньо відбилися на зростанні матеріально-побутових ресурсів трудящих Радянського Союзу і стали передумовою до масового розгортання стахановського руху, розгортання боротьби за 7—8 мільярдів пудів хліба, буйного розквіту радянської культури.

Ці велетенські зрушення і перемоги повинні мобілізувати нас, яким партія доручила охорону соціалістичної законності і революційного правопорядку, на скерування всієї своєї діяльності для сприяння велетенським зрушенням, дальшим успіхам, на виконання завдань, поставлених перед нами в 1936 році. Ми не були б більшовиками-прокурорами, коли зазналися б і прогледіли намагання класового ворога шкодити нам у замаскованих формах, заважати нашому будівництву.

Звідси—вся важливість високого вміння вчасно розпізнавати нові форми класових вихваток і вчасно перебудовувати форми нашої роботи таким чином, щоб завдати ворогові нищівного вдару.

Країна вирощує нових людей — людей соціалістичної доби—стахановців і п'ятисотенниць, людей „культурних і технічно підкованих... вільних від консерватизму і застійності"[1], які несуть з собою величезну, нечувану в світі перемогу соціалістичного виробництва.

Ці моменти ставлять перед нами завдання рішуче повернутися до вузлових питань нашої роботи, до перегляду методів і форм її, скерувати працівників-практиків на боротьбу з класовим ворогом, в яких формах він не здійснював би свого опору будівництву соціалізму в країні рад.

В межах однієї статті неможливо охопити всі вузлові питання нашої роботи. Розглянемо лише деякі з них.

Центральне завдання органів юстиції на даному етапі — це боротьба з перешкодами стахановському рухові. Вся важливість цього завдання випливає з слів т. Сталіна, який сформулював питання так:

„Завдання полягає в тому, щоби допомогти стахановцям розгорнути далі стахановський рух і розповсюдити його вшир и вглиб на всі області й райони СРСР. Це з одного боку. І з другого боку—загнуздати всі ті елементи з господарських і інженерно-технічних працівників, які вперто чіпляються за старе, не хотять посуватися вперед і систематично гальмують розгортання стахановського руху".

Немає жодного сумніву в тому, що ворог, який притаївся на виробництві, намагатиметься гальмувати стахановський рух[1].

Павел Петрович Постишев у своїй доповіді про керівництво стахановським рухом, прямо вказуючи на наші завдання в цьому русі мас, поставив питання так: „усунути всі рогатки й перешкоди на шляху розвитку цього руху", „вести рішучу боротьбу з усіма спробами опошлити цей рух".

Наведемо ряд прикладів, що доводять як класовий ворог виступає проти стахановського руху.

На шахті „Червоний Жовтень" тресту „Артемвугілля" представники класово-чужих елементів і прогульники Батюков, Бобрунов і Крондак переслідували, цькували, насміхалися з стахановця Ляльченка, примушуючи його відмовитися від стахановських методів роботи. Коли ж Ляльченко, не зважаючи на всі переслідування, продовжував працювати по стахановському, ці особи тяжко побили його.

На шахті № 3 тресту „Кадіїввугілля" помічник головного механіка Заходяченко і виключений з партії син куркуля Дідов, який судився раніще за хуліганство, зривали стахановські методи роботи. Зокрема, Заходяченко систематично псував виготовлення шайб для відбійного молотка, а Дідов не приводив у належний стан повітряних ліній. Це призводило до того, що робота стахановців систематично зривалась.

На шахті № 6 тресту „Сталінвугілля" розкуркулений Гущин і виключений з комсомолу, як соціально-чужий елемент, Рубцов проводили антирадянську агітацію, заявляючи, що стахановські методи роботи стають ярмом на шиї робітників і що впровадження цих методів зменшує зарплату.

На шахті № 5 тресту „Сорокинвугілля" білогвардієць-реемігрант Іванін, працюючи на шахті десятником, навмисно зривав стахановський рух, не підготовлюючи врубової машини і вентилятора, не випалюючи вчасно бурок. У наслідок ворожої діяльності робота стахановської бригади зірвалась.

А ось приклад ще однієї вилазки куркуля. На шахті № 21 тресту „Чистяківвугілля" електрослюсар Дмитренко, розкуркулений помічник машиніста Гришин і наваловідбійщик Пихин проводили агітацію проти стахановців заявляючи, що коли стахановці дадуть подвійну норму, то в дальшому ця норма буде введена як звичайна, а тому не слід підвищувати продукції праці. Крім того, Дмитренко навмисно перерубав машинний кабель, через що стахановська бригада просиділа дві години без роботи.

Ось яких конкретних форм набирає саботаж і боротьба з стахановським рухом. Боротися з цими вихватками класового ворога, нещадно реагувати на ці класово-ворожі прояви є першочерговим завданням органів юстиції.

Борючися з саботажем стахановського руху, треба також звернути увагу і на ті рогатки та перешкоди, які, нібито, не мають прямого відношення до роботи стахановців, але, по суті, затримують цю роботу, дискредитують її.

Йдеться про забезпечення всіх тих допоміжних робіт, без яких стахановські методи не можуть дати належного ефекту, без яких стахановці, не зважаючи на максимум напруження й ущільнення робочого часу, не можуть дати належних наслідків.

---

[1] Сталін. Промова на 1-й Всесоюзній нараді стахановців.

До цього також стосується питання про забезпечення виконання правил техніки безпеки.

Висока продукційність праці забійщика в шахті вимагає високої продукційності виконання всіх робіт щодо техніки безпеки, бо в противному разі це може призвести до нещасних випадків, випадків травматизму, отже, об'єктивно може дискредитувати стахановський рух серед тих, які не вміють досить правильно його оцінювати.

Боротьба з саботажем стахановського руху повинна проводитися з особливою чіткістю. Нещадно караючи в усіх випадках саботаж і свідоме гальмування цього руху, працівники прокуратури й суду повинні, разом з цим, вміти відрізняти саботаж від невміння організувати роботу, від недбайливості.

Які завдання стоять перед органами юстиції УСРР в галузі їх роботи по сільському господарству?

Роблячи підсумки сільськогосподарського року і намічаючи завдання на 1936 рік, Павло Петрович Постишев у своїй промові з 3 листопада 1935 року сказав:

„Було б невірно уявляти собі справу так, що ці успіхи 1935 року досягнуті нами порядком самопливу, без опору класово-ворожих елементів. Таке уявлення, повторюю, було б невірне. На ділі наша робота в 1935 році проходила в обстанові класової боротьби. Ми мали і в цьому році факти підпалів майна колгоспів і колгоспників, вбивства активістів і передовиків колгоспного ладу, псування сільськогосподарських машин.

Все це говорить про те, що рештки розгромленого класового ворога ще повнотою не добиті, що, треба нам примати порох більшовицької пильності весь час сухим, як вчить товариш Сталін.

Таким чином, це основне завдання, висунуте т. Постишевим, є вже саме по собі програмою роботи для органів юстиції в галузі сільського господарства. Проте, ми маємо цілий ряд особливостей, на які треба звернути надзвичайну увагу. Ми рішуче відмовились від масової репресії. Сила справ, зв'язаних з умовами 1931—1932 р.р., лишилася в минулому.

Дехто вважає, що, мовляв, коли нема такої кількості справ, то на фронті сільського господарства робота органів юстиції значно звузилася. Така думка цілком невірна і свідчить про невміння розпізнавати те, що є найголовнішим у цій галузі роботи і саме на чому треба зосередити увагу. Тепер робота органів юстиції в сільському господарстві повинна бути скерована по іншому річищу, проводитись іншими методами і формами.

Основне в роботі органів юстиції в галузі сільського господарства тепер—це боротьба з викривленням сталінського статуту сільськогосподорської артілі, що всім своїм змістом спрямований на підвищення дисципліни, на правильну організацію праці, на охорону колгоспної власності, на збирання багатих урожаїв, на загальне організаційно-господарське зміцнення колгоспів.

Не можна забувати, що ці викривлення ще мають місце в ряді колгоспів і що вони набирають в окремих випадках обурливих форм. Ці викривлення є, здебільшого, формою боротьби класового ворога за послаблення і розвал колгоспів. Вони виявляються в неправильному виключенні з колгоспів, незаконному накладенні штрафів у колгоспах, порушенні колгоспної демократії тощо.

Таким чином, одним з найсерйозніших завдань є розпізнавати класового ворога у всіх цих викривленнях і завдавати рішучого вдару по всіх його спробах підірвати колгоспне будівництво заважати рухові мас за високий урожай за впровадження методів роботи п'ятисотенниць.

Усунути такі вилазки, скеровані на зрив виробничого походу за 7—8 мільярдів пудів хліба, рішуче боротися з саботажем, з перешкодами, які стоять на шляху ентузіасток-п'ятисотенниць є також одним з наших основних завдань у галузі сільського господарства.

Сталінський статут сільськогосподарської артілі, який підносить на велику височину роль загальних зборів — один з найкрасномовніших документів, що говорять про розквіт радянської демократії. Проте, ми маємо ряд прикладів порушення цієї демократії в колгоспах. Наприклад, в Оратівському районі Київської області виключено без відома загальних зборів колгоспника Кудона за те, що його дід у 1864 році мав вітряка. В колгоспі Манастирищенського району Київської області стався такий випадок: правління колгоспу доручило колгоспникові Ященку вивезти на волах гній у поле. Не маючи батога, Ященко причепив до палиці шматок бляхи для того, щоб брязкіт бляхи примусив волів краще бігти. За цей вчинок Ященка було виключено з колгоспу на засіданні правління з таким мотивом: „Маючи на увазі, що гр. Ященко виставив у карикатурному вигляді соціалістичне будівництво, чим він проявив себе як класовий ворог, виключити його з колгоспу. За трудодні не сплатити, порушити питання про оподаткування його в експертному порядку".

До одного з колгоспів Дніпропетровської області в червні 1935 року прибув представник земвідділу гр. Крюк для перевиборів голови колгоспу. Правління колгоспу висловилося проти звільнення від обов'язків голови. Не зважаючи на це, представник земвідділу Крюк виступив з загрозами в адресу загальних зборів і сказав, що земвідділ не залишить голови колгоспу, якого обстоювало правління. Після виступу Крюка загальні збори ухвалили таку постанову: «Загальні збори не знімали з посади голову і вибирати не будуть, а раз що земвідділ зняв, то нехай і вибирає».

Піклування про охорону соціалістичної власності продовжує залишатися основним завданням органів юстиції, в якому також треба вміти розпізнавати нові форми і види розкрадань, нове маскування класового ворога.

Що є характерним у фактах розкрадання соціалістичної власності? Ті справи, які пройшли на Україні, свідчать про те, що почуття відповідальності за громадську власність стало сильнішим, що розкрадати, в силу цього, стало значно трудніше. В зв'язку з цим, самі форми розкрадань стають більш утонченими, більш удосконаленими. Якщо раніше об'єктами розкрадання були продукти виробництва і споживання, то тепер превалює розкрадання грошей готівкою. Ряд справ свідчать про те, що розкрадання готується надзвичайно пильно, ролі в групі осіб—учасників розкрадань—розподіляються, і всі розкрадання взагалі проводяться організовано і надто приховано.

Одним з найбільш серйозних моментів, який знайшов вияв у справах про розкрадання соціалістичної власності—це змикання розкрадачів громадської власності з деякими елементами в бухгалтерському апараті.

Деякі з наших господарських організацій вважають справу постави обліку й бухгалтерську справу в цілому за другорядну і не приділюють їй необхідної уваги. Між тим трапляється, що до бухгалтерського апарату пролазять класові вороги і крадії, які спочатку розвалюють облік, а потім використовують розвал обліку для того, щоб роз-

крадати соціалістичне добро. Найбільш характерним випадком є справа бухгалтерів в Одесі, які перебуваючи на посадах у різних установах, організувались в одну групу і користуючися різними бухгалтерськими комбінаціями, головне, безконтрольністю, систематично розкрадали соціалістичну власність.

Характерною також є справа про зловживання в правлінні соцстраху, де значні розкрадання громадських грошей прикривались цілковитим розвалом обліку й звітності.

Україна виходить на 1936 рік з бюджетом у 78,5 млрд. карбованців. Такий величезний бюджет став можливим лише в країні соціалізму, де господарство є плановим.

Бюджет 1936 року в своїй видатковій частині передбачає величезне зростання асигнувань на культурно-побутове будівництво. Як ніколи раніше, зросли асигнування на охорону здоров'я, на комунальне будівництво, на місцеву промисловість. Нема жодної потреби у свавільному порушенні бюджетного закону, як це мало місце в Харківській і Дніпропетровській областях. І тут виступає на перший план відповідальність і роль обласного, міського і районного прокурорів—оберегати бюджетний закон, як зіницю ока.

Боротьба за додержання радянської демократії є одним з найважливіших елементів загального нагляду прокуратури. Ми повинні з більшовицькою прямотою визнати, що, не зважаючи на нещоразову і серйозну поставу питання про загальний нагляд перед нашими органами на місцях, ми маємо в цій галузі надто незначне зрушення. Проте, цей загальний нагляд охоплює такі важливі ділянки роботи, як нагляд за законністю постанов місцевих органів влади, розв'язання скарг тощо.

З спеціальною метою перевірити стан загального нагляду на місцях, прокуратура УСРР організувала рейд для перевірки 11 районів Київської і Вінницької областей. Цей рейд мав завданням перевірити не лише проходження і розв'язання скарг в органах прокуратури, а й те, як прокуратури наглядають за поставою прийому і розв'язанням скарг у місцевих органах.

Рейд виявив, що за винятком Брацлавської райпрокуратури в Вінницькій області (райпрокурор т. П'ятина) в усіх районах загальний нагляд поставлений надзвичайно погано, а нагляду прокуратури за прийомом і розв'язанням скарг в інших органах майже не існує.

Основне лихо в роботі по скаргах полягає не стільки в тому, що не завжди в нас, як і в інших органах, скарги розв'язуються правильно, скільки в тому, що саме по собі розв'язання скарг значно затягується нами і ми дуже мало боремося з бюрократизмом і тяганиною.

Ми повинні усвідомити, що зростаюча правосвідомість радянського громадянина висуває перед нами нові вимоги щодо захисту його прав і гідності. Наше завдання полягає в тому, щоб забезпечити швидке розв'язання скарг, щоб забезпечити справжнє культурне і чуйне ставлення до скаржника.

В нагляді за законністю дій місцевих органів влади в 1935 році ми мали цілий ряд проривів. У всякому разі треба сказати, що цілий ряд незаконних постанов, висвітлених у пресі, (постанова Полтавської міської ради про позику, постанова Чернігівської міської ради про сміттєвий податок, постанова про податок на мишей по Вінницькій області тощо), були виявлені не прокуратурою.

Основним нашим недоліком у цій роботі є те, що наші прокурори на місцях часто не поінформовані про всі постанови, які, приймаються в районі. Крім того, в окремих випадках прокурори плентаються в хвості місцевих настроїв і тому не опротестовують незаконних постанов.

Вказівки Леніна про те, що ми поставлені центральною владою слідкувати за законністю на місцях, повинна просякнути всю нашу роботу по загальному нагляду. Ми ще раз застерігаємо, що коли місцеві органи влади ухвалять незаконну постанову, а прокурори не опротестовуватимуть їх, то вони відповідатимуть нарівні з тими, хто ухвалив цю незаконну постанову.

Необхідно зупинитися на ще одному надзвичайно важливому пункті, стосовному до питання про права радянського громадянина. Мова йде про той надзвичайно великий прорив, що спостерігається в галузі слідства і дізнання. Ми маємо по Україні багато закритих справ у стадії слідства і стадії дізнання. Причина такого закриття полягає в безпідставному заведенні цих справ. Практика доводить, що до заведення кримінального переслідування у нас підходять безвідповідально. Заведення кримінальної справи мало місце там, де можна було обмежитися іншими заходами.

Ось ряд прикладів безпідставного заведення кримінальних справ. У Хильчанському районі, Чернігівської області, проти бригадира колгоспу Дмитренка було порушене кримінальне переслідування за хуліганство, в дальшому перекваліфіковане на ст. 101 КК УСРР (за дискредитування влади) на тій підставі, що він влаштував у себе на квартирі товариську вечірку, під час якої голосно співали пісень.

Прокурор Василівського району Дніпропетровської області вбачив у діях голови колгоспу ім. Леніна, гр. Ларикова, переслідування селькорів. Між тим, уся вина голови колгоспу полягала в тому, що він перевів селькора Ніконелуха з посади помічника рахівника на іншу, більш відповідальну, роботу. Прокурор віддав Ларикова до суду.

Ми маємо ряд фактів, які свідчать про те, що наші органи юстиції на місцях заводять в окремих випадках справи під натиском окремих керівних працівників місцевих органів, тобто не вміють протиставити себе місцевим впливам. Наприклад, у Жашківському районі вчитель-комсомолець Кравченко, 20 років, написав листа учениці 8 класу, в якому говорив про свої теплі почуття до неї. Учениця відповіла йому таким же листом. Обидва листи були викрадені і проти Кравченка зворушено кримінальне переслідування за розклад і розбещення учнів у школі. В цій справі жашківський райпрокурор виконав директиву місцевого партійного комітету. Його слідами пішов і нарсуддя, і Кравченка було засуджено на два роки позбавлення волі. Зрозуміло, що справу потім було закрито.

В Буринському районі Чернігівської області віддано до суду за недоліки в роботі акушерку Вшеляко. Нарсуд, розглянувши справу, вважав за можливе обмежитися заходами громадського впливу і передав матеріали професійній організації. По доповіді інструктора РПК—Макарова—бюро райпарткому наклало на нарсуддю Леонтьєва пратійне стягнення за неправильне розв'язання справи Вшеляко. На другий день було організовано процеса над Вшеляко і її засуджено до одного року примусових робіт з забороною протягом 3 років працювати акушеркою.

Зрозуміло, що за цю справу були притягнуті до кримінальної відповідальності нарсудя Леонтьєв, інструктор райпарткому Макаров і інші особи, які брали участь в організації процесу Вшеляко і винесли неправосудний вирок по ньому.

Щоб показати наскільки ще й досі легковажно дехто з нас підходить до питання про зворушення кримінального переслідування, досить вдатися до матеріалів підготовчих засідань по нарсудах Дніпропетровської області. За цими матеріалами виходить, що ми, по-перше, завантажуємо наполовину наш апарат непотрібною роботою, марно витрачаючи, таким чином, час необхідний на поліпшення роботи, з подруге—притягуємо велику кількість людей до органів дізнання, до суду, відриваючи їх від роботи.

Говорячи про безпідставне заведення справ, не можна обминути питання про те, що в ряді місць по цілому ряду справ ми не маємо правильної оцінки соціальної небезпеки злочину. Суд не враховує того, що змінилась соціально-політична обстанова і, підходячи бездушно до своєї роботи, виносить іноді надзвичайно суворі вироки, не викликані жодною необхідністю. Саме цим і пояснюється великий процент змінених у бік пом'якшення і зовсім скасованих вироків по справах, переданих до касаційних інстанцій.

Що треба зробити для того, щоб покінчити з безпідставним заведенням справ, щоб наші суди не захоплювались надзвичайно суворими вироками?

На нашу, думку вже назріло питання про те, щоб зворушення кримінальних справ передати цілком прокуророві, тобто встановити такий порядок, при якому жодний орган попереднього розслідуу не мав би права зворушувати кримінальне переслідування без спеціальної на те санкції, в кожному окремому випадку, з боку прокурора. Правильність такого заходу потверджується тими досягненнями, які є по категорії справ, що вже тепер заводяться лише з санкції прокурора (справи про голів сільрад, колгоспів тощо). Ми маємо досить розгорнуту мережу прокуратур, які зможуть з цим завданням впоратися.

Треба широко поставити роботу підготовчих засідань і використати підготовчі засідання для виявлення дефектів попереднього розслідуу та виправлення цих дефектів. Протоколи підготовчих засідань переважно зводяться або до затвердження віддання до суду або до закриття справи. Про наслідки слідства вони майже нічого не говорять, а між тим—це одна з вимог, що ставляться перед підготовчими засіданнями.

Необхідно, щоб обласні прокурори взяли під свій особистий нагляд боротьбу з безпідставним заведенням справ, щоб це питання щомісяця піддавалось аналізові, щоб на найхарактерніші, конкретні випадки безпідставного заведення справ рішуче реагували.

По лінії суду треба піднести якість роботи касаційної інстанції і, передусім, забезпечити вчасний аналіз судової лінії народних судів, добиваючись виправлення цієї лінії.

Слід посилити інструкторсько-ревізійну роботу і налагодити живий зв'язок обласних судів з народними судами для того, щоб на ходу виправляти помилки і випадки викривлення народними судами. Треба також значно збільшити участь прокурорів у суді.

Нарешті, основне питання, про яке треба говорити, як про вузлове питання нашої роботи—це піклування про наші кадри. Ми маємо прекрасні кадри, з погляду партійного і соціального обличчя їх. Але ці кадри недостатньо кваліфіковані і технічний рівень їх надзвичайно низький. Нашим невідкладним завданням є піднести їх теоретичний рівень, навчити їх працювати, зробити їх повноцінними політичними працівниками.

Треба сказати, що 1935 рік у цьому відношенні був переламним. Ми в цьому році встигли організувати юридичний факультет при Київському державному університеті, відкрити ще одну річну школу в Дніпропетровську, організувати курси технічних працівників майже в усіх областях і зараз працюємо над питанням про відкриття юридичних курсів перепідготовки відповідальних працівників, через які буде пропущений весь склад працівників юстиції.

До останнього моменту справа з впровадженням юрмінімуму в нас стоїть не гаразд. Тепер ми намітили цілий ряд конкретних заходів, ввели обов'язкове вивчення юрмінімуму в гуртках, забезпечили периферію літературою і незабаром організуємо консультаційні пункти при юридичних школах для обслуговування працівників, які проходять юрмінімум.

Можна сподіватися, що в першій половині 1936 року справа опанування юрмінімму буде остаточно налагоджена.

Хотілося б зупинитися на питанні про ставлення до наших кадрів. Цілком очевидно, що наше ставлення до кадрів ще не відповідне до тих вимог, які висунув у своїй історичній промові т. Сталін. Т. Сталін ставив питання про піклування, про заохочування, про допомогу кадрам. На жаль, у цьому питанні в нас ще нема потрібного зрушення.

Величезним завданням у галузі кадрів є забезпечити піклування про людей у сталінському стилі, підвищити їхню кваліфікацію, допомогти їм повсякденно рости і освоювати техніку.

Все сказане вище далеко не вичерпує всіх завдань, що стоять зараз у центрі уваги органів юстиції.

Ми закінчили 1935 рік рядом блискучих досягнень. Ми усунули елементи масової репресії, розвантажились від старих справ, посилили темпи в роботі, почали працювати з більшою оперативністю. Але в дальшому ще багато роботи. Піднесення авторитету суду і прокуратури, всіляке поліпшення їх роботи ще більше підсилять роль цих органів у питанні про зміцнення соціалістичного ладу.

Не розпорошуючи уваги на другорядному, охопити основну ланку, навчитися правильно сполучати повсякденну практичну роботу з вимогами класової боротьби і соціально-політичної обстанови, усунути застійність і консерватизм у нашій роботі—ось ті елементи, які потрібні нам для того, щоб під керівництвом великої партії Леніна-Сталіна виправдати звання справжніх будівників соціалістичного суспільства.

Б. БЕНЕДИКТОВ

Борьба органов юстиции УССР за охрану интересов личности

Народное хозяйство Страны советов в основном стало социалистическим хозяйством — таков величайший исторический итог успехов пролетариата под руководством коммунистической партии, во главе с лучшим продолжателем дела Ленина — учителем и вождем трудящихся масс товарищем Сталиным. Широкие трудящиеся массы, как никогда, почувствовали непосредственные материальные результаты пролетарской революции. Всеми этими успехами подготовлено зародившееся стахановское движение, поднявшее энтузиазм масс на небывалую высоту, опрокинувшее своей могучей творческой силой старые нормы производства. Стахановское движение еще больше развернуло творческую инициативу широких масс рабочих и колхозников.

Мы накануне завершения второй пятилетки, исторической задачей которой является окончательная ликвидация классов и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращения всех трудящихся в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества.

В своем докладе на II сессии ЦИК Союза т. Молотов говорил: «Если взять теперешнюю социальную основу нашего государства, то она полностью соответствует тому факту, что все народное хозяйство страны стало социалистическим. В этом смысле задачу ликвидации классов мы решили. Но это не значит, что не осталось уже классово враждебных нам элементов».

Пролетарская диктатура успешно искореняет и уничтожает эти остатки, использующие всякое ослабление революционной бдительности, чтобы пакостить и вредить на различных участках нашей великой социалистической стройки.

Всемерное развитие и укрепление социалистической собственности поднимает нашу страну на недосягаемую высоту. Успешно переделывая сознание людей, искореняя пережитки капитализма, социалистическое строительство рождает новое представление о человеке, о его личности и его правах.

Социализм создает действительные условия жизни и развития каждого трудящегося. Еще Энгельс говорил, что когда настанет время окончательной победы социалистической собственности, «прекратится борьба отдельных личностей за существование. Можно сказать, что, таким образом, человек окончательно выделится из царства животного и из животных условий существования перейдет в условия действительно человеческие» [1].

Это время уже настает. Социалистическая Страна советов создала всем трудящимся условия для хорошей и веселой жизни. Это содействует еще более ускоренной и плодотворной переделке сознания людей, причем меняется не только сознание, но меняются даже человеческие чувства. Недаром Маркс говорил, что уничтожение частной собственности представляет полное освобождение всех человеческих чувств и свойств.

Социализм освобождает наши чувства от всего грубого, низкого, подлого, что вкоренялось веками существованием эксплоататорского общества. Социализм развивает всю энергию, таланты, способности народа, которые долгими веками держались под спудом. Стахановское движение является блестящей иллюстрацией к тому, как на основе коллективности социализм обеспечивает всестороннее развитие каждого индивидуума. Забота о социалистическом человеке, об его личности, о полном развитии его способностей составляет суть советской политики. Ежедневная забота социалистического общества об интересах каждой личности пораждает героизм труда, поднимает могучий порыв в борьбе за новую, счастливую жизнь.

Маркс писал: «Уничтожение частной собственности представляет полное освобождение всех человеческих чувств и свойств, но оно является этим освобождением именно потому, что эти чувства и свойства стали человеческими как в субъективном, так и в объективном смысле.

Глаз стал человеческим глазом, подобно тому, как его предмет стал общественным, человеческим предметом, созданным человеком для человека» [2].

О переделке наших чувств блестяще говорил на пленуме правления союза советских писателей Украины Павел Петрович Постышев. «Возьмите, например, — говорил он, — такую новую черту «души» советского человека, как тяга к творчеству, к созидательной работе. На всех приезжающих в нашу страну, даже из стана врагов, производит ошеломляющее впечатление этот порыв многомиллионной армии трудящихся нашей отчизны к творчеству, к созиданию, к борьбе за новую, светлую жизнь». «Тяга к творчеству — это новая черта «души» советского человека». И дальше: «Возьмите, далее, такую черту «души» советского человека, такую особенность его самоощущения, как чувство собственного достоинства, рост уважения к себе и к своим согражданам, творящим общее социалистическое дело» [3].

Действительно, чувство гордости, чувство личного достоинства значительно выросло у трудящихся нашей страны. Каждый чувствует себя активным и сознательным строителем социализма и вместе с тем чувствует ежедневную заботу о себе социалистического общества. Вот почему так серьезно и решительно

---

[1] Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 286.

[2] Маркс, Том III, стр. 626.

[3] П. П. Постышев, Пути украинской советской литературы, стр. 45—48.

реагируют трудящиеся на незаконное ущемление их интересов.

Все работники юстиции отмечают увеличение поступающих на их рассмотрение жалоб. Означает ли это, что в нашей стране увеличилось число нарушений революционной законности? Нет, ни в коем случае. Даже наоборот, число нарушений революционной законности значительно снизилось благодаря систематической и упорной борьбе за внедрение социалистического правосознания, за укрепление революционной законности. Увеличение количества жалоб объясняется ростом личного достоинства граждан нашей страны, реагирующих даже на незначительные нарушения законов, мимо которых они до сего времени проходили, не замечая их.

Жалобы очень часто помогают работникам юстиции обнаружить, как именно остатки классово враждебных элементов пытаются использовать советские законы. Вместе с тем, правильное и своевременное разрешение жалоб трудящихся помогает выявлять бюрократов, бездушных формалистов, ущемляющих законные права трудящихся.

Недавно проведенный прокуратурой УССР рейд проверки состояния рассмотрения жалоб в 14 районах Украины показал, что в ряде райисполкомов, отделах райисполкомов, сельсоветах к жалобам относятся формально и даже наплевательски. К сожалению, прокуроры не везде решительно реагировали и пресекали эти безобразия, а ограничивались направлением жалобы на рассмотрение тех органов, на которые жаловались. В некоторых местах сами прокуроры допускали безобразную волокиту, задерживая разрешение жалоб от 3—5 и до 8 месяцев (Калиновка, Янушполь, Монастырище).

Приказ генерального прокурора УССР о результатах проверки состояния прохождения жалоб по 14 районам со всей силой ударяет по благодушному отношению работников прокуратуры к рассмотрению жалоб трудящихся. «Быстрое» рассмотрение жалобы на практике сводилось часто к тому, что прокурор, рассмотрев жалобу, запрашивал объяснения, поручал расследовать ее, причем само расследование тянулось месяцами, объяснения поступали неудовлетворительные, и жалоба оставалась неразрешенной по нескольку месяцев, хотя в статистике рассмотрения жалоб она фигурировала как немедленно рассмотренная. Своим приказом генеральный прокурор республики требует, чтобы районные прокуроры добивались окончательного разрешения жалобы по существу в течение 10-дневного срока. Районные и областные прокуроры обязываются систематически анализировать и изучать жалобы, чтобы сигнализировать соответствующим органам о нарушении революционной законности на том или ином конкретном участке.

В результате рейда, проведенного прокуратурой республики, наметился перелом в рассмотрении жалоб в органах прокуратуры Украины и заострено внимание прокуроров на изучении состояния рассмотрения жалоб в отделах райисполкомов, сельсоветах и т. д.

Мы уже сейчас имеем факты действительно образцовой организации работы в райпрокуратурах по приему жалоб. Примером этому служит прокурор Браславского района Винницкой области т. Пятина, которой приказом по прокуратуре республики объявлена благодарность за организацию работы по приему и разрешению жалоб.

Мы придаем жалобам особое значение, так как они помогают нам выявлять остатки классово враждебных элементов, бюрократов, которые допускают явно издевательское отношение к трудящимся.

Рост чувства личного достоинства сказывается также и в значительном увеличении дел частного обвинения. Нужно в порядке самокритики совершенно открыто признать,что прокуратура в подавляющем своем большинстве почти никогда не обращала внимания на дела частного обвинения. Да и сам суд рассматривал эти дела как «принудительный ассортимент», от которого нужно избавиться. Дела об оскорблениях, о распространении позорящих сведений приобретают на современном этапе серьезное значение. Нередки случаи, когда классово враждебные элементы, желая избавиться от бдительного ока какого-нибудь преданного работника, стараются его оклеветать, опозорить, дискредитировать и этим добиться его устранения.

Можно привести хотя бы такой яркий факт. Секретарем заводского партийного комитета Сталинского завода № 15 треста «Кокс» был избран т. Юхин, рабочий, член партии с 1917 г., принимавший активное участие в гражданской войне, а затем на различных участках социалистического строительства. Юхин, знакомясь с работой завода, обратил внимание на скверное состояние строительства углемойки. Рабочие жаловались т. Юхину на руководителя монтажных работ Поля, который дает неправильные технические указания, неверно расставляет рабочую силу, грубо обращается с рабочими. Заинтересовавшись личностью Поля, т. Юхин выяснил, что Поль в прошлом активный эсер, был уволен за антисоветскую деятельность с завода им. Сталина. В связи в этим т. Юхин настаивал на снятии Поля с работы на заводе «Кокс».

Желая отомстить т. Юхину, Поль распустил среди рабочих слухи, что т. Юхин проживает по чужому документу, что в действительности он не Юхин, а Мартынов, и что он сын раскулаченного. Поль достал у работника спецотдела Чекмарева фотографическую карточку Юхина, поехал в село Юшкино Шаблыкинского района Западной области и привез оттуда свидетельские показания, что действительно Юхин сын раскулаченного Мартынова. Доставив этот материал на завод, Поль развернул настоящую травлю т. Юхина.

Только тогда, когда в с. Юшкино выехала специальная комиссия, которая взяла с собой т. Юхина, предъявила его общему собранию села, было установлено, что Юхин ничего общего не имеет с сыном кулака Мартынова.

Свидетели, которые утверждали в своих свидетельских показаниях Полю, что Юхин и Мартынов одно и то же лицо, объяснили, что Поль, показывая им карточку, прикрывал верхнюю часть фотографии рукой. Комиссия выехала с т. Юхиным в с. Ново-Жупаново Юхинского района, где колхозники этого села на общем собрании опознали в Юхине своего односельчанина, и таким образом Юхин был реабилитирован. Поль привлечен был к уголовной ответственности и осужден.

Этот факт свидетельствует, что в делах частного обвинения часто отражается процесс обостренной классовой борьбы, желание врага мстить активным участникам социалистической стройки.

Значение дел частного обвинения хотя медленно, но все же проникает в сознание работников юстиции, и мы уже имеем ряд, правда, единичных, фактов, когда дела частного обвинения возбуждаются по инициативе прокурора, который даже поддерживает обвинение в суде.

Прокуратура республики вместе с Верхсудом Украины изучает сейчас дела частного обвинения, чтобы помочь низовым работникам лучше и правильнее организовать прохождение дел этой категории.

Гражданские дела относятся к той категории дел, которыми работники прокуратуры занимались очень мало, а в суде они проходили с значительными и серьезными дефектами. Гражданские дела (трудовые, жилищные, алиментные и другие) непосредственно связаны с вопросами дальнейшего улучшения материального благосостояния трудящихся. Несмотря на то, что в нарсудах гражданские дела составляют 55—60% всего количества рассматриваемых дел, дела эти по существу были в загоне. Темпы прохождения дел явно неблагополучные, не говоря уже о том, что наибольшее количество откладываемых дел дают именно гражданские дела. Казалось бы, что такие категории дел, как алиментные, должны проходить с максимальной скоростью и всемерным обеспечением истиц, поскольку речь идет по существу об обеспечении детей. К сожалению, и здесь наблюдаются случаи безобразнейшей волокиты с допущением грубейших процессуальных нарушений.

Почти как правило, суды нарушают ст. 214 ГПК УССР, требующую, чтобы в делах об алиментах до рассмотрения дела по существу суд обеспечил временное содержание истицы и детей за счет ответчика. Зиньковский же нарсуд Харьковской области принял 19/XI 1934 г. иск гр. Кобзарь Акулины к ее мужу на содержание детей, назначил дело к слушанию только лишь 28/X 1935 г. Несмотря на то, что судья назначил дело к слушанию почти через год, он не задумался над применением ст. 214 ГПК, оставив без материальной поддержки ребенка. Таких фактов и примеров можно привести немало.

В этой категории дел суды грешны и в части некритического отношения к представляемым в суд материалам. Так, Кременчугский нарсуд рассмотрел заявление некоего Кирноса об уменьшении присужденных алиментов, причем в качестве мотивов Кирнос выдвинул то, что у него родился ребенок и, кроме того, к нему перешла на иждивение сестра жены. В доказательство представил неофициальную справку.

Суд, не проверив, удовлетворил заявление Кирноса и уменьшил алиментную сумму с 40 на 30 руб. При проверке же оказалось, что семья Кирноса состоит только из двух человек (он и жена) и что этим заявлением он вводил в заблуждение суд.

Белопольский нарсуд Харьковской области по иску гр. Вороны к Призуде присудил на содержание детей 20 руб. в месяц, причем в деле нет никаких материалов о заработке ответчика, о материальном положении истицы; решение суда без описательной части и без мотивов удовлетворения иска.

Если в отношении взыскания алиментов на содержание детей нарсуды в основном присуждают такие суммы, которые более или менее обеспечивают содержание детей, то в отношении взыскания алиментов на содержание родителей наблюдаются случаи присуждения таких сумм, которые носят явно анекдотический, если не сказать хуже, характер. Тот же Белопольский нарсудья присудил с гр. Шульги на содержание престарелой матери по 20 руб. в месяц. Матери Шульги 90 лет. Через некоторое время суд, без всяких оснований, по ходатайству гр. Шульги снова рассмотрел дело и уменьшил размер содержания до 10 руб. в месяц. Между тем Шульга работает в колхозе, имеет усадьбу, хату, корову и имеет все возможности обеспечить свою престарелую мать.

Кременчугский нарсуд присудил в пользу 75-летней старухи-матери с двух сыновей по 10 руб. в месяц. Ясное дело, что старуха на эти 20 руб. прожить не может, и это решение суда, формально законное, по существу носит явно издевательский характер.

Положение с алиментными делами усугубляется еще тем, что исполнение решений нарсудов маринуется подолгу у судебных исполнителей, хотя Верхсуд Украины своим постановлением обязывает нарсудей каждые пять дней проверять работу судебных исполнителей, устанавливать очередность в исполнении решений.

Большим недостатком является то, что до сих пор в областных прокуратурах не было специальной прокуратуры по гражданским делам.

Сейчас, в связи с созданием в прокуратуре Украины специального сектора по гражданским делам, организацией таких секторов по областным прокуратурам значительно усилится надзор прокуратуры за разрешением гражданских дел в нарсудах.

Одновременно с этим настало время разрешить и другой очень серьезный вопрос. Так как наблюдение за исполнением решений по гражданским делам возложено исключительно на суды, прокуроры самоустранились от надзора за исполнением решений судебными исполнителями. Нам представляется, что поскольку прокуратура обязана следить за исполнением приговоров, нет надобности проводить специальное разграничение между приговорами уголовными и решениями гражданскими.

Необходимо, чтобы прокуратура наблюдала за исполнением решений по гражданским делам, наблюдала за деятельностью судебных исполнителей.

Прокуратура Украины организовала за последнее время ряд крупных процессов в отношении неплательщиков алиментов (дело Шора—Одесса, дело Коцкер — Киев и т. д.), мобилизовав общественность вокруг этих процессов.

На оперативном совещании при Народном комиссариате юстиции был заслушан доклад харьковского облпрокурора т. Брона и врид. председателя Харьковского областного суда т. Топорина об алиментных делах по Харьковской области, и на выявленных недостатках

в прохождении этой категории дел по Харьковской области прокуратура республики и верхсуд УССР мобилизовали всю периферию органов юстиции Украины.

В свете борьбы за прочную охрану интересов граждан нашей социалистической страны серьезное значение приобретает вопрос о неосновательном возбуждении уголовных дел: нужно сказать, что областные прокуроры Украины развернули значительную и очень серьезную борьбу с неосновательным возбуждением уголовных дел, возникающих в результате недостаточно внимательного отношения к анализу материалов. Областные прокуроры правильно обращают внимание на состояние органов дознания, где до недавнего времени процентов 50—55 всех дознаний кончались прекращением за отсутствием состава преступлений или за недоказанностью обвинения.

Сейчас цифра эта резко снижена; так, по Харьковской области процент прекращенных дознаний снизился до 33.

По Черниговской области в 1934 г. прекращалось 49,7% дознаний, а в 1935 г. — 39,8% всего количества законченных дознаний.

Это нельзя еще признать удовлетворительным. Нельзя ни в коем случае согласиться с тем, чтобы человека отрывали от полезного труда, вызывали на допрос в органы дознания, а иногда и следствия, нервировали, дискредитировали только в результате того, что кто-то не удосужился проверить и проанализировать имеющийся в его распоряжении материал.

Донецкое отделение Вукопкниги возбудило дело о растрате гр. Слуцкером 4192 р. 88 к. В результате произведенного тщательного следствия установлено, что у Слуцкера была недостача в сумме 10 руб.

Донпромхлеб возбудил дело по обвинению Потоковой в растрате 1141 руб. В процессе следствия установлено, что за Потоковой никаких сумм не числится. В Хильчанском районе Черниговской области возбуждено уголовное дело против бригадира колхоза Дмитренко за хулиганство, выразившееся в том, что он у себя на квартире устроил товарищеский вечер, в котором приняли участие и другие колхозники; на этом вечере выпили вина и громко пели в квартире.

Привлекая к уголовной ответственности человека за растрату, за хулиганство, этим самым вокруг этого человека создают атмосферу общественного недоверия, человека снимают с работы, ущемляют его права, а в итоге дело прекращается за отсутствием состава преступления.

Этот вопрос сейчас заострен перед всеми работниками юстиции Украины. Прокуратура республики запретила привлекать к уголовной ответственности председателей колхозов, председателей сельсоветов без личного разрешения на то областного прокурора, который должен лично анализировать материал, служащий основанием к возбуждению уголовного дела.

Органам дознания запрещено возбуждать уголовное дело в отношении бригадиров и других колхозных активистов без разрешения районного прокурора.

Эти мероприятия представляют собой только первые шаги в борьбе с безосновательным возбуждением уголовных дел.

В связи с этим очень остро встает сейчас вопрос о реабилитации неправильно осужденных или неправильно привлеченных в качестве обвиняемых в стадии следствия. На практике реабилитация неправильно осужденных или неправильно привлеченных заключается в том, что выдают человеку на руки справку, что дело в отношении его прекращено. А между тем гражданин этот по существу выбит из колеи, с работы уволен, дискредитирован, унижен, и ясное дело, что справка не может загладить причиненный вред. Мы очень редко привлекаем к ответственности тех, по вине которых людей напрасно привлекают в качестве обвиняемых, а затем дела их прекращают.

Очень многие руководители учреждений с легкостью наклеивают ярлык растратчика на людей, ни в чем не повинных, только потому, что бухгалтерия в этом учреждении запущена, запутана, и в ней разобраться очень трудно. И вот, после того как дела о таких «растратчиках» прекращаются за отсутствием состава преступления, руководители, бухгалтеры остаются в тени и зачастую рьяно даже выступают против восстановления незаконно уволенных с работы.

Мало уделяют также внимания и суды вопросу о реабилитации оправданных. В этом отношении органы юстиции, охраняющие интересы и отдельных граждан, обязаны быть более решительными в реабилитации неправильно привлеченных в глазах нашей советской общественности.

Прокуратура Украины делает все необходимые выводы из указания т. Вышинского в его докладе о задачах органов юстиции, в свете речи товарища Сталина 4/V 1935 г.

Эти указания т. Вышинского являются программой перестройки наших органов на местах, помогают нам поднимать органы прокуратуры Украины на уровень предъявляемых партией и правительством требований.

Органы юстиции Украины перестраиваются для прочной охраны интересов социалистического гражданина, роль и значение которого значительно возросли на современном этапе. Органы юстиции Украины помнят слова товарища Сталина: «Непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности» [1].

Органы прокуратуры Украины в своей повседневной работе добиваются, чтобы это указание товарища Сталина об охране интересов личности было осуществлено.

---

[1] Сталин, «Вопросы ленинизма», издание 10-е, стр. 602.

С. КОГАН

Борьба с преступлениями несовершеннолетних в УССР

Та колоссальная забота, которую проявляют партия и советская власть в борьбе за ликвидацию преступности среди несовершеннолетних и за ликвидацию тех условий, которые порождают детскую преступность, безграничное внимание, которое уделяет советская общественность этому вопросу, обусловливаются тем серьезным значением, которое имеет воспитание детей — будущих строителей социалистического общества—в коммунистическом духе.

После издания закона 7/IV 1935 г. органы юстиции УССР провели большую работу по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних.

Эта работа потребовала специальных организационных мероприятий. Прежде всего, и в частности в больших городах, были выделены специальные следователи, специальные камеры народного суда для рассмотрения дел о преступлениях несовершеннолетних. Были выделены специальные прокуроры по этим делам. В последующем эти дела, как правило, рассматривались на подготовительных заседаниях судов, причем участие прокурора как на подготовительном заседании, так и на судебном заседании по этим делам было введено как обязательное.

Прокуратура занималась и вопросом организации надлежащего содержания под стражей несовершеннолетних преступников. На местах был проведен ряд обследований, которыми установлено, что в местах заключения для содержания несовершеннолетних правонарушителей созданы удовлетворительные условия. Заключенные обеспечены хорошими материально-бытовыми условиями, с ними проводится серьезная культурно-воспитательная работа.

Прокуратура добилась также значительного улучшения условий предварительного содержания под стражей несовершеннолетних в камерах милиции. Отведены специальные камеры, вполне оборудованные, в отдельных больших камерах имеются воспитатели и т. д.

Сейчас же, после издания этого закона, органы прокуратуры на местах провели большую массово-популяризаторскую работу; о значении этого закона было поставлено много докладов на фабриках и заводах, на собраниях родителей, учителей. И нужно со всей объективностью сказать, что в популяризации этих мероприятий по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних, в мобилизации общественного мнения вокруг этого вопроса наши прокуроры сыграли довольно серьезную роль.

Прокуратура Союза ССР в своих указаниях, данных в октябре 1935 г. по вопросу о борьбе с преступностью среди несовершеннолетних, указала на целый ряд недочетов в этой работе, особенно в части судебной репрессии, которые полностью относятся и к Украине.

Мы хотим остановиться на некоторых отдельных недочетах борьбы с преступлениями несовершеннолетних, которые продолжают еще до последнего времени иметь место.

Если мы ставим очень резко вопрос о борьбе с безосновательным возбуждением дел в отношении взрослых, то еще резче нужно этот вопрос ставить по отношению к несовершеннолетним. Тем не менее в обеспечении соответствующего контроля за возбуждением дел о преступлениях несовершеннолетних мы имеем чрезвычайно серьезное отставание. Это отставание характеризуется хотя бы тем недопустимым процентом дел, которые прекращаются в стадии предварительного расследования, в подготовительных и даже судебных заседаниях.

Вот несколько цифр:

Процент прекращения дел о преступлениях несовершеннолетних по Одесской области составляет 27, по Днепропетровской области — 34; по Винницкой области в стадии предварительного расследования прекращено 30% этих дел, оправдание составляет 8%, прекращено в подготовительных и судебных заседаниях 11%. Таким образом около половины дел о преступлениях несовершеннолетних по Винницкой области было возбуждено безосновательно либо без всякой надобности.

Другой неправильный момент в применении судебной репрессии по этим делам заключается в том, что наши суды увлекаются количеством дел, и иногда действительно судят за мелочи.

Мы имели такой случай, когда в Днепропетровской области судили за кражу с баштана 5 арбузов; когда по Винницкой области станиславченский райпрокурор предал суду за подделку денежных знаков ученика школы за то, что он, умея хорошо рисовать, нарисовал от руки денежный знак рублевого достоинства.

С другой стороны, налицо ряд случаев, когда отдельные суды недооценивают социальной опасности преступлений несовершеннолетних. Вот к примеру такой случай: Винокуров, 16 лет, работал в конторе Бурургля. 19/VII 1935 г. был уволен. Зная расположение конторы и имея у себя ключ от конторы, он украл 1068 руб. и обеденные талоны, с которыми был пойман,

Через некоторое время он украл в МТС велосипед, затем из кинобудки украл часть киноаппарата; хранил у себя револьвер и т. д.

Александрийский нарсуд (Днепропетровской области) присудил его к «медико-педагогическим мерам в г. Харькове на три года».

Естественно, что в данном случае никак нельзя было ограничиться медико-педагогическими мерами, а помимо этого просто непонятно, что хотел сказать суд этим приговором и какую он имел в виду применить меру наказания.

Общие цифры о репрессии среди несовершеннолетних тоже отражают отдельные серьезные недочеты. В отдельных областях мерой наказания назначается исключительно лишение свободы и очень незначителен процент других мер.

В Днепропетровской области по 25% дел назначались принудительные работы в отношении несовершеннолетних.

Отдельно необходимо остановиться на судебной репрессии в отношении подстрекателей. Прежде всего необходимо указать на то, что следствие очень слабо выявляет подстрекателей.

Областные прокуроры прекрасно себе это уясняют, но тем не менее до сего времени перелома в этом направлении почти не ощущается.

Донецкий облпрокурор в своем отчете пишет: «подстрекатели выявлены в небольшом количестве».

Если обратиться к цифрам, характеризующим лицо выявленных подстрекателей, то они свидетельствуют о том, что в основном — это либо классово враждебные элементы, либо лица с уголовным прошлым.

Между тем, невзирая на это, репрессия в отношении их почти во всех областях, за редким исключением, применяется с нарушением санкции ч. 2 закона 7/IV 1935 г.

По Одесской области только в отношении 50% всех подстрекателей применена санкция закона 7/IV 1935 г., по Винницкой области только в отношении 58% подстрекателей (причем по Винницкой области имеет место осуждение к принудительным работам и условное осуждение подстрекателей).

Таким образом ни выявление, ни репрессия по отношению к подстрекателям не соответствуют той социальной опасности, которую они собой представляют.

Обращает на себя внимание еще и следующий недочет в работе по делам о несовершеннолетних.

При том положении, когда лишение свободы назначалось как мера наказания по делам о несовершеннолетних в подавляющем числе случаев,—кассационное обжалование этих приговоров чрезвычайно незначительно. Областные суды и президиумы коллегий защитников вопросу организации юридической помощи несовершеннолетним не уделяли надлежащего внимания. И этим в основном можно объяснить такой низкий процент обжалования приговоров по этим делам.

Если по линии суда, следствия и прокуратуры были выделены специальные работники и проведены другие организационные мероприятия, то по линии коллегии защитников на Украине ничего еще не сделано.

Мы имеем целый ряд фактов недооценки со стороны коллегии защитников этих дел, поручения этих дел неквалифицированным защитникам и т. д.

Характерен такой пример: в Черноостровском районе Черниговской области была предана суду ученица 4 класса Анна Безносюк, возраста ниже 12 лет (без 3 месяцев), за то, что она побила 7-летнюю девочку, обозвавшую ее «безносой». Народный суд осудил Анну Безносюк к 2 годам лишения свободы, а член коллегии защитников в кассационной жалобе вместо того, чтобы потребовать отмены приговора, поскольку Безносюк не достигла 12-летнего возраста и в ее действиях вообще нет состава уголовно-наказуемого преступления, просил только о смягчении приговора.

Материалы областных прокуратур, имеющиеся в распоряжении НКЮ УССР, свидетельствуют о том, что если прокуроры выполнению закона 7/IV 1935 г. уделяли много внимания, то закону 31/V 1935 г., который ставит перед прокуратурой не меньшие задачи, нежели закон 7/IV, по своему объему и сложности, — до последнего времени достаточного внимания они не уделяют.

Сейчас, ни в коей мере не ослабляя борьбы за реализацию закона 7/IV, необходимо сосредоточить внимание прокуроров на целом ряде вопросов, связанных с выполнением постановления 31/V о ликвидации беспризорности и безнадзорности, на борьбе с теми родителями и опекунами, которые не хотят осознать чувство своей ответственности за содержание и воспитание детей, на вопросах борьбы с нарушениями и искривлениями в этой части патронирования детей, особенно в колхозах, поскольку эта работа непосредственно связана с вопросом о борьбе с преступлениями несовершеннолетних. Успешное проведение этой работы должно решительно сказаться на эффективности нашей работы по ликвидации детской преступности.

«Тов. Вышинский правильно говорил здесь о необходимости укреплять авторитет нашего суда и прокуратуры и всячески улучшать условия их работы. Суд, как и работа милиции, имеет большое значение в деле борьбы за культурность трудящихся. Хорошая организация суда и высокий его авторитет, хорошая работа милиции и ее настойчивая борьба против элементов бытового разложения и хулиганства, хорошая работа всего управленческого аппарата в нашей стране, где советский демократизм растет во все новых и во все более замечательных проявлениях, во многом укрепляет новую культуру и новый быт, во многом укрепляет социалистический строй».

(*Из речи председателя СНК Союза ССР т. МОЛОТОВА о народнохозяйственном плане 1936 г. на 2-й сессии ЦИК Союза ССР 10 января 1936 г.*).

Е. БАРАНОВ

Больше внимания гражданским делам

От работников суда на современном этапе больше чем когда бы то ни было требуется четкая, быстрая и высококачественная работа, соответствующая требованиям, предъявляемым сейчас партией и правительством к органам юстиции. К сожалению, не все органы юстиции быстро перестраиваются. Методы работы некоторых звеньев нашей системы явно отстают от жизни и поэтому не могут удовлетворить нужд и требований трудящихся великой социалистической страны.

Особенно ярко бросаются в глаза эти недостатки в работе суда по гражданским делам. Обследованием, произведенным верховным судом Украины, камеры нарсуда Петровского района г. Киева в декабре 1935 г. выявлен ряд серьезных недостатков в работе суда по гражданским делам. Несмотря на исключительную важность проводимых партией и правительством мероприятий по ликвидации беспризорности и безнадзорности детей, нарсуд Петровского района все же явно недооценивал политического значения алиментных дел.

За 11 месяцев 1934 г. в Петровский народный суд поступило 292 алиментных дела, а за 11 месяцев 1935 г. — 442 дела. Такой большой рост алиментных дел, казалось бы, требовал особого внимания нарсудей к этим делам. Однако на 1 декабря 1935 г. в камере суда имелось неразрешенных 145 алиментных дел, при месячном поступлении в 40 дел. Темпы рассмотрения алиментных дел явно не удовлетворительны: сроком до 5 дней рассмотрено 49 дел, до 10 дней — 45, до 20 — 61, до 1 месяца — 56, до 3 — 79, до 6 — 5 и свыше 6 месяцев — 2.

Несмотря на длительные сроки прохождения дел в суде, суд не выносил постановления о взыскании средств с ответчиков до разбора дела и игнорировал ст. 214 ГПК УССР, которая к этому суд обязывает. Даже в случаях, когда спора об отцовстве не было, а суд откладывал дело для представления справок о заработной плате, ст. 214 также не применялась. Алиментных исков из 253 удовлетворено 243, и это обстоятельство тем более должно было подсказать судьям необходимость выдачи исполнительных листов до разбора дела. Между тем выдача исполнительных листов в порядке ст. 214 ГПК являлась редким явлением в практике суда. Выборочные данные свидетельствуют о том, что в основном алиментные дела по существу разбирались правильно, но обнаружены такие дела, где допущено нарсудом сугубо формальное, нечуткое отношение к интересам матери и ребенка.

Гр. Коперник Екатерина предъявила к бывшему мужу Копернику Леониду иск об уплате алиментов. В исковом заявлении Коперник Екатерина указала суду, что она временно не работает, средств на жизнь не имеет, бедствует, а ответчик, состоящий начальником исправительно-трудового бюро райотделения НКВД, получает 210 руб. жалования, но содержать ребенка отказывается. Ответчик от отцовства не отказывался. В судебном заседании явившаяся мать ребенка заявила, что ребенок умер. Нарсуд дело за смертью ребенка прекратил и не обсудил вопроса о взыскании с ответчика средств, потраченных матерью на ребенка при его жизни, и на расходы, связанные с его похоронами, хотя Коперник Екатерина и просила об этом.

Отсутствие четкости в работе нарсуда по гражданским делам характерно не только для одного нарсуда Петровского района г. Киева.

В Киевский облсуд 26/II 1935 г. по почте поступило исковое заявление красноармейца Клепы М. Г. с просьбой присудить ему 50 руб. с лиц, незаконно разобравших его домик. Облсуд исковое заявление передал нарсудье Каневского района, причем указал судье, что ответчиком должен являться Каневский рик (районный исполнительный комитет), что надо вызвать Клепу для оформления его заявления и заслушать вне очереди.

Нарсудья Каневского района 25/III 1935 г. вернул исковое заявление Клепы в Батум для оплаты госпошлины и представления копии искового заявления. 14/IV 1935 г. Клепа снова прислал свое заявление Киевскому облсуду без оплаты пошлины и просил рассмотреть дело в его отсутствие. 22/IV 1935 г. облсуд заявление Клепы снова передал каневскому нарсудье и предложил последнему истца как красноармейца освободить от госпошлины. 26/IV 1935 г. нарсудья Каневского района вместо выполнения указания облсуда о том, что ответчиком должен являться рик, привлек в качестве ответчика г. Бобоненка, который когда-то был зав. комхозом Каневского рика и как зав. комхоза произвел разборку дома Клепы (Бобоненко осужден по ст. 98 УК УССР к 1 году и.-т. р. за незаконный слом дома Клепы). В дальнейшем судья по неизвестной причине передал это дело Петровскому нарсуду, хотя в деле данных о том, что ответчик живет в Киеве, нет.

Нарсудьи Петровского района г. Киева назначали это дело к слушанию 7/VII, 8/VIII, 10/IX, 26/X и 27/XI 1935 г. и каждый раз дело откладывали, так как по делу из сторон никто не являлся, сведений о вручении повесток не было; почему повестки не вручались — суд не проверял, и на день обследования (декабрь 1935 г.) дело находилось в том же положении. Вот один из случаев волокиты, когда красноармеец целый год ждет решения суда по делу, по которому грубо была нарушена революционная законность.

Не менее характерным является дело по иску киевского рыбаксоюза к гр. Шевчуку о 2435 руб. убытка за потопленную Шевчуком моторную лодку. Нарсудья заслушал дело в отсутствие истца и отказал ему в иске, хотя истцу повестка вручена не была.

А вот пример нетерпимой невнимательности и халатности, допущенной работниками нарсуда 8 района Харьковской пригородной полосы. 15/III 1935 г. в этот нарсуд поступило иско-

вое заявление гр. Загоруйко Т. С. к ответчику Еременко. Заявление это подшили к делу иска Михайлик Елены к Власенковой, ничего общего не имеющему с заявлением Загоруйко. Исковое заявление пролежало в деле Михайлик без движения 10 месяцев, но самое характерное это то, что дело по иску Михайлик слушалось три раза в нарсуде, два раза в Харьковском областном суде, судьи, а также и члены облсуда при ознакомлении с делом Михайлик, при его слушании, на исковое заявление Загоруйко, подшитое к делу, внимания не обратили. Лишь при заслушании дела в Верховном суде УССР заявление Загоруйко было изъято из дела Михайлик и вынесено соответствующее постановление в отношении лиц, допустивших такую халатность (постановление Верхсуда по гражданской коллегии от 13/XII 1935 г.).

Приведенные случаи подтверждают, что должного внимания к гражданским делам еще нет во многих камерах.

30% дел, назначенных к слушанию, откладывается слушанием, главным образом, в силу плохой и невнимательной подготовки дел к судебному заседанию.

Указанные факты дают основания сказать, что для повышения качества работы по гражданским делам от судей требуется не только повышение квалификации в части освоения юридических норм советского гражданского и гражданского процессуального права, но в очень большой мере требуется более внимательное и вдумчивое отношение к работе.

Нарсудьи как Петровского района, так и некоторые другие пытаются плохую работу по гражданским делам объяснить и оправдать чрезмерным количеством поступающих дел в камеры, но причина не только в этом, а в том, что судьи не уделяют должного внимания гражданским делам.

Из-за этого в судебное заседание попадают дела, которые можно и целесообразно было бы в значительном количестве не допускать к рассмотрению в суде, из-за крайней незначительности суммы исков и при наличии у сторон возможности урегулирования их споров без судебного вмешательства. Речь идет о делах обобществленного сектора, на которых следует остановиться подробнее. Для полноты картины приводим нижеследующую таблицу:

Общее количество дел обобщ. сектора, поступивш. с 1/I по 1/XII 1935 г. в Петр. нарсуд	С суммой иска								
	До 10 руб.	10—20 руб.	20—30 руб.	30—40 руб.	40—50 руб.	50—60 руб.	60—70 руб.	70—100 руб.	Всего от 3 до 100 руб.
1922	1	24	42	47	62	67	69	163	475

Понятно, что не каждое дело имеет одинаковое значение для той или иной хозяйственной организации, хотя сумма по делам одинаково мизерна, и мы не ставим вопроса об обязательности непринятия или прекращения дела на основании только незначительности суммы иска.

Приведенная таблица устанавливает, что в суде имелось и слушалось большое количество гражданских дел, которые вести в судебном порядке было явно нецелесообразно и у суда была возможность по ст. 4 ГПК УССР не принимать или прекращать такого рода дела. Статья 4 ГПК не использовалась.

Являются нетерпимыми случаи, когда некоторые директора и юрисконсульты больших хозяйственно-торговых единиц судятся по таким, например, делам.

Директор Харьковской облконторы Вукопкниги Мазур, его юрисконсульт Володин и зав. претензионным правовым столом Израилевич предъявили иск к «Киевполиграфу» о взыскании 11 руб., уплатив 2 руб. госпошлины; овручская межрайбаза Киевского облпотребсоюза киевской артели Металлотруд о взыскании 8 руб.; директор фабрики им. Волжанова и его юристконсульт Карпов — к Киевскому текстильному комбинату о 12 руб.; овручский «Военторг» предъявил два иска, из них один— о взыскании с Укркожоблсбыта 10 руб. и второй о взыскании с треста совхозов Наркомзема Грузии 17 руб. стоимости 3 бутылок вина; а вот руководитель Западного отдела Всепромутилизации т. Караваев вместе с юрисконсультом Зезюлькиным из г. Минска прислали исковое заявление в нарсуд г. Киева о взыскании с киевского протезного завода 13 руб. Нарсудья послал сторонам вызовы в суд. Директор т. Караваев в Минске, уже при помощи второго своего юрисконсульта Фрида дал согласие нарсуду, чтобы тот слушал дело в его отсутствии. Директор протезного завода написал своему юрисконсульту Ковальскому доверенность и командировал его в суд, и последний в суде защищал это дело.

В практике гражданской коллегии Верховного суда Украины были случаи прекращения гражданских дел по статье 4 ГПК УССР. Это свидетельствует о том, что такие «дела» имеются не только в нарсуде Петровского района. Таких примеров можно было бы привести много, но незачем, так как яснее ясного, что некоторые товарищи, которым поручено вести важные государственные дела (судьи, юрисконсульты, директора), не дают себе отчета в том, что такого рода «дела» мешают суду уделять должное внимание действительно серьезным делам.

Из всего сказанного вытекает, что нарсудьи не только мало уделяют внимания гражданским делам, но часто и не умеют организовать эту работу, не умеют еще четко применять законы, которые дают судьям полную возможность разбирать гражданские дела в соответствии с требованием, предъявляемым партией и правительством.

Необходимо помочь судьям организовать их работу, научить четко и правильно разрешать гражданские дела, помочь им разгрузиться от ненужных в суде дел.

Е. БРАГИН

Кадры советской юстиции социалистической Украины

Историческая речь товарища Сталина 4 мая на выпуске военных академиков относится особенно к нам, потому что за последние годы мы очень мало занимались кадрами и этому решающему участку не уделяли должного внимания.

Этим и только этим следует объяснить то отставание, которое мы имеем на Украине в области учета, изучения, квалификации и подготовки кадров.

Только 1935 г. дал кое-какие сдвиги в этой части. Однако они совершенно недостаточны, чтобы на них можно было успокаиваться.

Для того чтобы со всей объективностью показать теневые стороны работы с кадрами органов юстиции УССР, надо остановиться на отдельных показателях, характеризующих состояние наших кадров в настоящее время.

Общее количество прокуроров по социальному положению разделяется так:

рабочих — 55%, служащих — 25%, колхозников — 18%, единоличников (батраков) 2% и прочих — 0,13%.

По партийности: из общего количества прокуроров — членов КП(б)У и кандидатов — 96%, членов ЛКСМУ — 1% и беспартийных — 3%.

По образованию: высшее образование имеют — 11%, среднее — 24%, и низшее — 65%.

Показатели о состоянии кадров народных судей в процентном выражении характеризуются следующими данными: **по социальному положению** из общего количества судей: рабочих — 59%, служащих 17%, колхозников — 19% и единоличников (батраков) — 5%.

По партийности: членов КП(б)У и кандидатов — 95%, членов ЛКСМУ — 1% и беспартийных — 4%.

По образованию: высшее — 3%, среднее — 17%, низшее — 80%.

Показатели о состоянии кадров следственного аппарата таковы: **по социальному положению:** рабочих — 26%, служащих — 44%, колхозников — 25%, единоличников (батраков) — 5%, прочих — 0,56%.

По партийности: членов КП(б)У, кандидатов — 21%, членов ЛКСМУ — 25%, беспартийных — 54%.

По образованию: высшее — 9%; среднее — 34%, низшее — 57%.

Отдельно необходимо указать на стаж работы в органах юстиции прокуроров, следователей и судей. Этот стаж в процентном выражении отражает помещенная ниже таблица:

	Прокуроры	Следователи	Судьи
до 3 лет	32%	52%	34%
до 5 лет	17%	19%	22%
до 10 лет	34%	19%	34%
свыше 10 лет	17%	11%	11%

Очень интересные данные о партийном стаже работников юстиции: до 1917 г. — 0,5%; с 1917 по 1920 г. — 20%, с 1921 по 1924 г. — 10%, с 1925 по 1928 г. — 38%, с 1929 по 1932 г. — 31%, с 1933 г. — 0,5%.

Из всех приведенных выше данных о состоянии кадров необходимо сделать следующие выводы: партийная и рабочая прослойка кадров органов юстиции вполне удовлетворительна, и это обеспечивает проведение правильной политической линии в работе.

Процент партийцев в следственном аппарате значительно ниже, нежели в прокурорском и судейском составе. Это же относится и к социальному положению, несколько иному в следственном аппарте, чем в аппарате прокуратуры и суда.

Основной прорыв мы имеем по линии образования как прокурорских, так и судебно-следственных кадров. Средний процент по кадрам органов юстиции УССР с низшим образованием — 67. Процент этот ни в коем случае не может быть признан нормальным, и вопрос о квалификации и грамотности наших кадров в большой мере вытекает из этого подавляющего количества людей с низшим образованием.

Большое количество работников органов юстиции Украины не может похвалиться даже удовлетворительной квалификацией, и то количество товарищей, которое имеет достаточную квалификацию, должно быть отнесено не за счет полученного ими образования, а исключительно за счет большого стажа практической работы в органах юстиции.

Система органов юстиции УССР в области образования и подготовки кадров за последние годы значительно отстала от систем других наркоматов и организаций, и только потому, что в вопросах юридического образования на Украине был явно нездоровый, вредный уклон. Кое-кто считал, что нам вообще юристов не надо.

По существу до осени 1935 г. на Украине специальных правовых вузов почти не было. Единственный Коммунистический институт советского строительства и права имени Л. М. Кагановича больше готовил людей по факультету советского строительства и меньше всего занимался вопросами подготовки правовиков.

И НКЮ УССР на этот институт обращал очень мало внимания, был мало с ним связан и подготовкой правовиков совершенно не занимался.

За последние годы Институт советского строительства и права в Харькове (директор т. Канарский) дал очень небольшое пополнение в органы юстиции. Оно насчитывает всего несколько десятков человек. Что касается качества этого пополнения, то оно, надо прямо отметить, значительно ниже даже того пополнения, которое выпустили годичные юридические курсы. Даже те товарищи, которые были выпущены в 1935 г., в большинстве своем не

могут быть использованы на самостоятельной работе в органах юстиции. Изрядное количество товарищей, которые окончили этот институт в 1935 г., оказались просто малограмотными.

Социальный и партийный состав выпускников удовлетворительный, однако руководители института ранее не учли мысли, высказанной в передовой «Известий» от 3/I 1936 г., что «с безграмотностью надо кончать! Никакой скидки, никакой амнистии по случаю «пролетарского происхождения» она иметь не будет».

В нашем распоряжении имеются такие примеры, когда товарищ, окончивший в 1935 г. Харьковский институт советского строительства и права, путался в понятии «алименты» и «элементы», по существу не понимая разницы понятий этих слов. Другой товарищ, окончивший Харьковский институт в этом году, вместо слова «ухвала» (что означает по украински «определение») пишет «уфала».

Мы должны со всей резкостью подчеркнуть совершенно недоброкачественную работу Института советского строительства и права для того, чтобы этот институт исправил свои ошибки в текущем 1936 г.

В системе НКЮ УССР до 1935 г. существовали три годичные юридические школы, которые готовили ежегодно приблизительно по 300 человек, из них 60—65% — переподготовка и 35—40% — подготовка.

Следует отметить, что и юридические школы не могут похвалиться выпуском достаточно подготовленных товарищей. В этом не столько вина юридических школ, сколько вина наших областных прокуроров и председателей областных судов, которые к вопросу о наборе в юридические школы подходили более чем поверхностно.

В школы присылались для переподготовки, как правило, те работники, которые не представляли особой ценности на местах, которых можно было без ущерба для работы отпустить, работники, от которых хотели избавиться по тем или иным причинам, и т. д. Набор же для подготовки новых кадров проходил механически. Люди недостаточно изучались и проверялись, а в результате мы имели в 1934—1935 г. ряд выпущенных товарищей, которых использовать на работе было даже невозможно. Такое отношение к набору в юри-
проверялись, а в результате мы имели в 1934—1936 г., когда, к примеру, по Одессе пришлось специально пересмотреть весь контингент, потому что набор был явно недоброкачественный.

Мы можем продемонстрировать некоторые отдельные примеры чрезвычайно низкой квалификации и грамотности наших работников.

Перед нами протест прокурора Добровеличковского района Одесской области т. Мнацаканова от 28/VIII 1935 г. Прокурор Мнацаканов подает протест на приговор нарсуда, которым осуждены 3 брата Минаевы к лишению свободы на три года за убийство, во время пьянки, гр. Чередника.

Предоставим слово автору протеста:

«... Разбор данного дела в судебном процессе недостаточно выяснено конкретного убийства гр. Чередника. Нарсуд вместо того, чтобы выяснить истинное положение вещей (конкретного убийства), ограничился агурным решением лишения свободы всем трем братьям Минаевым по 3 года. Исходя из вышеизложенного, модно полагать, что убийство произошло без принципной драки при абсолютно бессознательном (пьяном) состоянии. Подозревать злонамерительное убийство будет ничем не обосновано лишь потому, что гр. Чередник является близким родственником Минаева Дмитрия Семгеевича (брат жены, он же Минаев пригласил Чередника, как близкого родственника в гости...

а поэтому полагал бы: что следовало бы всем трем осужденным Минаевым необходимо решение как нарсуда Добровеличковского района, так и кассинстанции облсуда значительно смягчить».

Другой пример: нарсуд Петровского района г. Киева, под председательством нарсудьи т. Батенко, 10/VII 1935 г. заслушал дело по обвинению гр. Порядочного Ефима Григорьевича в хулиганстве, которое выразилось в том, что, присутствуя в судебном заседании 20 мая, он там же обругал гражданку, которая наступила ему на ногу. Суд мотивирует, что поскольку объяснения обвиняемого, в которых он, между прочим, признает, что он назвал потерпевшую «коровой», «не заслуживает внимания, поскольку он забыл, где он находится, а посему суд считает преступление доказанным, которое требует предупреждения» и осуждает гр. Порядочного на два года лишения свободы, оставляя меру пресечения — содержание под стражей. Приговор неправильный по существу и имеет бесчисленное количество орфографических ошибок.

А вот такой случай. Бывший прокурор Носовского района Черниговской области г. Юрченко, получив из прокуратуры республики заявление гр. Талаша о преследовании его как селькора, прислал такого рода ответ. «Талаш активный учасник петлюровщини, в колгосп працювати не бажае, мае повну схожість своїми діями на малохольного».

Вот образец безграмотного и некультурного ответа.

Мы возлагали большие надежды на юрминимум — на то, что наши работники на местах, овладев юрминимумом, значительно повысят свою квалификацию. Эти надежды до последнего момента не оправдались по той простой причине, что освоение юрминимума до последнего времени не было поставлено, как это следовало бы, и по существу к освоению юрминимума на местах подошли как к делу второстепенного значения. Этому в определенной мере способствовало и отсутствие литературы. Ссылка на отсутствие литературы не может оправдать бездеятельность руководства в этом направлении. Этого не может оправдать и то обстоятельство, что целый ряд наших работников не работает над собой, не растет на работе, не развивается.

Тем не менее, нельзя обойти и этот момент. В районе достать юридическую литературу все же чрезвычайно трудно. А у нас на Укра-

ние юридическая литература за последние годы почти не издавалась.

Отдельно хочу остановиться на вопросе об учете и изучении наших кадров. Это чрезвычайно сложный вопрос, потому что с вопросом об изучении кадров связан вопрос о правильном их использовании, об их своевременном выдвижении и продвижении по службе, о поощрении их и т. д.

В своей речи на выпуске академиков товарищ Сталин, выдвигая лозунг «кадры решают все», требует «чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к «малым» и «большим», в какой бы области они ни работали, выращивали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т. д.».

Изучение кадров необходимо еще и для того, чтобы, как говорил товарищ Сталин, «не бросаться людьми, как пешками, а изучать людей и только после изучения ставить их на посты».

Как же у нас обстоит дело с изучением кадров? Надо со всей прямотой признаться, что у нас на этом участке плохо. Областные прокуроры и председатели областных судов до последнего времени не уяснили себе, что аттестование работников должно проводиться систематически, что материалы аттестации нужно изучать и из них делать нужные выводы. У нас же делается так: аттестация проводится в аккордном порядке; затем весь этот материал аттестации остается мертвым в личном деле, и по существу вся эта большая работа сводится к нулю.

Точно так же не существует у нас как система выдвижение и продвижение. У нас есть отдельные очень хорошие судьи, хорошие следователи, которые по 10 лет сидят на одной работе, и нередко никто не подумает о том, что они переросли эту работу, что они могут справиться с большей работой.

Это те теневые стороны работы по кадрам, на которые нужно приналечь, которые нужно ликвидировать в ближайшее время.

1935 г., особенно конец его, дал нам некоторый перелом в работе по кадрам. НКЮ УССР проводит серьезную работы в части выдвижения украинских большевистских кадров.

Мы добились организации юридического факультета в составе Киевского государственного университета. Мы организовали специальный сектор по подготовке кадров НКЮ и значительно усилили руководство всеми подведомственными нам учебными заведениями.

Мы, помимо трех существующих школ в Одессе, Харькове и Киеве, организовали еще четвертую годичную школу в Днепропетровске.

Мы взялись крепко за проведение юрминимума.

Издан специальный приказ наркома, устанавливающий систематические занятия по юрминимуму на местах, разослана литература, организуются консультационные пункты и т. д.

Какие задачи мы должны перед собой поставить на 1936 г. для того, чтобы добиться, чтобы наши кадры были грамотными и культурными?

Нам необходимо, во-первых, самым детальным образом взяться за проверку и улучшение качества учебы как на правовом факультете Института советского строительства и права, так и на юридическом факультете и в юридических школах.

Надо значительно расширить контингент наших работников, проходящих заочное обучение в заочном секторе Института советского строительства и права в Харькове.

Нам необходимо, во-вторых, обеспечить нашу периферию достаточным количеством юридической литературы.

Мы можем и должны добиться в 1936 г. издания и на Украине нескольких книг по основным специальным дисциплинам.

Нам также нужно обеспечить получение в достаточном количестве всей той литературы, которая издается в Москве, и тем самым обеспечить действительное овладение юрминимумом на местах.

Нам необходимо, в-третьих, поставить дело учета и изучения наших кадров на такую высоту, чтобы мы хорошо знали своих людей.

Аттестование работников надо превратить в систематическую повседневную работу и на основании аттестационных материалов проводить выдвижение и продвижение.

Нам необходимо усилить живую помощь местам и прекратить гастрольные поездки с ревизиями отдельных, иной раз незначительных, участков работы.

Ревизионную работу необходимо подчинить задаче обучения людей на местах, показу, как нужно правильно работать.

Необходимо, наконец, чтобы областные руководители действительно заботились о культурном росте периферийных работников, следили бы за их работой над собой и т. д.

Комплекс этих мероприятий должен обеспечить политическое и практическое развитие наших работников как борцов за укрепление социалистической законности, за построение социалистического общества.

И. ЖИТЛОВСКИЙ

Органы юстиции УССР в борьбе за обеспечение техники безопасности

Насыщение промышленных предприятий большим количеством сложных агрегатов и механизмов наряду с вовлечением в производство значительных кадров рабочих, являющихся новичками в деле освоения технических процессов, выдвигает величайшей важности задачу обеспечения неуклонного осуществления мероприятий по технике безопасности, строгого соблюдения правил техники безопасности, а отсюда требования к органам юстиции об активной борьбе со всеми нарушителями этих правил.

Внедрение стахановских методов работы возлагает на органы юстиции, и прежде всего на прокуратуру, еще более строгие обязанности в деле борьбы за обеспечение техники безопасности.

Работа органов юстиции УССР на этом важнейшем участке — неудовлетворительна. Наибольшее количество несчастных случаев и аварий имеет место в предприятиях каменноугольной и рудной промышленности, т. е. там, где необходима особая четкость и строгость в отношении осуществления мероприятий по охране и оздоровлению труда.

Из материалов по рассмотренным судебными органами делам о нарушении правил техники безопасности видно, что у отдельных ответственных представителей административно-технического персонала трестов и предприятий до настоящего времени не изжито недостаточно серьезное отношение к вопросам обеспечения техники безопасности, о чем свидетельствуют факты неполного освоения сумм, специально ассигнованных на проведение мероприятий по технике безопасности.

Так, Константиновский завод им. Фрунзе в течение I полугодия 1935 г. израсходовал всего 15,50% сумм, ассигнованных на технику безопасности, а Енакиевский металлургический завод из отпущенной ему суммы в течение I полугодия 1935 г. израсходовал 1,4%.

Материалы, имеющиеся в прокуратуре, устанавливают, что в подавляющем большинстве аварии и несчастные случаи на предприятиях являются прямым результатом грубого нарушения элементарных правил и требований техники безопасности.

В частности причинами аварий на шахтах и рудниках были: грубое нарушение газового и вентиляционного режима, нарушение правил ухода за оборудованием, неудовлетворительное состояние лампового хозяйства, преступно-небрежное проведение горных работ, непроведение противопожарных мероприятий.

И это имело место при наличии директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР о возложении обязанностей по обеспечению техники безопасности персонально на главных инженеров и на весь ответственный оперативно-технический персонал предприятий.

Наряду с игнорированием основных мероприятий по технике безопасности отдельные руководители трестов и предприятий недооценивали значения производственно-технического обучения рабочих, как одного из важнейших профилактических мероприятий в деле обеспечения техники безопасности.

Это видно из того, что в ряде крупнейших предприятий производственным обучением охвачено небольшое количество рабочих, занятия посещаются неаккуратно и нерегулярно, обучение проводится без надлежащей системы, а в ряде случаев сами обучающие не имеют достаточной квалификации.

Вместе с тем установлены случаи, когда в результате пренебрежительного отношения руководителей предприятий к вопросам охраны и оздоровления труда, а также отсутствия с их стороны необходимой бдительности на предприятиях имели место аварии и несчастные случаи, как результаты вредительской работы представителей классово враждебных элементов.

Для того чтобы дать оценку работы органов юстиции на этом участке, необходимо прежде всего проанализировать состояние судебной репрессии, применяемой к нарушителям правил техники безопасности.

По имеющимся данным за три квартала 1935 г. за нарушение правил техники безопасности было осуждено всего 228 чел., из них по промышленным областям УССР: 137 чел. по Донецкой обл., 40 чел. по Днепропетровской обл. и 7 чел. по Харьковской обл. По Одесской обл. осуждено 27 чел. По Киевской обл. осуждено 14 чел.

Поквартально количество осужденных характеризуется следующими данными: в течение I квартала было осуждено 79 чел., II—70 чел. и III—79 чел.

Распределение осужденных по мерам наказания характеризуется следующими цифрами: к лишению свободы на срок от 3 до 10 лет осуждено 44 чел., ниже 3 лет осуждено 58 чел., к принудительным работам 115 чел. и к другим видам наказания 11 чел.

Количество осужденных к лишению свободы за три квартала 1935 г. составляет 43,6% всего количества осужденных.

В отношении Донбасса, где имеет место наибольшее количество аварий и несчастных случаев, состояние судебной репрессии характеризуется следующими данными:

Осуждено к лишению свободы 83 чел., из них 40 чел. — к лишению свободы на срок свыше 3 лет, 43 чел. осуждены на срок до 3 лет, к принудительным работам осуждены 54 человека.

По Харьковской обл. все 7 осужденных приговорены к принудительным работам и другим наказаниям, не связанным с лишением свободы.

По своему служебному положению осужденные характеризуются следующими показателями.

В течение трех кварталов 1935 г. осуждено:

директоров предприятий и их заместителей 8 чел.

представителей инж.-тех. персонала 36 чел.

мастеров цехов и контролеров 43 чел.

рабочих 123 чел.

и прочих 18 чел.

Это показывает, что удар репрессии был направлен неправильно (основная группа осужденных — рабочие — 123 чел.).

По отдельным видам наказания положение характеризуется такими данными:

Из 8 осужденных руководителей предприятий к лишению свободы на срок свыше 3 лет приговорен 1 чел., к лишению свободы на срок до 3 лет—2 чел. и к принудительным работам — 5 чел.

Из 36 осужденных представителей инженерно-технического персонала и техноруков 8 приговорены к лишению свободы на срок свыше 3 лет, 1 на срок до 3 лет, 19 — к принудительным работам и 8 — к другим наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Из 123 осужденных рабочих 52 чел. приговорены к лишению свободы, причем к лишению свободы на срок свыше 3 лет осуждено 17 чел., на срок до 3 лет — 35 чел.

По Донецкой обл. из общего количества 137 осужденных 81 падает на рабочих, 27—на мастеров, 5 — на руководителей предприятий и 14 — на ответственных представителей технического персонала, причем к лишению свободы осуждено 45 рабочих (17 на срок свыше 3 лет и 28 до 3 лет), 2 руководителя предприятий (оба к лишению свободы на срок до 3 лет), 8 ответственных представителей инженерно-технического персонала и 21 мастер.

Эти приведенные данные с достаточной убедительностью говорят о неправильном направлении судебной репрессии.

Достаточно ли полно реагировали органы прокуратуры на переданные им технической инспекцией материалы об авариях и несчастных случаях? На этот вопрос приходится ответить отрицательно, так как по одному Донбассу техническая инспектура передала прокуратуре и следственным органам свыше полутора тысяч актов об авариях и насчастных случаях. Вместе с тем следственные органы не выполняют директивы Прокуратуры Союза о проведении следствия по материалам, связанным с нарушением правил техники безопасности, в течение 10 дней.

В I полугодии 1935 г. в следственном производстве по Донецкой обл. находилось 180 дел, из них по 35 делам следствие проводилось до 20 дней, по 45 делам — месяц, по 20 делам — свыше месяца и по 12 делам — до 2 месяцев.

Из принятых для слушания судами Донбасса в течение I полугодия 1935 г. 97 дел находились в производстве судов, 27 дел — до 20 дней, 8 дел — до 1 месяца, 21 дело — свыше месяца, 10 дел — 2 мес. и 3 дела — свыше 2 месяцев.

Таким образом судами не выполнялась директива Союзной прокуратуры об окончательном рассмотрении дел по нарушениям правил техники безопасности в течение 20 дней, включая в указанный срок 10 дней для производства следствия.

По Харьковской обл. из принятых судом для слушания в течение I полугодия 1935 г. 32 дел 21 дело находилось в производстве судов от 1 до 2 мес. Для проверки следственного производства Прокуратура УССР просмотрела 125 дел о нарушении правил техники безопасности. В результате этого просмотра установлено по ряду дел неудовлетворительное качество следственного материала. Такое положение прежде всего является результатом некритического подхода следователей к получаемым ими от технических инспекторов первичным материалам, фиксирующим аварии и несчастные случаи. Эти материалы неточны и зачастую неправильно отмечают обстоятельства, подлежащие дальнейшему расследованию. Очень часто технические инспектора, получив сведения о несчастных случаях на предприятиях, являются туда через несколько дней. Это отражается безусловно на полноте и точности первичных расследований, а иногда делает невозможным установить причины аварий и несчастных случаев, а отсюда и невозможным выявить виновных.

Контроль за регистрацией аварий и несчастных случаев сплошь и рядом проводится неаккуратно, в результате чего ряд несчастных случаев остается без первичного расследования. Органы технической инспекции часто ограничиваются составлением схематических актов без конкретного обозначения обстоятельств происшествия. Кроме того акты эти весьма часто технически несовершенны.

Все указанные обстоятельства затрудняют работу следственных органов, получающих материалы первичного расследования.

Прокуратура не реагирует на существенные дефекты первичных материалов, не проверяет их с точки зрения полноты и точности. Передавая материалы следователям, прокуроры лишь в редких случаях дают им конкретные указания по поводу проведения следствия в отношении отдельных дел, а также не обращают внимания следователя на основные обстоятельства, требующие проверки или выяснения.

В суд направляются часто материалы без заключения технической экспертизы, что принуждает суд при рассмотрении дел руководствоваться первичными актами, не дающими полного представления об обстоятельствах происшествия.

Контроль прокуратуры за направлением следствия отсутствует. Отмечен ряд дел, по которым материалы направлялись от следователя непосредственно в суд, минуя прокурора. Отмечены также случаи поступления первичных материалов от технической инспекции через прокуроров к органам милиции, которые по окончании производства дознания направляют дела непосредственно в суд.

Прокуратура не проявляет необходимой инициативы в отношении проверки в порядке надзора заслушанных дел и опротестования неправильных приговоров.

Одним из значительных дефектов работы прокуратуры по общему надзору в области обеспечения техники безопасности является слабое реагирование прокуроров на жалобы технической инспекции по поводу невыполнения администрацией предприятий законных требований инспекции о проведении на пред-

приятиях профилактических мероприятий по технике безопасности.

И, наконец, основной дефект в работе прокуратуры — слабое использование прокурорского актива на предприятиях — групп содействия и сигнальных постов.

Все изложенное убедительно свидетельствует о необходимости решительного перелома в работе органов юстиции на этом важнейшем участке.

В частности прокуратуре необходимо в кратчайшее время:

1. Мобилизовать активность групп содействия и сигнальных постов на борьбу с нарушителями правил техники безопасности.

2. Систематически инструктировать представителей прокурорского актива на предприятиях по поводу возложенных на них заданий информационного и проверочного характера.

3. Для того чтобы помощь групп содействия и сигнальных постов прокуратуре была эффективной, необходимо периодически проверять их работу и давать прокурорскому активу конкретные указания.

4. Необходимо поставить перед профессиональными организациями вопрос об улучшении работы технических инспекторов, систематически информируя профорганизации о дефектах работы техинспектуры, выявленных прокуратурой по конкретным материалам.

5. Взять под наблюдение все уголовные дела, возбуждаемые в связи с нарушением правил техники безопасности, в целях обеспечения должного руководства следствием по этим делам.

6. Учитывая важность воспитательного значения судебных процессов, необходимо по наиболее ярким делам о нарушениях правил техники безопасности организовать слушание дел на предприятиях с привлечением общественных обвинителей.

7. Периодически освещать на страницах общей, а также заводской прессы массово-профилактическую и судебно-следственную работу прокуратуры по борьбе за обеспечение техники безопасности.

8. Активизировать надзор за правильностью линии судебной политики, обеспечивая обязательное выступление прокуроров в судебных заседаниях, а также своевременное опротестование неправильно вынесенных судебных приговоров.

М. ХАЕВСКИЙ

Как работает Киевская прокуратура[1]

Превращение Киева в политический и административный центр Украинской советской республики предъявило новые требования к работе областной прокуратуры столицы. Эти новые требования вытекали из непосредственной близости Прокуратуры Республики, а также из того внимания и огромной практической поддержки, которые имели место по отношению к облпрокуратуре со стороны областного комитета партии во главе с Павлом Петровичем Постышевым.

Такие исключительно благоприятные условия, помимо общих для всех прокуратур задач улучшения качества своей работы, возлагали на Киевскую областную прокуратуру обязанность стать ведущей прокуратурой Украины.

В какой мере выполнила Киевская облпрокуратура эти требования?

Нам кажется целесообразным, на основе материалов обследования Союзной прокуратуры, продемонстрировать те образцы положительной работы, которых добивалась Киевская область и опыт которых должен быть использован в ряде других областей, и вместе с тем указать на те недочеты, устранение которых будет способствовать поднятию нашей работы на высшую ступень.

Прежде всего несколько слов о кадрах и материально-финансовой базе.

Из 94 районов Киевской области к моменту обследования были полностью укомплектованы 75 районов. В них имелось 75 прокуроров, 3 помощника и 103 следователя.

Однако если в смысле укомплектования штатов положение можно было признать удовлетворительным, то несколько хуже обстояло дело с качеством этих кадров.

Партийная прослойка незначительна. Из 276 чел. — лишь 40,9% членов партии.

Лишь 39 чел. имеют высшее образование (причем далеко не все юридическое), 105 среднее и 132 низшее.

Из неимеющих высшего образования специальное юридическое образование имели только 54 чел., прошедших годичные юридические курсы.

При этом, если выделить районные кадры, то уровень их подготовки еще ниже.

Несколько лучше обстоит дело со стажем работы в органах юстиции. Здесь мы имеем лишь 89 чел. работающих меньше 3 лет, 71 чел. — до 5 лет и основная масса, 116 чел., работала в органах юстиции свыше 5 лет.

Показателем невысокого качества кадров является значительная их текучесть. За 7 месяцев, при острой нужде в кадрах, было освобождено от работы 29 чел. (16 прокуроров и 13 следователей), или около 11% наличного состава.

Чрезвычайно характерным для всей нашей системы, за малыми исключениями, является почти полное отсутствие какого-либо стимулирования прокурорских работников.

Такие вещи, как денежные награды или иные формы премирования, подчеркивание

---

[1] По данным обследования работы Киевской облпрокуратуры за 7 мес. 1935 г. Печатание этой статьи было задержано редакцией в связи с подготовкой специального номера, посвященного работе органов юстиции УССР.

хорошей работы в приказах, вынесение благодарности, продвижение в работе, — все это мало знакомо работникам Киевской прокуратуры.

Зато всякого рода взыскания получили самое широкое распространение.

Фактов поощрения в Киевской обл. не было, зато взыскания имели 56 чел. (5 чел. отдано под суд, 21 получили строгий выговор, 16—выговоры, 14—на вид), не считая тех работников, которые были освобождены от работы.

Проведенная весной 1935 г. после областного съезда работников юстиции аттестация прокурорских работников, а также наше знакомство с отдельными работниками в районах показали их низкую квалификацию, слабый политический и культурный уровень и отсутствие какой-либо работы над собой.

Ближайшими задачами прокуратуры Киевской области в деле укрепления кадров должны явиться: реализация директивы Прокуратуры Союза ССР о проведении юрминимума, максимальный охват районных работников заочной учебой, использование имеющихся в Киеве сил для проведения краткосрочных курсов прокуроров и их помощников, следователей и секретарей райпрокуратур.

Не менее важным вопросом нам представляется введение практики 2—3-дневных кустовых совещаний районных работников, на которых должны прорабатываться вопросы законодательных изменений, постановления правительственных и директивных органов, директивы Прокуратуры Союза ССР, а также вопросы, вытекающие из практики отдельных районов, и т. д.

Следует отметить ценный, правда, пока односторонний, опыт Киевской облпрокуратуры в деле изучения своих кадров, заключающийся в заведении так называемых «дефектных производств». Так названы заведенные на каждого прокурора, его помощника и следователя папки, в которые должны складываться все дефектные материалы, обнаруженные в его работе облпрокуратурой.

Однако эти «дефектные производства» страдают некоторыми недочетами, устранение которых совершенно необходимо.

Основным недочетом в этом деле является одностороннее направление этих производств, собирающих только образчики дефектов в работе районных кадров. Это положение чрезвычайно характерно для наших работников и очень ярко иллюстрирует вышеприведенный тезис о стимулировании.

Изучение кадров не есть изучение лишь одних недостатков работников. Это — всестороннее ознакомление с их особенностями, положительными и отрицательными качествами, и поэтому совершенно необходимо, собирая материал, характеризующий работников, брать не только отрицательные, но и положительные образцы работы.

Вторым, не менее существенным, недостатком в этом интересном мероприятии является тот факт, что в этих производствах нет копий тех практических указаний, которые исходят от облпрокуратуры по дефектным материалам.

Весьма существенным фактором, значительно расширившим возможности облпрокуратуры в деле создания культурной обстановки в работе, явилось укрепление финансово-материальной базы.

Общая смета прокуратуры по госбюджету, по сравнению с 1934 г., выросла на 48%.

Следует особо отметить ту огромную помощь, которую оказал облпрокуратуре Киевский обком КП(б)У, по решению которого прокуратуре среди года, помимо общих ассигнований, было дополнительно отпущено 282 000 руб. со следующим целевым назначением:

1. На организацию библиотеки	25 000 р.
2. На краткосрочные курсы	16 500 р.
3. На приобретение автомашин	18 000 р.
4. На приобретение веломашин	20 000 р.
5. На улучшение быта работников	27 500 р.
6. На ремонт и оборудование помещений	175 000 р

В отношении помещений СНК УССР издал специальное постановление, обязавшее райисполкомы и горсоветы немедленно предоставить органам Прокуратуры как в г. Киеве, так и в районах соответствующие помещения.

Настоящее постановление, равно как и ассигнованные средства, реализованы. Негодные помещения на местах заменены другими, произведен ремонт, работает библиотека и т. д.

Эта материальная база, в сочетании с некоторыми организационными мероприятиями, создавала достаточно благоприятную обстановку для работы облпрокуратуры.

Основным сектором для Киевской облпрокуратуры является сельхозсектор, насчитывающий в своих штатах помимо руководителя сектора еще 3 прокурорских работника, 1 следователя и 1 референта.

За 6 месяцев своей работы сектор в порядке надзора рассмотрел 536 дел, из которых 160 было опротестовано, разрешил 1461 жалобу по общему надзору и 567 жалоб на решения суда, провел 8 следственных дел, пропустил около 1000 чел. посетителей.

Кроме того сектор провел 18 выездов в районы (107 дней), и прокуроры сектора принимали участие в 12 заседаниях, рика и др. совещаниях.

Сектор совкультстроительства, имеющий такой же штат, как и сельхозсектор, за полгода просмотрел в порядке надзора 383 дела, опротестовав из них 79.

Следователь сектора провел 20 дел.

Жалоб было пропущено 2686. Правда, из этого количества 1222 жалобы были направлены на рассмотрение районных прокуроров и соответствующих организаций.

В секторе торговли кооперации и финансов было кроме референта 2 прокурорских работника.

С этими силами в порядке надзора за 7 месяцев было рассмотрено 357 дел, из которых по 81 были внесены протесты.

Промышленный сектор за 7 месяцев пропустил 309 дел (из них опротестовано 54) и рассмотрел 702 жалобы. Эта работа была проведена одним прокурором.

Эти цифры говорят о неравномерной загрузке секторов прокуратуры.

Так, в сельхозсекторе 4 прокурора пропускали в среднем 3 дела в день; в совкультсекторе те же 4 человека пропускали 2 дела;

в ТКФ 2 прокурора просматривали в среднем 1—2 дела, в промсекторе один прокурор 1—2 дела.

Совершенно очевидно, что такая загрузка не соответствует возможностям секторов, и количество надзорных дел явно недостаточно.

Однако не только этим определяется слабость судебно-надзорной работы облпрокуратуры.

Поступающий в Прокуратуру Союза ССР материал не дает оснований «подозревать» суды Киевской области в безупречной работе. В этих условиях такая цифра, как 23,5% опротестованных судебных дел, далеко недостаточна, тем более, что в ряде случаев прокуратура не знает судьбы своих протестов.

Но дело не только в протестах; недостаточно участие прокуратуры и в самой работе суда.

Так, сектор ТКФ за полгода участвовал в подготовительных заседаниях лишь по 13 делам, в кассинстанции — по 38 делам (при 81 протесте), в первой инстанции — по 6 делам.

Сектор совкультстроительства участвовал в 9 подготовительных заседаниях, в 1-й инстанции выступал 10 раз, а в заседаниях кассколлегии, при наличии 274 заключений и 79 протестов, участвовал лишь 9 раз.

Сельхозсектор в кассколлегию давал заключения по 138 делам, участвовал же в рассмотрении лишь 47 дел.

Приведенные цифры достаточно красноречиво говорят о необходимости усиления судебного надзора со стороны облпрокуратуры.

Следует остановиться и на некоторых недочетах, связанных с руководством следствия.

Значительный процент прекращенных дел, равно как и незначительное количество дел, направленных в суд, свидетельствует о недостаточном наблюдении и руководстве следователями со стороны секторов облпрокуратуры.

Еще хуже обстояло дело с руководством следственной работой на местах.

За полгода основной для области сельхозсектор дал на месте по следственным делам лишь 12 письменных указаний (7 — прокурорам и 5 — следователям).

Несколько лучше, но также далеко недостаточно руководили местами сектор совкультстроительства, по линии которого было дано 95 письменных указаний по следственным делам (54 — райпрокурорам, 32 — следователям и 9 — милиции), и сектор ТКФ, давший по 108 делам 81 указание.

О степени же нужды районных следователей в этих указаниях свидетельствуют следующие факты.

Сектор ТКФ из 108 рассмотренных следственных дел в районах прекратил 27 (25%).

Сектор совкультстроительства, рассмотрев 270 поступивших из районов дел, прекратил 74 (27,4%) и 30 дел вернул на доследование, т. е. всего не пропустил 104 дела, или 38,5%.

Наряду с отмеченными слабостями работы облпрокуратуры нельзя пройти мимо такого положительного факта, как анализ и обобщение дел, практикуемый некоторыми прокуратурами.

Так, прокуратура обобщила и проанализировала 56 дел, связанных с привлечением к ответственности специалистов и хозяйственников в сельском хозяйстве, и 186 дел, связанных с хлебопоставками и животноводством.

Следует отметить и такие интересные работы, как обобщение материалов по итогам борьбы с детской преступностью и подробный анализ поступивших за 6 месяцев в облпрокуратуру жалоб.

Вопрос о жалобах настолько злободневен и так тесно связан с обычными заявлениями наших органов о захлестывании их потоком жалоб, мешающим всей остальной работе, что на нем следует особо остановиться.

Для того, чтобы представить себе еще ясней загрузку прокурорских работников жалобами, можно привести следующие средние цифры ежедневного поступления жалоб:

Сектор	Количество жалоб	Средняя загрузка на 1 работника
Совкультсектор	18	4
Сельхозсектор	13	3
ТКФ	12	6
Промсектор	8	8
МУ	9	5

Если же исключить отсюда жалобы, направляемые в другие организации, то приведенные цифры загрузки придется признать вовсе меньшими.

Нам кажется совершенно излишним после вышеприведенных цифр аргументировать неосновательность утверждений отдельных прокуратур о чрезмерной их загрузке жалобами.

Рассматривая деятельность Киевской облпрокуратуры, нельзя не отметить той значительной работы, которую проделала прокуратура в области надзора за местами лишения свободы.

Во исполнение директив Союзной прокуратуры об арестах была проведена проверка, в результате которой последовало освобождение 36 чел., содержащихся под стражей без достаточных оснований.

Проводя твердую линию в выполнении директив об арестах, областной прокурор т. Старовойтов в отношении прокуроров двух районов, систематически допускавших грубые искривления (несмотря на наложение на них предварительных взысканий), пошел на такую меру, как временное (на 1 месяц) запрещение им давать санкции на аресты, с тем, чтобы санкции на этот срок давал горпрокурор.

В связи с нарушением сроков, установленных ст. 157 УПК УССР, было освобождено 29 заключенных, причем на работников милиции, затянувших эти дела, по требованию прокуратуры были наложены дисциплинарные взыскания.

Из-за нарушения сроков дознания из числящихся за милицией арестованных было освобождено 15 человек.

В целях скорейшего завершения следствия по арестантским делам право районного прокурора на дачу санкций было ограничено сроком в 2 месяца, продление же срока (в соответствии со ст. 157 УПК УССР) свыше двух месяцев облпрокуратура сохранила за собой.

Приказом председателя Верхсуда УССР народным судам предложено рассматривать арестантские дела в декадный срок. Для того чтобы сделать этот приказ реальным и заставить нарсуды его выполнять, прокуратура предложила начальникам тюрем, в случае если нарсуд в декадный срок не вызывает заключенного для рассмотрения дела, направлять заключенного первым этапом в распоряжение нарсуда, в камеры РУМ, с предложением судье рассмотреть дело в 3-дневный срок.

Чтобы добиться от нарсудов своевременного направления в МЗ справок о вступлении приговора в законную силу, прокуратура, кроме неоднократной постановки этого вопроса перед областным судом, вынуждена была стать на путь репрессий и выносить специальное постановление о прекращении приема арестованных от тех судов, за которыми числятся неоформленные арестованные.

Такие постановления были вынесены по отношению 29 нарсудов.

Кроме того прокуратура возбудила в двух случаях уголовное преследование против работников двух нарсудов за непредставление в тюрьму справок о вступлении приговора в законную силу.

Небезинтересно также остановиться на работе по проверке исполнения судебных приговоров, проведенной облпрокуратурой в соответствии с решением оперативного совещания при Прокуратуре Союза.

По проверенным 27 районам Киевской области были установлены не направленные судами к исполнению приговора в 6 нарсудах в отношении 48 чел. Из них — 35 приговоров к принудительным работам и 13—к лишению свободы, причем в одном из нарсудов (Разважевского района) были обнаружены приговоры, не направленные к исполнению, вынесенные еще в 1933 г. (9 приговоров).

Кроме того было проверено исполнение приговоров милицией. Было обнаружено 626 неисполненных приговоров, из них — 157 за 1933 г., 212 — за 1934 г. и 257 — за 1935 г.

Проверкой исполнения приговоров РУМ, произведенной сектором МЗ облпрокуратуры, была установлена абсолютно неудовлетворительная система учета направленных в милицию для исполнения приговоров, которые записывались в десятках различных книг, а иногда и совершенно не учитывались.

Областная прокуратура сделала по этому поводу предложение начальнику облмилиции, и по приказу последнего все РУМ были обязаны завести специальные книги для учета поступающих приговоров, с отметками о дате поступления приговора и об этапах его выполнения.

Со своей стороны, получив этот приказ начальника облмилиции, облпрокуратура дала указания всем райпрокурорам области об установлении надзора за исполнением этого приказа.

Нельзя умолчать о таком затруднении облпрокуратуры в части наблюдения за соблюдением законных сроков, в связи с волокитой в Верхсуде УССР в рассмотрении кассационных дел.

Верхсуд Украины не только не выполняет приказа председателя Верхсуда Союза о рассмотрении дел в декадный срок, но затягивает рассмотрение дел месяцами.

Нам кажется, что картина практики работы Киевской областной прокуратуры, изложенная в довольно общих чертах, оказалась бы весьма неполной, если бы мы прошли мимо деятельности районных прокуратур. Перехожу к работе районных прокуратур.

Образцом слабой работы может служить прокуратура Васильковского района.

Руководство прокурора следствием заключалось в даче следователю устных указаний по некоторым делам.

Письменных указаний, а также проверки всей работы следователя не было. По существу следователь предоставлен самому себе, и прокурор не только не руководит должным образом следствием, но и не знает всех дел, находящихся в производстве у следователя.

Недостатком необходимой для прокурора принципиальности может служить такой факт. Прокурор не согласился с одним проведенным НКВД делом, однако, после соответствующего нажима, дело пропустил. Впоследствии дело было возвращено на доследование.

Всего за 7 месяцев райпрокуратура пропустила 40 следственных дел и только 43 дела— в порядке надзора.

Никакого надзора за дознанием со стороны прокурора нет.

Дознания, минуя прокурора, на основе одного постановления следователя направляются в суд.

В ряде случаев инспектора милиции возбуждают дознания даже без санкции начальника милиции.

Со стороны следователя руководство дознанием, помимо непосредственного получения дознаний от участковых, заключалось еще в том, что им за 1935 г. было проведено 5 обследований. Однако такое руководство также являлось сугубо формальным, ибо составленные акты исчерпывались перечнем дознаний дел и такими лаконическими указаниями, как «закончить», «прекратить» и т. д.

Серьезного инструктажа участковых инспекторов не было.

Письменных указаний за 7 месяцев 1935 г. было лишь 10.

Помимо всего прочего следует отметить исключительный беспорядок в канцелярии прокуратуры. Все надзорные производства прокурор хранил почему-то у себя в шкафу, где лежали они в беспорядке, не будучи даже оформлены.

Подготовительных заседаний за 1935 г. было 10—12. Прокурор участвовал в них лишь при рассмотрении 24 дел, т. е. на всех заседаниях не был.

В судебных процессах прокурор и его помощник выступали 38 раз.

Из 43 дел, просмотренных в порядке надзора, опротестовано 15. Результатов этих протестов прокурор не знает.

Вообще же качество надзора за судом ослабляется незнанием прокурором процесса. Так, прокурор Предит правильно опротестовал приговор нарсуда, по которому одна спекулянтка хлебом была осуждена условно.

Протест был удовлетворен. Дело слушалось снова, причем, несмотря на то, что обвиняе-

мая никуда не скрывалась, приговор с 5 годами лишения свободы был вынесен заочно.

Прокурор счел этот приговор правильным и оснований к протесту не нашел.

Как уже было выше указано надзорные производства по делам находятся в беспорядочном состоянии. Между тем, в ряде случаев заведены они по арестантским делам.

Сплошь и рядом в надзорном производстве нет ничего, кроме санкции прокурора на арест.

При этом были такие постановления об аресте, в которых не проставлялась дата ареста и составления постановления.

Никакого контроля по надзорным производствам не ведется.

Давая санкцию на арест, прокурор не только не проверяет соблюдения сроков, но и вообще отстраняется от дела.

В результате, как правило, освобождение из-под ареста производится без ведома прокурора и о нем прокурор узнает через несколько месяцев.

Непонимание прокурором своих задач в отношении производства арестов сказалось и в таком грубейшем нарушении, как дача санкции на арест, во время отсутствия прокурора, нарследователем.

В камере предварительного заключения при проверке содержалось 5 чел. В камере грязь. Сроки содержания нарушаются систематически. Санкции прокурора на содержание под стражей при камере не имеется.

Совершенно по иному работает прокуратура Черкасского района. Прокурор Черкасского района т. Куник, в прошлом рабочий-типограф, окончил годичные юркурсы. Куник член райкома партии и райисполкома.

Прокуратура занимает одно из лучших помещений в городе.

Получив 2300 р. на ремонт и 700 р. на оборудование, райпрокурор произвел хозяйственным способом великолепный ремонт, после которого здание по своей внешней и внутренней отделке стало лучшим в городе.

Руководство следствием со стороны прокурора выражалось в непосредственном наблюдении за ходом следствия и даче следователям непосредственных указаний по существу дела. В ряде случаев эти указания давались в письменном виде.

То, что прокурор добросовестно наблюдает за следствием, подтверждается тем, что прокурор мог подробно доложить все 11 дел, находившихся в производстве на руках у следователей.

Непосредственно следовательских дел через прокурора прошло 104, из них закончено следствием 94. Из этого количества 80 направлено в суд, 9 прекращено, по 3 объявлен розыск и 2 направлены в другие районы.

За 8 месяцев было всего 6 подготовительных заседаний, в которых прокурор принимал участие.

В судебных процессах прокурор и его помощник участвовали по 77 делам.

В порядке надзора прокуратура просмотрела 623 дела. По этим делам внесено 43 протеста. Однако результатов своих протестов прокурор не знает. Судебный надзор, к сожалению, является слабым местом даже в такой прокуратуре, как Черкасская.

Количество рассмотренных в порядке надзора дел и отсутствие по ним письменных заключений ставят под сомнение качество самого надзора, тем более что опротестовано всего 7% рассмотренных дел.

Надзорных производств по рассмотренным делам не ведется.

Повседневного наблюдения за исполнением приговоров не было.

За 7 месяцев прокуратура рассмотрела 512 жалоб и 151 газетную заметку, приняв, кроме того, свыше 1500 жалобщиков. За полгода прокурор делал один доклад о своей работе на президиуме рика.

За тот же срок райпрокуратура получила от облпрокурора 98 директив (из них письменный ответ необходим был по 51 и статистические данные — по 3).

Директив от НКЮ УССР было 40 (письменный ответ требовался по 4).

Ежемесячно прокурор выезжает 3—4 раза вместе с пред. рика в сельсоветы, где на месте принимает жалобщиков.

Значительную работу провела райпрокуратура в деле общего надзора.

В порядке административного надзора прокурор внес 124 протеста. Так, было опротестовано 14 постановлений сельсоветов, 4 постановления горсовета, 20 постановлений колхозов, нарушающих примерный устав, 7 постановлений разных учреждений и организаций и 79 постановлений милиции и др. органов о наложении штрафов.

Массовая работа обычно — самое слабое место в системе прокурорских органов, но в данном случае мы берем на себя смелость заявить, что прокурор Куник провел блестящую работу в деле реализации указаний В. И. Ленина о вовлечении масс в управление.

На всех предприятиях имеются работающие группы содействия прокуратуре. В ряде сельсоветов работают секции ревзаконности.

Прокурор, будучи по квалификации типографом, сам набирает и издает в тираже 1200 экз. ежемесячную печатную газету, являющуюся органом горпарткома, рика и прокуратуры. Газета выходит регулярно уже год.

За 7 месяцев группами содействия и секциями ревзаконности выпущено 128 стенгазет.

Прокурор стимулировал двух председателей секции ревзаконности, показавших лучшие образцы работы, специальными премиями.

У прокурора имеется соцсовместитель, ежедневно уделяющий несколько часов прокурорской работе и вполне подготовленный к работе пом. прокурора.

Многие работники центральных аппаратов могли бы поучиться у черкасского прокурора, как надо выращивать людей, как заинтересовывать их работой.

Прокурор делал доклады о работе прокуратуры и задачах групп содействия на всех без исключения предприятиях района, на собрании коопработников, в 1 совхозе и 10 колхозах.

Силами групп содействия и секций ревзаконности проверялись нарушения трудзаконодательства на 7 предприятиях и в 6 колхозах.

Прокурором направлялись товарищеские письма секциям ревзаконности по вопросам: охраны урожая, о семссудах, о нарушениях примерного устава и об учете урожая.

Кроме того прокуратура провела 29 совещаний с активом прокуратуры и общественностью.

Приведенные данные о работе Киевской областной прокуратуры и отдельных ее районов свидетельствуют о том, что наряду с рядом еще не устраненных недостатков в прокуратуре, произошли значительные сдвиги, и в активе ее работы есть немало положительных образцов, могущих служить примером.

Дальнейшие мероприятия по усилению надзора за судом и улучшению качества следствия, борьба за культурный стиль работы, о котором говорил П. П. Постышев на областном совещании судебно-прокурорских работников, усиление конкретного руководства районами — вот тот комплекс вопросов, последовательная реализация которых необходима облпрокуратуре.

Наличие крепкого, достаточно квалифицированного коллектива и внутренней дисциплины, проявляемая инициатива в постановке отдельных вопросов и, что самое главное, крепкая поддержка со стороны партийных органов — дают нам все основания требовать превращения Киевской областной прокуратуры в одну из ведущих не только в УССР, но и во всей системе прокурорских органов.

Ф. СТАРОВОЙТОВ

Итоги конкурса имени П. П. Постышева на лучшую районную прокуратуру и следственную камеру по Киевской области

Задачи, поставленные перед органами юстиции, требовали перестройки всех звеньев прокурорской системы и повышения качества всей работы.

Одним из способов, который мог и должен был помочь в деле лучшего выполнения всеми прокурорско-следственными работниками возложенных на них задач, был избран конкурс на лучшую прокуратуру и следственную камеру.

В апреле 1935 г. Киевской областной прокуратурой был объявлен конкурс имени П. П. Постышева на лучшую районную прокуратуру и следственную камеру сроком с 1 мая 1935 г. до Октябрьских дней того же года.

Большинство прокуроров области своевременно откликнулось на призыв областной прокуратуры, включилось в конкурс и повело борьбу за повышение качества своей работы, развернув социалистическое соревнование на лучшее выполнение условий конкурса.

В условия конкурса входили требования повышения качества работы прокуратуры по всем участкам.

В области надзора за следствием требования конкурса касались вопросов организации и качества надзора.

В области надзора за судом требовалось активнейшее участие прокуроров в судебных и подготовительных заседаниях по наиболее актуальным делам и глубокое изучение работы суда.

По надзору за дознанием требования конкурса были направлены на осуществление непосредственного надзора за органами дознания по наиболее актуальным делам и на повышение квалификации работников органов дознания.

Большое внимание в условиях конкурса было уделено вопросам лучшей организации приема и рассмотрения жалоб трудящихся, а также осуществлению систематического надзора со стороны прокуратуры за состоянием жалоб в райисполкомах и сельсоветах.

Не меньше внимания было уделено вопросам борьбы за внедрение принципов социалистической законности.

Условия конкурса требовали также от прокуроров не допускать ни одного случая оставления без опротестования незаконных постановлений, проверять работу сельсоветов путем изучения их постановлений, быстрого реагирования на нарушения сталинского устава с.-х. артели, и не менее одного раза в месяц на рабочих или колхозных собраниях делать доклады о революционной законности.

По массовой работе требовалось активизирование групп содействия прокуратуре, втягивание общественного актива в расследование следственных дел, повышение технических знаний актива, выделение соцсовместителей и втягивание их в практическую работу.

Кроме того условия конкурса также предусматривали обязательства прокуроров по повышению своей квалификации и укреплению дисциплины.

В результате проведенного конкурса имени Павла Петровича Постышева ряд районных прокуратур Киевской области, как это отметил народный комиссар юстиции, генеральный прокурор УССР т. Киселев своим приказом 16/XII 1935 г., достигли определенных успехов.

Большим дефектом следственной работы по области являлось затягивание проведения следствия.

Продолжительность следствия по законченным делам в первом полугодии характеризуют следующие цифры: в срок до 10 дней было расследовано 53,8% общего количества дел, в срок от 10 до 30 дней — 24,6%, от 1 до 2 месяцев — 7,1% и в срок свыше 2 меся-

цев было расследовано 14,5% общего количества законченных народными следователями дел.

К концу конкурса показатели продолжительности следствия по области по делам, расследованным народными следователями, значительно улучшилась.

Улучшился также и судебный надзор. За время конкурса количество уголовных дел, рассмотренных в подготовительных заседаниях с участием прокурора, значительно увеличилось. Так, в октябре в 5 раз больше дел, рассмотренных в подготовительных заседаниях с участием прокурора, чем за месяц первого полугодия.

В результате конкурса количество уголовных дел, рассмотренных прокурорами в порядке надзора, увеличилось на 100% против количества дел, рассматриваемых за месяц в первом полугодии.

За время конкурса основная масса районных прокуроров области переключилась на работу по надзору за судом, на осуществление в полном объеме прав, предоставленных прокурору.

Много внимания в период конкурса было уделено вопросам налаживания приема жалоб и жалобщиков, улучшения качества и сроков рассмотрения жалоб. В результате проведенной на местах работы имеется определенное улучшение организации приема, повышения качества рассмотрения и сокращения сроков рассмотрения жалоб.

Так, если в первом полугодии в срок до 10 дней рассматривалось только 43% от общего количества удовлетворенных и оставленных без последствий жалоб, то на конец конкурса (октябрь) в срок до 10 дней было рассмотрено уже 70% жалоб.

Кроме того также значительно усилена борьба прокуроров за правильное и своевременное разрешение жалоб трудящихся в сельсоветах, горсоветах, райисполкомах и их отделах.

Органы прокуратуры на местах на протяжении конкурса провели немалую работу с общественным активом, в результате чего значительно повысилась активность групп содействия прокуратуре и секций ревзаконности и на много увеличилось количество получаемых прокуратурой от общественного актива сигналов. Так, если месячное количество сигналов, которые получали райпрокуратуры по области в первом полугодии, принять за 100%, то количество сигналов, полученных на протяжении октября, составит 170%; это говорит о том, что в результате конкурса достигнута определенная активизация общественного актива.

Лучшие образцы работы на протяжении конкурса дала Черкасская райпрокуратура (райпрокурор т. Куник).

Включившись одним из первых в конкурс и развернув социалистическое соревнование с Житомирской прокуратурой на лучшее выполнение условий конкурса, т. Куник вывел прокуратуру на передовое место области, добившись значительного повышения качества своей работы на всех участках.

В результате проведенной районной прокуратурой большой работы с общественным активом в Черкасском районе есть 28 групп содействия прокуратуре и секций революционной законности, объединяющих 314 лучших рабочих и колхозников. Кроме того райпрокурор имеет трех соцсовместителей. Этот актив в большой мере содействует районной прокуратуре в ее повседневной работе. Так, на протяжении конкурса районной прокуратурой получено от групп содействия и секции ревзаконности 89 сигналов, по которым возбуждено 14 уголовных дел. Кроме того общественным активом проведено 68 обследований и проверок по поручению прокуратуры, а соцсовместителями рассмотрено 85 жалоб и 91 дело в порядке надзора.

Такое положение работы общественного актива в Черкасском районе достигнуто в результате систематического руководства активом со стороны районной прокуратуры, которая сумела создать определенный авторитет каждой группе содействия прокуратуре среди широких масс.

В практике работы Черкасской прокуратуры, кроме систематического живого инструктажа на совещаниях и слетах актива и выездов на места для проведения личного инструктажа и обследования работы актива, широко применены и внедрены также социалистические методы работы самого актива как обмен опытом между секциями и группами и соцсоревнование групп и секций между собой.

По инициативе районной прокуратуры в Черкасском районе издается газета «За социалистическую законность», которая является органом РПК, РВК и прокуратуры, где наряду с другими вопросами освещается также работа общественного актива и даются по ней развернутые указания.

Пресса как один из методов работы с общественным активом, в значительной мере содействующий росту социалистического правосознания рабочих и колхозников, занимает исключительное место в работе Черкасской прокуратуры.

Неплохо поставлено в Черкасском районе дело рабочего шефства. Рафинадный завод, шефствующий над прокуратурой, за время конкурса провел подробную проверку работы прокуратуры и на собрании рабочего коллектива завода заслушал доклад прокурора о работе последней.

В области надзора за судом Черкасская прокуратура также имеет значительные успехи. За период конкурса во всех подготовительных заседаниях нарсуда принимал участие прокурор. За время конкурса с участием прокуратуры было рассмотрено 145 дел в суде первой инстанции, что обеспечило существенное влияние прокуратуры на работу народного суда; кроме того, как правило, прокурор в порядке надзора рассматривал все рассмотренные судом уголовные дела, по которым не были поданы кассационные жалобы. Таких дел рассмотрено 585, в результате чего было подано 20 протестов на неправильные приговоры суда.

Изучение линии суда и динамики преступности производилось прокуратурой систематически, с последующим обсуждением результатов на совещаниях судебно-следственных работников района.

В области организации рассмотрения жалоб прокуратура внедрила метод выездов в села для приема и разрешения жалоб на местах. Причем о выездах прокурора заблаговремен-

но извещалось население через печать, сельсоветы и т. д.

За время конкурса Черкасская прокуратура провела 8 таких выездов, во время которых разрешение жалоб на местах увязывалось с широкой популяризацией советских законов среди трудящихся.

В части приема и рассмотрения жалоб в самой прокуратуре также имеются большие достижения. Решения прокуратуры по жалобам мотивированные, ответы жалобщикам посылаются своевременно.

Больших успехов достигла прокуратура в части ускорения разрешения жалоб. Так, за время конкурса свыше 90% всех жалоб было рассмотрено в срок до 15 дней.

Прокуратура также проводила глубокую проверку состояния жалоб в райфинотделе, в 5 сельсоветах и 10 колхозах. В части надзора за законностью постановлений местных органов прокуратура имеет серьезные достижения. От всех 30 сельсоветов прокуратура получает все их постановления, которые тщательно проверяются прокурором. В результате этого за время конкурса в президиум райисполкома подано 84 протеста на незаконные действия горсовета, сельсовета, колхозов и других организаций.

Достаточно быстро реагировала прокуратура также на случаи нарушения сталинского устава сельскохозяйственной артели.

В заключение нужно отметить, что райпрокурор т. Куник в то же время систематически работает над повышением своей квалификации.

Больших сдвигов в работе за время конкурса достигла прокуратура Белоцерковского района в соревновании на лучшее выполнение условий конкурса с прокуратурой Уманского района.

Хорошо обеспечено было прокуратурой наблюдение за судом. Прокурор принимал участие во всех подготовительных заседаниях суда. По 108 делам выступал прокурор в суде первой инстанции. 523 дела рассмотрены прокуратурой в порядке надзора, в результате принесено 37 протестов. Указанная работа наряду с проведением глубокого изучения линии суда обеспечила надлежащий надзор прокуратуры за судом.

Хорошо поставлено в прокуратуре наблюдательное производство, что наряду с проведением совещаний, дачей указаний по каждому отдельному делу и ревизионными обследованиями всех дел обеспечило соответствующее качество надзора.

Хорошо поставлено дело с рассмотрением жалоб и административным надзором. Прокуратурой обследовано 50% всех сельсоветов и 10 колхозов. Выявленные прокуратурой во время обследования нарушения своевременно опротестовывались.

Прокуратурой также налажена тесная связь с местной прессой и проведена большая работа по популяризации социалистической законности (проведено 16 докладов).

Райпрокурор Белоцерковской прокуратуры т. Волосастов к конкурсу отнесся исключительно серьезно, и это обеспечило ему успех.

Значительных успехов в соревновании с Чигиринской прокуратурой достигла также прокуратура Каменского района, в частности хорошо внедрена практика выездов в села для приема и рассмотрения жалоб на месте. Прокуратура проводит их по плану вместе с председателем райисполкома, заблаговременно извещая об этом население.

Хорошо работает общественный актив прокуратуры и проведена большая разъяснительная работа (сделано 28 докладов на рабочих и колхозных собраниях).

Наблюдение за судом прокуратурой обеспечено, наблюдение за следствием осуществляется хорошо.

Тов. Орлов — райпрокурор Каменского района — пользуется большим авторитетом в районе как прокурор.

Смелянская районная прокуратура в результате конкурса имеет большие достижения в своей работе. Тов. Ольховская — прокурор Смелянского района — молодой работник юстиции, провела большую работу.

В наблюдении за судом были обеспечены выступления прокурора в судебном заседании по всем актуальным делам. Прокуратурой рассмотрено 185 дел в порядке надзора и подано 33 протеста на приговоры нарсуда. Прокуратура занималась также изучением судебной практики.

Хорошо организовала прокуратура прием и рассмотрение жалоб, внедряя в практику метод приема и рассмотрения жалоб на месте (на селах, предприятиях и на транспорте).

Хорошо поставлена работа с общественным активом. Прокуратура имеет 38 групп содействия, в которых объединено 159 человек, 2 соцсовместителя и 6 общественных обвинителей.

Актив Смелянской прокуратуры дает образцы неплохой работы. Так, за время конкурса от групп содействия прокуратуре получен 81 сигнал, по которым заведено 23 уголовных дела, кроме того по поручению прокуратуры соцсовместителями и группами содействия проведено 63 обследования.

Соцсовместителями рассмотрено в порядке надзора 12 дел и разрешено 64 жалобы. По 14 следственным делам общественность была привлечена к расследованию.

С общественным активом прокуратура провела два больших слета. На слетах были также заслушаны доклады двух руководителей групп содействия о их работе.

Прокуратура наладила тесную связь с прессой и провела ряд докладов о соцзаконности на рабочих и колхозных собраниях.

За время конкурса серьезных успехов в работе достигла прокуратура Петровского района г. Киева в соревновании с прокуратурой Октябрьского района г. Киева. Райпрокурор т. Носко, совсем новый работник в органах юстиции, принявший прокуратуру в чрезвычайно тяжелом состоянии, за время конкурса своей работой добился того, что вывел прокуратуру Петровского района из прорывного состояния, в котором она находилась долгое время, на одно из передовых мест по области.

Прокуратура Октябрьского района г. Киева в соревновании на лучшее выполнение условий конкурса с прокуратурой Петровского района добилась больших достижений в работе, и заняла одно из лучших мест среди прокуратур г. Киева и Киевской области. Успех в

работе райпрокурора т. Семенова был обеспечен внимательным отношением к людям, умением создать условия для работы и заботой о своих кадрах.

В итоге конкурса получили премии:

Первую премию — переходящее знамя Наркомюста УССР и автомашину получила прокуратура Черкасского района — райпрокурор т. Куник. Кроме того коллектив Черкасской прокуратуры премирован деньгами в сумме 1800 руб.

Вторую премию — 2000 руб. получила прокуратура Петровского района г. Киева — прокурор т. Носко.

Третьи премии — по 1200 руб. — выданы таким прокуратурам: Белоцерковского района — прокурор т. Волосастов, Октябрьского района г. Киева — прокурор т. Семенов и Каменского района — прокурор т. Орлов.

Четвертые премии — по 750 руб. получили такие прокуратуры: Смелянского района — прокурор т. Ольховская, Уманского района — прокурор т. Пинчук, Чернобыльского района — прокурор т. Беликов и Гельмязевского района — т. Костенко.

Кроме того были премированы прокуроры отдельных райпрокуратур, которые хотя полностью и не выполнили условий конкурса, но все же имеют большие достижения в результате ударной работы прокуроров этих районов.

Достижения первого конкурса еще нельзя признать достаточными, так как даже и те сравнительно небольшие требования конкурса, которые были даны, значительная часть прокуратур не выполнила, а также и потому, что задачи, которые поставлены партией и правительством перед прокурорско-следственными органами на ближайшее время, требуют от каждого прокурора и следователя дальнейшей перестройки своей работы по всем участкам и значительного повышения качества работы.

Исходя из этого, а также и из того, что конкурс является одним из способов, который должен помочь лучшему выполнению всеми прокурорско-следственными работниками возложенных на них задач, Киевская областная прокуратура со второй половины декабря 1935 г. объявила второй социалистический конкурс имени Павла Петровича Постышева на лучшую районную прокуратуру и камеру народного следователя по области сроком до 1 мая 1936 г.

Условия нового конкурса значительно повышены по сравнению с первым. Выполнение этих условий должно обеспечить полную перестройку работы прокуроров и народных следователей Киевской области и, следовательно, обеспечить выполнение полностью указаний т. Вышинского, данных им на Украинском совещании работников юстиции 4 апреля 1935 г.

ПЕТРЕНКО

Наслідки рейду

З наказу Народного Комісара юстиції і Генерального прокурора республіки, разом з представником редакції газети „Комуніст", був організований рейд для вивчення стану розгляду справ по районних організаціях кількох районів Київської і Вінницької областей. Був перевірений також і стан розгляду скарг по районних прокуратурах.

Аналізуючи наслідки роботи рейду, слід зробити висновок, що окремі райпрокуратури зовсім не приділюють уваги вчасному і законному розглядові скарг. Скарги, в основному, є компетенцією секретарів прокуратур і іноді вирішуються цими секретарями. Гаксамо не скрізь налагоджено як слід облік і вчасні повідомлення скаржників про наслідки розв'язання їх заяв.

Обслідування Білоцерківської, Жашківської, Манастирищенської і Житомирської райпрокуратур Київської області і Брацлавської, Немирівської, Махнівської, Янушпольської і Бердичівської райпрокуратур Вінницької області показало, що справа розгляду скарг стоїть гаразд лише по Брацлавському, Білоцерківському і Житомирському районах. По багатьох прокуратурах встановлено чимало випадків зволікання скарг, які не розглядаються протягом місяця, двох і більше.

Наприклад, по Васильківському району скарга Ткача не розглядалась протягом 3½ місяців; по Білоцерківському району скарга гр. Прилуцького про вилучення хати перебувала на розгляді понад 3 місяці; по Калинівському району скарга про розбазарення мірчука в Грушківському лісоградгоспі тривала розглядом 1 рік і 10 місяців і на день перевірки ще не була остаточно розв'язана. В тій же прокуратурі скарга гр. Бандура перебувала на розгляді понад 6 місяців.

Не краще стоїть справа щодо темпів розгляду скарг і по Вінницькій області. Так, у Вінницькій міській прокуратурі заява гр. Андрющенка про придбання хати не була розглянута протягом 10 місяців; в Янушпольській райпрокуратурі скарга гр. Манзевита лежить у прокуратурі понад 10 місяців.

Більшість скаржників подають до прокуратур скарги на дії управ колгоспів, на дії президій сільрад, зокрема, на вилучення хат, відібрання майна, незаконний штраф тощо. Прокуратури замість того, щоб за такою сигналізацією проводити розслід на місці, залучивши до справи актив прокуратури, групи сприяння і соцсумісників, запитують пояснень від сільрад і управ колгоспів. Пояснення здебільшого не надсилаються вчасно, виконання вимог прокуратури затримується на кілька місяців і, в наслідок цього, надто актуальні скарги залишаються довгий час не розв'язаними.

Наприклад, Янушпольська прокуратура одержала скаргу від дружини червоноармійця Мар-

зевита на те, що голова сільради незаконно вилучив у неї 41 кгр. зерна. Прокуратура доручила цю справу голові сільради, який не виконував цього доручення протягом 6 місяців. Замість того, щоб вжити рішучих заходів, прокурор Смоляров вдався до писанини. Нарешті, коли минуло вже 6 місяців з дня подання скарги, Смоляров звернувся до голови сільради з листом такого змісту:

„Вже минуло понад півроку, а Ви не спромоглися дати нам належної відповіді. Щоб повідомити прокуратуру про виконання пропозиції треба 5—10 хвилин, але в усякому разі не півроку. Це Ви тільки можете так бюрократично ставитися до вимог прокуратури. Отже, пропоную негайно дати пояснення"...

Та сільрада і досі мовчить. Таким чином дії голови сільради щодо вилучення зерна в родини червоноармійця залишені безнокарно.

Другий аналогічний випадок бюрократичного зволікання законної вимоги прокурора і бездіяльності щодо цього самого прокурора стався в Калинівській райпрокуратурі. Райпрокурор одержав заяву про те, що в Мезниківській сільраді не ремонтується амбулаторія і що такий стан загрожує дальшій можливості проводити прийом відвідувачів. Прокурор почав вимагати в сільради пояснень з цього приводу. Сільрада ж бюрократично зволікала вимогу прокурора і, нарешті, після нещоразових нагадувань калинівського прокурора, надіслала відповідь такого змісту:

„Прокуророві виїхати на місце для розсліду, бо інакше цьому не буде кінця"...

Замість закликати сільраду до порядку за нехлюйське ставлення до його вимог, прокурор на цьому ж повідомленні зробив таку резолюцію: „Вважати питання вичерпаним".

Райпрокурори Калинівського, Монастирищенського, Янушпольського і Немирівського районів не зважаючи на актуальність скарг, не приділили їм належної уваги.

До Білоцерківської райпрокуратури ще в липні 1935 року надійшла від гр. Приляцького з Потіївської сільради скарга на те, що в нього незаконно відібрали хату. Та ця скарга на день обслідування ще не була розв'язана.

До Махнівської прокуратури надійшла скарга гр. Романюка, середняка, не позбавленого виборчих прав, також на відібрання хати. Прокурор по цій скарзі не вжив жодних заходів, обмежившися лише тим, що запитав від сільради пояснень. На день обслідування сільрада пояснень ще не надіслала.

Ще гірше стоїть справа в Янушпольському районі, де чимало скарг за змістом зовсім не розв'язані і конкретні винуватці грубого порушення революційної законності залишаються непокараними.

Щоб схарактеризувати порушення постанов уряду про трудгужповинність і бездіяльність щодо виправлення цих порушень з боку деяких прокурорів, можна навести такі факти:

Вінницька міська прокуратура одержала скаргу від гр. Войтенка, хворого, 55 років. Він скаржився, що, не зважаючи на фізично-неспроможний стан і старість, його притягають до трудгужповинності. Ця скарга пролежала в прокуратурі три з половиною місяці і залишена, кінець-кінцем, без наслідків.

До Янушпольської прокуратури надійшла скарга гр. Жук, якій 60 років. В її скарзі сказано, що її, стару і хвору, голова сільради силоміць примусив відбувати трудгужповинність. Коли гр. Жук відмовилась була виконати наказ голови сільради, то він оштрафував її і, на забезпечення штрафу, вилучив у неї 2 подушки і рядно.

Прокурор Смоляров з цього приводу не вжив жодних заходів.

При перевірці наслідків розв'язання скарг було виявлено, що окремі прокурори ще не ведуть належної боротьби з викривленнями революційної законності щодо відібрання корів. Зокрема, прокурори Калинівського, Немирівського і Монастирищенського районів не приділюють уваги таким справам, вважаючи їх за справи неактуального значення. Звичайно, в наслідок такого ставлення, скарги на відібрання корів довгий час лежать у прокурорів або дістають невірне розв'язання.

Наприклад, монастирищенський прокурор т. Меєр, одержавши скаргу від гр. Левчука на явно незаконне відібрання в нього корови, пише такий висновок: „Дозволити користуватися молоком від корови, яку незаконно вилучено".

В Немирівському районі на пасовищі затримано корів, що належали гр. гр. Запорожцеві, Бакунові і Морозові. Коли потерпілі почали вимагати повернення корів, то управа колгоспу зажадала викупа і забрала у скаржників, як викуп, на 230 карбованців облігацій, піджак і свитку. По цій скарзі прокурор, не вживши жодних заходів, порадив скаржникам звернутися до суду порядком цивільного позву.

До Калинівської прокуратури звернулася з скаргою гр. Огородь, у якої гр. Завидь відібрав теля від корови і загрожував відібрати й корову за те, що скаржниця не вийшла на роботу.

З перевірених рейдом фактів можна навести чимало випадків грубого порушення сталінського статуту сільськогосподарської артілі. Проте, деякі з прокуратур не ведуть рішучої боротьби з такими порушеннями і не притягають до відповідальності порушників. Наприклад, у Махнівському районі сільрада оштрафувала колгоспницю Закревську на 100 карбованців за те, що вона не вийшла на роботу. На забезпечення стягнення штрафу описано хату скаржниці. Закревська ж не вийшла на роботу з важливої причини: вона відвозила свого хворого чоловіка до лікарні.

В Калинівському районі голова сільради вилучив у колгоспника Байди 12 пудів зерна за невихід його дружини на работу.

При розгляді скарг установлено також випадки явно неправильних дій управ колгоспів у справах виключення з колгоспів і, в зв'язку з цим, грубого порушення статуту сільськогосподарської артілі. Наприклад, 27 серпня 1935 р. виключено з колгоспу гр. Садовського за те, що він, як бригадир, не мобілізував корів на весняну сівбу. На зборах, де було поставлено питання про виключення, було 50 чоловіка, при чому за виключення голосувало лише 5 з присутніх. Райвиконком залишив без наслідків скаргу Садовського.

Деякі скарги розв'язуються прокуратурами неправильно. Так, зокрема, сталося з скаргою колгоспниці Пушкарюк, яка сповіщала про неправильне виключення її з колгоспу. Прокурор, замість того, щоб надіслати скаргу до президії райвиконкому, запропонував начальникові раймілиції зробити дізнання. Але таке дізнання було цілком зайвим у цій справі.

Треба відзначити, як характерне явище, що перевірені скарги своїм змістом відбивають зростання правосвідомості трудящих. Кожний трудящий, до якого застосовано ті чи інші неправильні дії, рішуче добивається в районних організаціях, у першу чергу перед прокуратурою, відновлення своїх порушених прав. Та, на жаль,

де які прокурори ще недосить уважно ставляться до цих вимог і не завжди дають їм правильний напрям. Трапляються навіть випадки, коли по справах про відновлення виносяться неправильні рішення.

Наведемо одно з таких неправильних рішень. Гр. Терещенко скаржився до Васильківської прокуратури на те, що сільрада незаконно відібрала в нього полотно. На запит прокуратури сільрада дала пояснення, що полотно вилучено в Терещенка, як у спекулянта. Прокурор Предіт залишив скаргу Терещенка без наслідків, чим і припустився неправильної дії, бо якщо Терещенко насправді спекулянт, то його треба притягнути до права. Якщо ж сільрада дала неправильні відомості в цій справі, то треба було притягнути до права тих, хто незаконно вилучив полотно.

Білоцерківська прокуратура одержала скаргу від гр. Сломчинського на те, що управа колгоспу забрала в нього патоку разом з бочкою. Управа колгоспу, на вимогу прокуратури, дала відповідь, що патоку вилучено в Сломчинського, як у шкідника. На підставі цієї відповіді прокуратура залишила справу Сломчинського без наслідків. Отже, і в даному разі позиція прокуратури незрозуміла. Якщо Сломчинський справді займається шкідницькими діями, то треба його притягнути до права як шкідника, а якщо управа колгоспу дала неправильні відомості, то треба було вимагати повернення патоки потерпілому. Тих же, хто вилучав патоку, слід було притягнути до відповідальності.

Не краще розв'язано аналогічні скарги при прокуратурах Калинівського, Махнівського і інших районів.

У Калинівській прокуратурі стався такий випадок: учителі Катюжинської сільради надіслали скаргу на те, що їм протягом довгого часу не виплачувалась заробітна плата. Щоб виконати постанову уряду і примусити районні організації покрити заборгованість учителям, треба було вжити рішучих заходів. Але замість цього прокурор звернувся до голови Катюжинської сільради з запитом про причини затримання зарплати. Сільрада відповіла листом такого змісту: „Сільрада грошей при собі не має, а фінвідділ не виписує їх" і прокуратура, не перевіривши правильності листа сільради, залишила скаргу вчителів без наслідків.

Такий неприпустимий стан пояснюється тим, що прокуратури здебільшого покладають основну роботу по розгляду скарг на секретарів, не беручи особисто участі в ній і не вживаючи заходів до налагодження цієї найважливішої справи. Особливо це стосується Калинівського, Янушпольського і Манастирищенського районів.

Майже всі перевірені прокуратури не вивчають скарг, не перетворюють їх на джерело поінформованості щодо стану соціалістичної законності в районі, не систематизують їх, не пов'язують розгляду скарг з загальною боротьбою органів прокуратури за зміцнення соціалістичної законності.

Як хибу слід відзначити, що прокуратури не приділюють належної уваги справі систематичного обслідування постави проходження і розгляду скарг у райвиконкомах і їх відділах, що повинно проводитися порядком прокурорського нагляду. Правда, окремі прокурори займалися цією справою, але роботу було проведено поверхово, без відповідного аналізу.

На оперативній нараді, що відбулась цими днями в НКЮ і ГПР, були широко обговорені наслідки рейсу і питання про стан розгляду скарг. Останнє питання викликало жваві дебати, в яких брали активну участь місцеві прокурори. Тут же на нараді намічено ряд практичних заходів до поліпшення справи розгляду скарг по районних прокуратурах.

Одними з заходів, що мають поліпшити цю справу — це більш часті виїзди на місця для безпосереднього розсліду і, зокрема, більш широке залучення прокурорського активу (групи сприяння, соцсумісники) до розсліду і перевірки скарг, організація відповідних бригад з активу колгоспників, які повинні допомогати прокуратурам перевіряти стан розгляду скарг по райвиконкомах і його відділах. Крім того, прокуратури повинні тісніше зв'язатися з робселькорами, з місцевими газетами для того, щоб з допомогою живих людей і преси викорінити факти бюрократизму, нехлюйства в цій надто важливій справі.

Прокуратури повинні широко висвітлювати в пресі актуальні справи, розв'язані як прокурорами, так і райвиконкомами, щоб популяризувати рішення по цих справах. Необхідно також робити систематичні аналізи скарг для того, щоб мати відповідну чітку поінформованість про стан революційної законності.

Кожний працівник прокуратури повинен зрозуміти, що вчасне і законне розв'язання скарги є проявом чуйного ставлення до живої людини, реагуванням на випадки порушення прав працюючих; що правильна організація розгляду скарг, вчасне розв'язання кожної скарги піднесе ще на вищий щабель боротьбу за зміцнення соціалістичної законності.

А. ВИКТОРОВ

Весенняя посевная кампания и задачи органов прокуратуры

Весенняя посевная кампания 1936 г. предъявляет повышенные, по сравнению с прошлым годом, требования к качеству и срокам сева.

В речи на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок 1 декабря 1935 г. товарищ Сталин поставил перед партией и всей страной задачу—обеспечить в течение ближайших 3—4 лет сбор 7—8 миллиардов пудов хлеба в нашей стране.

С предельной ясностью вождь нашей партии обосновал необходимость выполнения этой за-

дачи, показав наличие у нас всех возможностей для ее выполнения.

И уже весенний сев текущего года должен будет проходить под знаком борьбы за 7—8 миллиардов пудов хлеба, «чтобы производство хлеба росло у нас из года в год и чтобы мы оказались к этому сроку вполне подготовленными к выполнению этой важнейшей задачи» **(Сталин).**

Хозяйственное и организационное укрепление колхозов в связи и на основе сталинского колхозного устава, рост сельскохозяйственных кадров, освоивших технику и выдвинувших героев и героинь в борьбе за высокие урожаи и высокую производительность труда уже при проведении осенних сельскохозяйственных работ 1935 г. обеспечили блестящие итоги этого сельскохозяйственного года. Эти глубочайшие изменения в самой колхозной массе определяют и обеспечивают успехи предстоящей весенней посевной кампании.

Новая обстановка в деревне возлагает на органы прокуратуры новые, гораздо более сложные задачи, требует от них в период подготовки и проведения весеннего сева максимальной гибкости и маневренности в деле помощи хозяйственным организациям, совхозам и колхозам в борьбе за высокое качество и ударные темпы весенних сельскохозяйственных работ.

Своевременное реагирование на все случаи, препятствующие подготовке и проведению весеннего сева и требующие вмешательства органов прокуратуры, умение во-время вскрыть разнообразные попытки классово враждебных элементов оказать сопротивление новым социалистическим отношениям, созданным в деревне, являются главнейшим требованием, предъявляемым к органам прокуратуры.

В чем заключается то новое, что должно отличать деятельность органов прокуратуры в текущую посевную кампанию от предыдущего года?

Мощный рост стахановского движения охватил работников и социалистического земледелия. Борьба за высокие урожаи, за высокую производительность труда выдвинула героев и героинь социалистических полей. Совещания ударников и ударниц социалистического земледелия с руководителями партии и правительства, как об этом свидетельствуют ежедневные сообщения печати, вызвали еще больший энтузиазм и решительность колхозных масс беззаветно драться за рекордные урожаи, за подлинно социалистическую производительность труда. Но уже отмечается и сопротивление этому движению со стороны классовых врагов, со стороны бюрократических и консервативных элементов.

Имеющиеся сообщения с мест показывают, насколько разнообразны формы этого сопротивления, насколько они требуют от нас повышенной бдительности и оперативности.

В Кагановичбадском районе Таджикской ССР в колхозе им. Коминтерна кулаками Хамидовым Мирзахмудом, Мусульманкуловым Юлдашем и Абдурахмановым Рустамом зверски убит лучший бригадир-стахановец Самат Бекмуратов. Сын ходжентского батрака, сам в прошлом батрак, Самат Бекмуратов был одним из застрельщиков перенесения стахановских методов на хлопковые поля. Путем разделения труда, сбора хлопка обеими руками, неустанной борьбы за высокую производительность труда и качество работы Бекмуратов добился высокой урожайности и значительного перевыполнения плана на участке своей бригады. Указанные выше кулаки, входившие в бригаду Бекмуратова, демонстративно не желали собирать больше 5 кг хлопка в день, в то время, как добросовестные колхозники собирали по 16—20 кг. Бекмуратов ставил о них вопрос на колхозных собраниях, добиваясь исключения их из колхоза. Ночью, по предварительному уговору, один из участников группы — Мусульманкулов — напал на спящего в палатке Бекмуратова, нанес ему несколько ударов ножом в грудь и перерезал горло. Завернув труп в кусок ревендука, Мусульманкулов совместно со своими сообщниками Хамидовым и Абдурахмановым зарыли труп на хлопковом поле в километре от кишлака.

Убийцы арестованы и понесут суровое наказание.

О других формах противодействия стахановскому движению сообщает прокурор Винницкой области УССР.

В селе Голосково Меджибожского района раскулаченный Алексеев начал травить звеньевую колхоза Гудзь Агафью, собравшую осенью до 500 центнеров свеклы с гектара. Алексеев распространял клеветнические слухи, что Гудзь не ударница, что портрет ее помещен в газете потому, что она находится в интимных отношениях с бригадиром и пр.

В Жмеринском районе бригадир колхоза с. Стодулец Огородник добивался от звеньевой Бевз Марии отказа от взятого ею на себя обязательства — дать в 1935 г. урожай в 500 центнеров свеклы с гектара. Когда ему это не удалось, он подговорил ее родных и мужа, систематическими скандалами и травлей добивавшихся своей преступной цели.

В колхозе «Путь коллективизации» Саидовского района Калининской области дочь сосланного кулака Ширякова систематически травила ударницу-льнотрепальщицу Гоностареву, клеветала на нее, добиваясь выхода Гоностаревой из колхоза.

В колхозе «Красная горка» Красно-Холмского района Калининской области колхозницы-стахановки Шабалина, Меньшикова и др. трепали до 40 кг льна в день. Член того же колхоза, лодырь Бухарева, с целью сорвать их ударную работу, подбрасывала в связки оттрепанного ими волокна неоттрепанное волокно, в сырец подбрасывала отрепье и похищала оттрепанное ими волокно.

Подобных примеров немало. Обязанностью органов прокуратуры является — уметь вовремя выявлять факты сопротивления стахановскому движению и, руководствуясь указаниями прокурора Союза от 2/XI 1935 г., наносить решительный и беспощадный удар по такого рода преступлениям.

Успех весенней посевной кампании 1936 г. будет обеспечен при условии строгого соблюдения сталинского колхозного устава, представляющего могучий рычаг для дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов как господствующей формы нашего сельского хозяйства. Нужно прямо сказать, что по этому вопросу многие органы прокуратуры допускали серьезные ошибки. Нельзя го-

ворить, что прокуроры не занимаются вопросами колхозного устава. Но здесь наблюдается чрезвычайно любопытное явление, вынуждающее обратить на него внимание прокурорской периферии.

Читая информационные сообщения местных органов прокуратуры, бросается в глаза то обстоятельство, что борьба за соблюдение колхозного устава не пронизывает всей деятельности прокуратуры в области сельского хозяйства, а рассматривается как самостоятельная «кампания». Даже доклады пишутся отдельно — о мероприятиях по соблюдению колхозного устава и о прочих мероприятиях по различным отраслям сельского хозяйства. Вряд ли это обстоятельство можно объяснить удобствами отчетно-статистического порядка. Установился кое-где взгляд, что колхозный устав сам по себе, а очередные сельскохозяйственные кампании сами по себе, а это является самым вредным пережитком кампанейской работы.

Постановление Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) 19/XII 1935 г. «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках нечерноземной полосы», имеющее огромное значение не только для районов нечерноземной полосы, указывает, что нарушения колхозного устава препятствуют движению вперед дела укрепления колхозов. Исходя из этого, указанное постановление требует, чтобы колхозный устав не формально, а на деле получил силу основного государственного закона в каждом колхозе, а виновные в нарушениях устава строго наказывались.

Совершенно очевидно, что постановление 19/XII 1935 г. должно быть положено в основу всей деятельности органов прокуратуры в период подготовки и проведения весеннего сева с тем, чтобы эта работа была органически увязана с борьбой за неуклонное соблюдение колхозного устава. В частности, постановление 19/XII требует прекратить практику огульного и незаконного наложения штрафов на колхозников, незаконного и огульного исключения из колхозов, а особенно незаконного распоряжения колхозными средствами со стороны советских и хозяйственных организаций. Постановление обязывает эти организации в двухмесячный срок покрыть свою задолженность колхозам, а органы прокуратуры привлекать к суровой ответственности лиц, не выполняющих это указание.

Все эти вопросы должны быть в центре внимания органов прокуратуры в период весенней посевной кампании.

И когда мы говорим о том новом, что должно отличать деятельность органов прокуратуры в текущую посевную кампанию от прошлого года, мы имеем в виду именно эти основные стержневые вопросы: методами прокурорской работы устранить препятствия, возникающие на пути выполнения задания о сборе 7—8 миллиардов пудов хлеба в нашей стране, решительная борьба с противодействием стахановскому движению в сельском хозяйстве и борьба за неуклонное соблюдение сталинского колхозного устава, который должен получить не формально, а на деле силу основного государственного закона в каждом колхозе. Именно они, эти стержневые вопросы, должны определить основное содержание работы органов прокуратуры в текущую посевную кампанию; руководствуясь ими, нужно на каждом отрезке этой кампании строить план своей работы.

Обращаясь к непосредственным оперативным задачам деятельности прокуратуры, необходимо отметить, что так же, как и в прошлой кампании, в центре внимания прокуратуры должна находиться борьба со всякого рода хищениями семенных фондов, горючего, запасных тракторных частей и др. Нужно будет усилить борьбу и с хищениями личного имущества колхозников, ибо опыт прошлых кампаний показал, что классово враждебные и разложившиеся элементы таким путем пытаются сорвать работу колхозников в поле.

Весенняя посевная кампания текущего года предъявляет особенно повышенные требования к работе тракторного и прочего машинного парка. Прошедшие совещания комбайнеров и комбайнерок, представителей передовых колхозов, руководящих работников земельных органов и МТС с руководителями партии и правительства подчеркнули как основную проблему — борьбу за повышение производительности труда и за снижение себестоимости продукции. Доклад т. Чернова, выступления тт. Чубаря и Антипова на совещании руководящих работников МТС и земельных органов эти вопросы поставили во весь рост. И совершенно понятно, что в свете этих выступлений решающее значение будет иметь бесперебойная работа тракторного парка в период весеннего сева. Поэтому одной из важнейших обязанностей органов прокуратуры должно быть установление надзора за выполнением плана осенне-зимнего ремонта тракторов. В этом направлении нужно пресекать антигосударственные тенденции отдельных работников МТС и совхозов произвольно переводить тракторы, подлежащие среднему ремонту, на капитальный ремонт, отправлять в ремонт некомплектные тракторы с предварительно снятыми важнейшими частями, могущими быть еще использованными на работе, нарушать лимитную стоимость капитального ремонта одного трактора.

Наконец, объектом надзора органов прокуратуры должно быть качество ремонта тракторов и машин. Постановление Совнаркома Союза ССР от 9/X 1935 г. отмечает еще наблюдающуюся неудовлетворительную организацию бракеража тракторов, принимаемых из ремонта. Ответственность за недоброкачественный ремонт должны нести как непосредственные виновники, так и лица, принявшие недоброкачественно отремонтированный трактор.

Наряду с обеспечением механического тягла большое значение имеет надлежащая подготовка живого тягла. Создание для рабочего скота нормальных условий зимовки, обеспечение его концентрированными кормами, необходимые условия для слабого тягла и жеребых маток — таковы конкретные задачи органов прокуратуры в этой области. Особое внимание нужно обратить на различного рода вредительские действия, направленные к уничтожению или умышленному изувечению лошадей и другого рабочего скота.

Эффективность мероприятий органов прокуратуры в период подготовки и проведения весенней посевной кампании будет зависеть

от того, насколько своевременной будет судебная репрессия по преступлениям, связанным с этой кампанией. Органы прокуратуры должны учесть ошибки прошлого года, когда с момента совершения преступления до возбуждения уголовного преследования проходило столько времени, что терялось всякое значение возбуждать это дело, которое уже, во всяком случае, не могло оказать никакого влияния на предупреждение преступлений в период самой кампании. Равным образом, нужно устранить такое положение, когда с момента передачи дела в суд до его заслушания также проходило значительное время, отнюдь не по причинам процессуального порядка. Такие недопустимые разрывы лишают судебную репрессию значения фактора борьбы с преступностью, особенно в период сельхозкампаний, проходящих в сжатые и уплотненные сроки. Нужно добиться того, и это основное, чтобы, ни в коем случае не в ущерб требованиям УПК, расследование и рассмотрение в судах дел, связанных с весенней посевной кампанией, происходило в срочном порядке с тем, чтобы каждый судебный приговор мог иметь предупреждающее и воспитательное значение.

Уже в период осенней кампании 1935 г. мы констатировали значительно меньшее количество осужденных по сравнению с прошлым годом. Нам удалось добиться резкого перелома в сторону устранения массовости репрессии, за счет большей ее меткости, организованности и увязки ее с массово-политической работой. Тем не менее и осенью имело место немало случаев необоснованных привлечений и осуждений. Нужно решительно отказаться от практики возбуждения мелочных дел по хозяйственным упущениям и нарушениям трудодисциплины. Органы прокуратуры до сего времени игнорируют требования п. 17 сталинского колхозного устава о том, чтобы дела о бесхозяйственном и нерадивом отношении к общественному имуществу, о нарушениях трудовой дисциплины, о недоброкачественной работе рассматривались правлениями и общими собраниями колхозов согласно правилам внутреннего распорядка.

Постановление Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) 19/XII 1935 г. как на крупнейшее нарушение колхозного устава указывает на то, что «председатели колхозов... предаются суду и штрафуются незаконно по совершенно пустяковым основаниям, где было бы вполне достаточно общественного воздействия или указания соответствующего партийного и советского органа. Тем самым партийные и советские органы, вместо того чтобы воспитывать и закреплять руководящие колхозные кадры, растрачивают эти кадры и не создают устойчивого руководящего состава в колхозах, без чего нельзя двинуть вперед дело укрепления колхозов».

Едва ли есть надобность доказывать, что приведенная выдержка имеет самое непосредственное отношение к работе органов прокуратуры. Прошедшая осенняя кампания показала ряд несомненных достижений в смысле более осторожного подхода к возбуждению уголовного преследования в отношении работников сельского и колхозного актива. Соответствующие директивы Прокуратуры Союза, ограничившие право предания суду этих лиц, только краевым, областным или республиканским прокурором, привело к отбору наиболее характерных случаев в качестве объектов судебной репрессии. Но и сейчас нередки случаи возбуждения дел по обстоятельствам, «где было бы вполне достаточно общественного воздействия или указания соответствующего партийного и советского органа».

Вот почему мы сейчас должны особенно подчеркнуть требование к органам прокуратуры, так организовать работу, чтобы, не допуская самотека в практике возбуждения уголовного преследования, активно регулируя эту практику, в то же время тщательно разбираться в мотивах и обстоятельствах преступления, выявлять и учитывать трудовую и общественную характеристику обвиняемых и предавать суду лишь за такие преступления, которые имеют действительно социально-опасное значение.

В этом смысле огромное значение будет иметь предварительное рассмотрение всех дел, связанных с подготовкой и проведением весеннего сева, в распорядительных заседаниях. Это усилит контроль над прохождением дел данной категории и обеспечит постановку на судебное заседание только таких дел, по коим судебный процесс и судебный приговор вызываются соображениями подлинной социальной опасности.

Однако эта группа вопросов об основательности возбуждения уголовного преследования и предания суду тесно связана с вопросами качества предварительного расследования.

Анализируя отчетные материалы органов прокуратуры об итогах осенних сельскохозяйственных кампаний, мы вынуждены сделать вывод о совершенной неудовлетворительности этой отрасли работы.

По Свердловской области из общего количества следственных дел возвращено на доследование 11,8%, по Харьковской области этот процент достигает 16,2. Средняя цифра возвращенных на доследование дел по РСФСР составляет 37,8%. Если при этом еще принять во внимание, что помимо отсева следственных дел органами прокуратуры большое количество возвращается судами и оканчивается оправдательными приговорами, то процент «брака» в следственной работе еще достаточно высок. Прокурор Харьковской области, например, подсчитал, что этот процент составляет почти половину всех дел. К сожалению, не все прокуроры подвергают цифровому анализу работу следственного аппарата, а ограничиваются либо ничем не подкрепляемой констатацией об улучшении следственной работы, либо довольно меланхолично заключают, что перелома в этой области еще нет.

Вторым моментом, определяющим качество предварительного следствия, является соотношение дел, расследованных самими следователями и органами дознания. По данным 13 краев, 3 автономных областей и 4 АССР по РСФСР видно, что из общего количества оконченных за август 1935 г. дел, связанных с хлебосдачей и уборочной кампанией, в производстве самих следователей было только 21,7% дел. Остальное количество расследовалось милицией и другими органами дознания. А ведь среди дел, прошедших в осеннюю кампанию, имеется очень много сложных.

Нет сомнения, что проводившийся во многих краях и областях конкурс на лучшего следователя, на лучшее качество предварительного следствия сыграл большую положительную роль. Задача должна заключаться в том, чтобы закрепить имеющиеся успехи и добиться такого положения, при котором дела, связанные с подготовкой и проведением весеннего сева, как впрочем и все другие дела, отличались бы высоким качеством предварительного следствия. Для этого необходимо резко усилить руководство прокуроров органами расследования.

Последнее, на чем мы считаем нужным остановиться, это на судебной работе органов прокуратуры.

Отчетные доклады прокуроров об итогах работы в период уборочной и хлебозаготовительной кампании 1935 г. рисуют печальную картину состояния судебной деятельности и судебного надзора прокуратуры.

По материалам 13 краев и областей РСФСР прокуроры выступали в судах за август 1935 г. всего по 91 делу. В Саратовском крае ни прокуроры, ни следователи не участвовали в судебных заседаниях первой инстанции.

По тем же 13 краям и областям РСФСР в порядке надзора было рассмотрено всего 35 дел, причем прокуратуры таких областей, как Западная, Ивановская, Курская, Омская и Свердловская за тот же месяц не рассмотрели в порядке надзора ни одного дела.

Есть, правда, и исключения. Харьковская областная прокуратура за первую половину кампании проверила в порядке надзора 14 дел, с протестами райпрокуроров—11 дел, дала заключений в кассинстанцию по 51 делу, что составляет 100% дел, прошедших за это время через кассинстанцию. Кроме того прокуратура проверила 72 дела в порядке дачи санкции для предания суду. Таким образом Харьковская прокуратура охватила своим судебным надзором более 50% дел, прошедших за время кампании. Безусловно, положительным показателем нужно считать то, что все дела, проверенные прокуратурой в порядке надзора, были затребованы по инициативе облпрокуратуры, и ни одно из них по жалобам обвиняемых; последних вовсе не поступало.

Однако такой постановкой судебного надзора, как в Харьковской облпрокуратуре, могут похвастать немногие. Основной же вывод сводится к неудовлетворительности судебного надзора прокуратуры.

Между тем результаты кассационного рассмотрения дел, в частности, связанных с уборочной и хлебозаготовительной кампанией прошлого года, указывают на значительные недостатки работы судов первой инстанции и подчеркивают всю ответственность прокуроров за эти недостатки.

Из рассмотренных кассинстанцией Западносибирского краевого суда дел утверждено приговоров только 51,8%, изменено 21,1%, отменено и направлено на новое рассмотрение 8,6% и прекращено 2,5%.

По Северному краю кассинстанция отменила 50% приговоров по делам о зерноставках.

Из приведенных данных органы прокуратуры должны сделать все необходимые выводы. Мы должны предъявить категорическое требование к прокурорам об усилении их участия в судебных заседаниях первой инстанции. Одновременно должна быть организована систематическая проверка судебных дел в порядке надзора; прокуроры должны своими протестами и заключениями в кассинстанциях исправлять ошибки, которые могут быть допущены судами. Уместно будет напомнить многократные указания Прокуратуры Союза, что за качество судебной работы наряду с судьями несут ответственность и прокуроры.

Четко осознав и усвоив задачи и новые требования, предъявляемые к нам партией и правительством, органы прокуратуры сумеют организовать свою работу так, чтобы своей активной помощью в период подготовки и проведения весеннего сева обеспечить выполнение основной задачи, поставленной перед социалистическим земледелием товарищем Сталиным, вождем и другом трудящихся масс.

С. ГОЛУНСКИЙ

О возбуждении уголовного преследования

Вопрос о порядке возбуждения уголовного преследования в нашем уголовном процессе имеет, как известно, свою историю.

Действующий УПК РСФСР так же, как и кодексы других союзных республик, в главе о возбуждении производства по уголовному делу не предусматривает обязательного оформления этого акта особым постановлением. Требование о вынесении такого постановления содержится только в ст. 110 УПК РСФСР, находящейся в главе об общих условиях производства предварительного следствия, и относится, таким образом, только к следователю. Это объясняется, повидимому, тем, что, сохранив выработанное в буржуазном процессе деление предварительного расследования на дознание и предварительное следствие, УПК РСФСР сохранил и ряд вытекающих из такого деления процессуальных ограничений для дознания (ст. 101 УПК РСФСР).

Эти ограничения были вполне понятны в буржуазном процессе, где делалась попытка провести глубокое принципиальное различие между деятельностью следователя — органа судебного, будто бы независимого от государства, и деятельностью органов дознания, т. е.,

главным образом, полиции — органа несудебного, целиком зависимого от правительства. Это противопоставление, вызываемое исключительно стремлением замаскировать классовый характер деятельности судебных органов, понятно, теряло всякую почву в советском процессе, где и следственный аппарат и органы дознания рассматриваются как совершенно равноправные органы пролетарской диктатуры, выполняющие одни и те же задачи и различающиеся между собой лишь уровнем квалификации и некоторыми специфическими особенностями в методах работы. Поэтому для установления каких-либо процессуальных различий между этими органами расследования вряд ли есть какие-нибудь основания, и проект УПК Союза ССР от всякого разграничения предварительного расследования на дознание и предварительное следствие отказывается, сохраняя лишь правила о распределении дел между следователями и милицией.

По тому же пути пошли и практика и фактически органы дознания в тех случаях, когда они расследовали дело от начала до конца, руководствовались всеми правилами, установленными для производства предварительного следствия. В период 1924—1928 гг. вынесение постановлений о возбуждении уголовного дела довольно прочно вошло в практику многих органов дознания.

Однако в «упрощенческий» период нашего уголовного процесса оформление момента возбуждения уголовного преследования было отменено не только для органов дознания, но и для следователей. Известный циркуляр НКЮ № 93 1929 г. «Об упрощении уголовного процесса» отменил обязательное вынесение такого рода постановлений. «Возбуждение уголовного преследования, — говорилось в этом циркуляре, — и принятие дела к производству должно оформляться в виде резолюции милиционера или следователя, или прокурора на поступившей жалобе, заявлении или переписке: «возбудить уголовное преследование по такой-то статье УК», конечно, когда есть для этого основание.

В результате этой директивы, на практике на акт возбуждения уголовного преследования вообще перестали смотреть как на процессуальный акт, имеющий какое-либо существенное значение. Стиралась всякая грань между тем, что принято называть «доследственной проверкой» и формальным расследованием. Всякие расследовательские и проверочные действия стали рассматривать как расследование, и поэтому выработался и своеобразный подход к разрешению вопроса о том, следует или не следует возбуждать уголовное дело: раз возникают сомнения, нужно или не нужно возбуждать дело, значит нужно его возбудить, а там видно будет, — таково было решение этого вопроса, обычно применявшееся в период 1929—1933 гг. Последствия такой практики в достаточной степени известны. Несовместимость ее с принципами, установленными инструкцией 8/V 1933 г., была очевидна.

Уже 25 августа 1933 г. коллегия НКЮ включила в свое постановление об итогах I всероссийской конференции следователей следующий пункт:

«Запретить райпрокурорам передавать следователям для расследования материалы, в которых нет указаний на конкретные факты преступлений; в случаях неясности по имеющимся материалам вопроса о наличии или отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела **обязанность первичной проверки и пополнения этого материала лежит непосредственно на прокуроре, следователю же может передаваться материал, лишь содержащий определенные указания на конкретные факты преступлений»** (подчеркнуто мною — С. Г.).

Хотя это постановление и не требовало еще особого процессуального оформления момента возбуждения уголовного преследования, но оно уже отграничивало доследственную проверку, производимую прокурором, от формального расследования, производимого, по общему правилу, следователем.

Это уже был значительный шаг в сторону упорядочения возбуждения уголовных дел, но все еще недостаточный. Второй решительный шаг был сделан I всесоюзн. совещанием работников юстиции 1934 г., которое постановило.

«В целях устранения необоснованного возбуждения уголовных дел и усиления контроля за этим установить, что возбуждение дел и начало расследования могут иметь место только по мотивированному постановлению соответствующего следственного органа, утверждаемому прокурором».

Еще более отчетливо это требование было выражено в директиве Прокуратуры Союза ССР, изданной в развитие решений I всесоюзного совещания по вопросам уголовного процесса:

«В работе органов расследования установился недостаточно ответственный подход к вопросу о возбуждении уголовного дела. По любому сообщению учреждений и жалобе частных лиц начинается уголовное дело, и граждане нередко привлекаются к уголовной ответственности по весьма шатким основаниям. Такой подход вызывает бесполезную трату времени и государственных средств, отрывает от работы граждан и создает для них ненужные стеснения, часто загромождает суд делами, не имеющими никакого значения, что в итоге только дискредитирует работу суда.

Для устранения подобных явлений предлагаю впредь до изменения в законодательном порядке установить, как правило, что **возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место лишь по мотивированному постановлению соответствующего следственного органа, утвержденному прокурором»** (подчеркнуто мною — С. Г).

Насколько эти мероприятия были своевременны, насколько вопрос о возбуждении уголовного преследования и в настоящее время является актуальным для нашего уголовного процесса, можно судить потому, что целый ряд краевых (областных) прокуратур (Московская, Калининская, Курская, Саратовская, Северокавказская, Западная и др.) сочли нужным в 1935 г. издать специальные методические письма по этому вопросу.

Во всех этих методических письмах выдвигается на первый план то одна, то другая сторона вопроса, и уже это разнообразие подходов доказывает, что многие из наших низовых работников не всегда уясняют себе все многостороннее значение цитированных выше директив.

Можно считать, что основные соображения, положенные в основу указанного решения I всесоюзного совещания работников юстиции, — необходимость бережного отношения к людям, недопустимость неосновательного дерганья их по ничтожным поводам, вред от загрузки следственного и судебного аппарата делами, не требующими применения уголовного наказания, — в достаточной степени усвоены большинством практических работников советской юстиции. Однако далеко не всеми. Из практики 1935 г. еще можно привести примеры крайне легкомысленного отношения к применению столь острого оружия как уголовная репрессия. Например, нарследователь Товарковского района Московской области т. Кочетов в период весеннего сева этого года выехал в один из колхозов и получил там сведения, что у одного из бригадиров недостача на 400 руб. Не долго думая, т. Кочетов возбуждает уголовное дело; попутно выясняется, что недостачи есть и в других бригадах, и в результате привлекаются в качестве обвиняемых по ст. 116 УК три бригадира и по ст. 111 УК— председатель колхоза. А потом оказалось, что эта недостача слагалась из нехватки лопат, веревок, ведер и тому подобного мелкого инвентаря, что в течение всего периода существования колхоза испортившийся и износившийся инвентарь этого рода ни разу не списывался, что за беспорядок в учете колхозного имущества бывшее руководство колхоза уже снято с работы. Дело было, конечно, прекращено, но четыре передовых бойца на нашем сельскохозяйственном фронте, четыре низовых командира нашей колхозной армии в самый ответственный период борьбы за урожай были в значительной степени оторваны от работы, работоспособность их была значительно понижена.

Но если эта сторона вопроса не ясна только для сравнительно незначительного круга работников, то нельзя сказать того же о других сторонах того же вопроса. Например, далеко не всем ясно, что только с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела органы юстиции получают все те права, которыми вооружает их УПК. Эти права очень широки не только по отношению к обвиняемому, но и к любому гражданину. Прокурор и следователь могут изъять у любого лица или организации любое имущество в порядке выемки, могут насильно войти в квартиру любого гражданина для производства обыска, могут подвергнуть любое лицо освидетельствованию, доставить его к себе приводом и т. д. Было бы несовместимо с началами строгой революционной законности, если бы органы юстиции использовали эти права по своему произволу. Показалось прокурору, что гр. X заразил гр-ку У венерической болезнью—подвергай их обоих освидетельствованию. Показалось, что гр. Z пронес к себе домой подозрительный кулек—делай у него обыск и т. д. Использование органами юстиции всех этих прав, затрагивающих охраняемые законом интересы отдельных граждан, допустимо лишь постольку, поскольку соответственные действия необходимы для расследования определенного уголовного дела. Поэтому в интересах охраны революционной законности крайне важно, чтобы в определенном документе с изложением веских мотивов, за подписью компетентного лица, принимающего на себя всю ответственность за это решение, было ясно и четко зафиксировано наличие определенных данных о совершении кем-либо конкретного преступления и констатирована необходимость в связи с этим пустить в ход весь арсенал орудий, указанных в УПК.

В этом и заключается юридическое различие между доследственной проверкой и формальным расследованием: во время доследственной проверки можно вести опрос любого лица, но нельзя доставить его приводом или привлечь к ответственности за отказ от дачи показаний, можно собирать необходимые документы, но нельзя сделать принудительной выемки или обыска, можно осматривать те или иные объекты, но нельзя подвергнуть кого-либо принудительному освидетельствованию и т. д. Права на совершение всех этих принудительных действий органы расследования получают лишь с момента вынесения ими постановления о возбуждении уголовного преследования и лишь постольку, поскольку это необходимо для расследования данного конкретного дела.

Это требование — отнюдь не отрыжка буржуазного формализма. Это — совершенно необходимый вывод из основного принципа, что каждый советский гражданин имеет охраняемые законом права, нарушение которых допустимо лишь в тех случаях, когда этого требуют интересы пролетарского государства.

Наконец, требование об обязательном вынесении специального мотивированного постановления о возбуждении уголовного преследования имеет еще очень важное значение для обеспечения правильной политической оценки дела и тактической правильности расследования.

Когда мы говорим о классовом подходе к производству предварительного расследования, мы имеем в виду прежде всего то, что весь ход расследования должен определяться политическим значением данного дела. Совершенно ясно, что если, например, дело об убийстве расследовать в направлении выяснения наличия в данном случае террористического акта, то весь ход расследования будет иной, чем если то же самое убийство рассматривать как убийство из ревности: иной будет круг допрошенных свидетелей, характер вопросов, задаваемых этим свидетелям, будет другой и т. д.

В большинстве случаев, когда дела большого политического значения смазывались органами расследования, это было вызвано тем, что с самого начала было неправильно оценено политическое значение данного дела и первоначальное расследование пошло по неверному пути. Так было по делу об убийстве Григория Быкова, по делу об убийстве двух пионерок в Ташлинской МТС и т. д. Обязанность привести в постановлении о возбуждении уголовного преследования мотивы, охватывающие и политическую оценку данного дела, указать статью Уголовного кодекса, по признакам которой будет производиться расследование, конечно, не устраняет возможности ошибок такого рода, но значительно уменьшает их вероятность.

С другой стороны, по очень большой категории дел крайне важно с самого начала точно определить объем расследования, четко наме-

тить объекты, которые надо будет расследовать. В ревизионных актах и других первичных материалах, по которым обычно начинается расследование дел о должностных и хозяйственных преступлениях, всегда указывается помимо фактов, являющихся уголовными преступлениями и подлежащими расследованию, очень много фактов, имеющих, может быть, очень важное хозяйственное значение, существенных с точки зрения ведомственной ревизии, но не подлежащих расследованию в уголовном порядке. Неумение отделить друг от друга эти две категории фактов, стремление расследовать подряд все, о чем упоминается в первичном материале, ведет к недопустимой затяжке расследования, к нагромождению множества ненужных материалов, к бесполезному разбуханию и усложнению дела.

Следователь блуждает среди множества самых разнообразных фактов, как в глухом лесу, иногда совершенно сбивается с дороги и теряет всякую руководящую нить.

Например, к нарследователю Октябрьского района Северного края т. Афанасьевой поступил акт обследования производственной и финансовой деятельности пивного завода. Не наметив точно объема расследования, т. Афанасьева стала вызывать свидетелей и допрашивать их вообще по всему акту обследования. В результате показания одного из свидетелей, написанные им самим, заняли почти 20 листов. Ясно, что при такой системе никогда нельзя ни соблюсти необходимых темпов расследования, ни достигнуть необходимой четкости расследования.

Постановление о возбуждении уголовного преследования должно быть так составлено, чтобы уже этим постановлением четко определялся объем расследования, по пунктам указывались те факты, которые подлежат расследованию. Это, конечно, не значит, что этот перечень объектов расследования не может впоследствии измениться, если по ходу следствия это потребуется, но наличие с самого начала подобного перечня объектов расследования, несомненно, предохраняет расследование от расплывчатости, дает ему ясную целеустремленность.

Исходя из всех этих соображений о значении этого акта, нужно решать и вопрос, который на практике все еще вызывает споры: кто, следователь или прокурор, должен выносить постановление о возбуждении уголовного преследования, если первичный материал поступает к прокурору и от него передается к следователю.

Прямого ответа на этот вопрос в действующих директивах не содержится, и некоторые работники склонны решать его так же, как он решался в буржуазном процессе: прокурор дает следователю предложение о производстве следствия, а следователь выносит постановление о возбуждении уголовного преследования.

Мне думается, что в нашем процессе такое решение этого вопроса неправильно. В классическом континентальном буржуазном процессе следователь был представителем судебной власти, а прокурор — нет, следователь от прокурора не зависел. Понятно, что при этих условиях прокурор ни постановления о возбуждении уголовного преследования, ни вообще каких бы то ни было постановлений выносить не мог. У нас же следователь — работник прокуратуры; прокурор не наблюдает за следствием, а руководит им, поэтому он не может уклониться от ответственности ни за решение вопроса о самом возбуждении уголовного дела, ни за правильность оценки политического значения дела, ни за определение объема расследования. Именно прокурор является по преимуществу органом, возбуждающим уголовное преследование, поэтому он и должен оформлять этот акт, принимая на себя в полном объеме всю связанную с этим ответственность.

Тот же вывод неизбежно вытекает и из цитированного выше постановления коллегии НКЮ 25/VIII 1933 г. Раз обязанность производить доследственную проверку лежит на прокуроре, именно он должен составить и подписать акт, в котором отражаются итоги этой проверки.

При таком решении этого вопроса обеспечивается с самого начала и конкретное руководство расследованием со стороны прокурора, так как постановление о возбуждении уголовного преследования есть в то же время директива о том, в каком объеме и в каком направлении вести расследование.

Другое дело, когда первичный материал попадает к следователю или в милицию помимо прокурора. Тогда естественно сам орган расследования выносит постановление о возбуждении уголовного преследования, а прокурор лишь санкционирует это постановление.

Практика показывает, что там, где прокуроры усвоили такой порядок возбуждения уголовного преследования, они достигают очень хороших результатов.

Например, прокурор Павлово-Посадского района Московской области т. Кудряшев уже более года завел у себя такой порядок, что ни один материал не передается им следователю для расследования без предварительной тщательной доследственной проверки. Доследственную проверку т. Кудряшев производит или сам лично, или, большею частью, при помощи организованной общественности (соцсовместители, группы содействия прокуратуре). Однако все материалы доследственной проверки т. Кудряшев всегда сам тщательно изучает и в случае необходимости возбуждения уголовного дела сам же составляет соответствующее мотивированное постановление. В результате у следователя Павлово-Посадского района Лаврикова за II квартал 1935 г. было только одно прекращенное дело.

Вот пример вынесенного т. Кудряшевым постановления, которое не только дает полную возможность проверить обоснованность возбуждения уголовного преследования, но и указывает следователю, что именно ему надо расследовать:

«... Прокурор Павлово-Посадского района Кудряшев, произведя проверку материалов, присланных от прокурора области за № 089 — 42/6 о выпуске пуговичной фабрикой райпромкомбината низкокачественной продукции, установил следующее:

1. Пуговичная фабрика райпромкомбината 31/XII 1934 г. по накладной № 33921 направила в Ростов на Дону партию выпущенных ею пуговиц по счету № 31346, всего на сумму 19 325 р. 40 к. Упаковка этой партии пуговиц

производилась агентом гр. Выставкиным, а рассортировка и разбраковка пуговиц по соответствующим сортам, по их качеству, производилась гр. Кабановой. Как Выставкин, так и Кабанова произвели небрежно упаковку пуговиц, упаковали их в один слой бумагой, сложили в один ящик все сорта вместе, вследствие чего в дороге от сотрясения бумага прорывалась, пуговицы смешивались вместе. Помимо того, эти же лица упаковали вместе и направили третий сорт пуговиц, который имеет значительные дефекты, отражающиеся на внешнем виде пуговиц, а именно имеет такие недостатки, как например: а) темные пятна, б) околотость с обратной стороны.

2. 3-я фабрика СКПТ, находящаяся в г. Ростове на Дону, получив партию товара от пуговичной фабрики райпромкомбината и установив, что пуговицы в значительной своей части по качеству непригодны, составила комиссию с участием представителя городского бюро экспертизы, которая актом своим № 28 29/II дала следующее заключение: на первый сорт сделать скидку на 10%, на второй сорт — 15%, а брак в количестве 972 шт. пуговиц, с явно выраженными дефектами, отправить обратно на пуговичную фабрику, которая должна эти пуговицы принять обратно и понести соответствующий материальный ущерб.

3. В действиях сортировщицы Кабановой и агента Выставкина, проявивших преступно-небрежное, халатное отношение к выполнению служебных обязанностей, имеются налицо признаки преступления, предусмотренного ст. 111 УК, вследствие чего, руководствуясь ст. 96 УПК, — постановил:

1) Возбудить уголовное преследование против гр. Кабановой и гр. Выставкина по признакам ст. 111 УК.

2) Дело передать для производства предварительного следствия нарследователю».

Для сравнения приводим послание к милиции другого прокурора, не считавшего нужным ни проверять обоснованность возбуждения уголовного преследования, ни руководить ходом уже начатого расследования (прокурор Емецкого р-на Северного края т. Петрашев):

«Ознакомившись с делом, представленным вами для предания суду Холобова, нахожу:

а) Несерьезное отношение со стороны вас к людям как можно назвать издевательское.

б) По делу применены все ваши способности «крючкотворительства», т. е. искусственно создано вами дело и предан суду старик не 63 лет, как вы указываете в протоколе, а 71 года, хромой.

Как вы, настаиваете на предании суду или нет?

в) Из просмотренного дела видно, что дело возбуждено без санкции на то прокурора, хотя по всем делам этой категории утверждение прокурора отсутствует. Как вы смотрите на это?

Направляю дело и прошу ознакомиться:

Есть ли здесь необходимость судить или дополните чем-либо другим, что послужило бы основанием для предания суду...».

Нет надобности пояснять всей недопустимости подобного подхода прокурора к надзору за милицией.

Только при правильном и осторожном подходе к возбуждению уголовного преследования мы сумеем избегнуть тех недостатков нашей работы, о которых говорил т. Вышинский, говоря об уроках, которые органы юстиции должны извлечь из речи товарища Сталина 4/V 1935 года на выпуске академиков Красной армии:

«... непродуманность, необоснованность, в значительном числе случаев и безответственность; отсутствие чувства политической ответственности за то, что ты, как следователь или как прокурор, принимаешь решение о привлечении к уголовной ответственности; наконец, все еще не изгнанная из нашей практики массовость привлечения к уголовной ответственности» («За соц. законность» № 6 за 1935 г.).

С. МИТРИЧЕВ

Экспертиза документов

Одна характерная особенность преступлений против социалистической собственности часто упускается из виду нашими следственными и прокурорскими работниками — это то, что основная масса этих преступлений совершается путем подлогов, мошенничества, всякого обмана, т. е. таким способом, когда для успешного раскрытия преступлений требуется применение научно-технических средств для исследования вещественных доказательств и документов.

Раскрыть многие из этих преступлений путем одних только свидетельских показаний, обычных приемов наших следователей не представляется возможным. Научно-техническая экспертиза, выполненная в лабораторной обстановке, на основе современных научных данных, квалифицированными работниками, — вот те необходимые условия, которые могут привести к более быстрому, более полному раскрытию преступлений. Для примера приведу рядовое дело, но характерное во многих отношениях. К народному следователю Великолуцкого района поступило дело о недостаче облигаций на 1 810 руб. в Золотковском сельском совете, где счетоводом работал некто Ф. Все облигации хранились в В.-Луцкой райсберкассе, откуда счетовод Ф. по мере надобности получал их по доверенности, выданной сельским советом на имя Ф. На одном из кассовых ордеров Ф. отказался признать свою подпись в получении облигаций на 1000 руб., заявив, что

она поддельная. Следователь направил дело для экспертизы в лабораторию научно-судебной экспертизы Института уголовной политики. Перед экспертом был поставлен вопрос, кем выполнена подпись Ф. на оборота кассового ордера в получении облигаций на 1000 руб. Эксперт дал заключение, что подпись Ф. на обороте кассового ордера выполнена путем срисования с подлинной подписи Ф. Таким образом поддельный характер подписи был установлен с несомненностью. Но кем была произведена подделка — сказать было нельзя, ибо можно скопировать подлинную подпись, не оставляя индивидуальных признаков своего почерка. Роль лаборатории формально была выполнена и можно было возвратить дело следователю. Но лаборатория так не поступила. Изучая представленные документы, мы обратили внимание на одну доверенность, выданную Золотковским сельсоветом на имя Ф. На этой доверенности в левой ее части имелся неполный оттиск печати сельсовета. В месте расположения этого оттиска написана дата 29/VI 1934 г. Дата эта выполнена почерком бухгалтера сектора займов райсберкассы Крекшинской. Левая сторона бумаги, на которой написан текст доверенности, имела следы обреза. Это обстоятельство и то, что оттиск печати сельсовета имелся неполный, привело к заключению, что первоначально эта доверенность, как и прочие доверенности, имеющиеся в деле, с левой стороны от текста имела штамп сельсовета, на котором была написана и дата. Кусочек бумаги со штампом был отрезан от доверенности, а внизу поставлена новая дата «29/VI 1934». По этой сфабрикованной доверенности и получено было на 1000 р. облигаций.

Указание на это обстоятельство дало по существу в руки следователя ключ к раскрытию преступления. Сам следователь на эту доверенность как на важнейшую улику не обратил внимания.

Такова может быть помощь следователю со стороны хорошо поставленной экспертизы даже и по таким вопросам, которые первоначально и не возникают у следователя.

В связи с этим нужно отметить одно обстоятельство, которое свидетельствует о большой технической неграмотности некоторых наших прокурорских и следственных работников. Элементарным требованием является, что документы как вещественные доказательства не должны подвергаться повреждениям путем каких бы то ни было надписей, перегибов, разрывов и т. п. Но в практике мы до сего времени имеем еще такие случаи, как отправление райпрокурором Малобекского района Северокавказского края т. Карсановым материала в лабораторию для экспертизы с надписью на каждом документе: «подозревается, что квитанция поддельная».

При обращении с документами, подлежащими экспертизе, нужно соблюдать следующие правила: документы, которые изъяты у подозреваемого при обыске или найдены на месте совершения преступления, или просто приложены к делу как вещественные доказательства, должны быть сложены в большой конверт. Никогда не следует складывать документ, так как новые складки составляют дополнительные трудности в производстве экспертизы.

Если документ разорван на отдельные части, то его нужно бережно сложить и поместить между двумя стеклами. При фотографировании такого документа нужно иметь в виду, что обыкновенные стекла не пропускают ультрафиолетовых лучей. При фотографировании этими лучами стекло нужно снимать.

Некоторые следователи практикуют склеивание разорванных документов или наклеивают их на картон. Этого делать ни в коем случае нельзя. Клей, как и стекло, мешает работе с ультрафиолетовыми лучами. А наклеенные на картон документы нельзя осматривать с обеих сторон. При некоторых обстоятельствах это очень важно. Не нужно допускать, чтобы документ трогали пальцами. Если нужно будет впоследствии выявить следы пальцев, то это может ввести в заблуждение эксперта.

Тщательное сохранение документов должно быть законом для прокурорского и судебного работника.

В представлении многих работников суда и прокуратуры экспертиза документов является делом, не требующим большой квалификации, лабораторной обстановки и новейшей техники. Поручают иногда производство экспертизы лицам, не имеющим никакой специальной подготовки, иногда преподавателям русского языка.

Нужно добиться, чтобы экспертизу документов производили только лица, имеющие для этого специальные знания и производили эту экспертизу в лабораторной обстановке.

Одним из самых распространенных видов экспертизы документов у нас является экспертиза почерка. Кем написан документ из числа подозреваемых лиц? Вот тот вопрос, с которым обыкновенно обращаются и прокурорские и судебные органы к эксперту. Но несмотря на то, что этот вид экспертизы является самым распространенным, наши практические работники не знают, на каких научных данных строится эта экспертиза.

Экспертиза почерка основана на совпадении или несовпадении основных признаков почерка и мелких особенностей, индивидуально присущих данному почерку. К основным признакам относятся — степень выработанности почерка, направление и соотношение движений, линия основания письма и верхних окончаний штрихов. К мелким особенностям относятся — напряжение и разгон почерка, способы написания и соединения букв, наклон основных штрихов и ряд других признаков.

Проверено экспериментальным путем, что как бы лицо ни старалось умышленно изменить свой почерк, в его письме все же сохраняются индивидуальные признаки, свойственные данному почерку.

Направляя документы на исследование, необходимо в качестве образцов почерков присылать: письма подозреваемого, написанные до возбуждения уголовного преследования, тетради с записями, заявления и т. п., а также образцы почерка, написанные им под диктовку. Образцы первого порядка нужно находить такие, которые по времени написания относятся приблизительно к тому же периоду, что и исследуемый документ. Диктовку нужно стараться производить в той же приблизительно обстановке, в какой был написан и исследуемый документ, т. е. употребляется такой же

сорт бумаги, такие же чернила и перо и то же содержание. Одну и ту же диктовку нужно написать два-три раза, медленно и быстро. Подозреваемый не должен видеть до диктовки исследуемый подлинный документ

Самый трудный вид экспертизы почерка — это экспертиза подписи. Поэтому для такого рода экспертизы нужно особенно тщательно подобрать материал.

Как правило, при экспертизе подписи исследуют сомнительную подпись и заведомо подлинную. Но в практике могут быть и такие случаи: преступник заполнил лист малозначительным текстом и под благовидным предлогом обратился к потерпевшему с просьбой подписать листок. В момент подписания преступник подложил через копирку второй листок, на котором стоял текст совершенно другого содержания.

Верхний листок с невинным содержанием уничтожается, остается серьезный текст с подписью потерпевшего. Для эксперта уже не с чем сравнивать, чтобы установить, скопирована ли эта подпись с подлинной или нет. При написании текста цветным карандашом и подписи через копирку (одного цвета) разницы по внешнему виду никакой нет. Для такого исследования нужно обязательно прибегнуть к микроскопической экспертизе.

Бывают случаи умышленного изменения собственной подписи. Это наблюдается тогда, когда подписавшееся лицо имеет намерение в дальнейшем отказаться от своей подписи. В таких случаях подписываются каким-либо своеобразным шрифтом, или просто неразборчиво, изменяют общий наклон почерка, добавляют замысловатые росчерки и т. д. По такого рода экспертизам также обращается внимание на индивидуальные признаки для данного почерка, и как ни мало в подписи элементов для исследования, все же писавшее лицо может быть установлено.

Из подобного рода экспертиз в практике был следующий случай: один ответственный работник района заявил, что он получает анонимные письма с угрозой расправы, если он не покинет пределы этого района. К своему заявлению он приложил несколько писем с угрозами по его адресу. По делу было произведено расследование, подозрение пало на некоторых лиц, которые и были привлечены по делу в качестве обвиняемых. Экспертиза почерка подозреваемых лиц дала отрицательный ответ. Эксперт, знакомясь с обстоятельствами дела, обратил внимание на почерк самого потерпевшего (в деле имелось его собственноручное показание). В дальнейшем экспертиза установила, что письма с угрозами он писал сам себе, желая добиться перевода из этого района. Хотя письма были написаны и измененным почерком, все же особенностей почерка ему изменить не удалось.

В заключение нужно отметить, что судебная экспертиза должна быть поставлена так, чтобы акт эксперта был для судьи твердой уликой виновности или невиновности подозреваемого лица. Органы юстиции (за исключением УССР и БССР, где имеются хорошо организованные институты экспертизы) должны, наконец, приступить к организации институтов судебной экспертизы.

Белорусский институт судебной экспертизы обслуживает систему НКЮ БССР. Штатный состав института состоит из старших и младших научных сотрудников, аспирантов и лаборантов. Институт имеет следующие отделы:

1) криминалистический; 2) судебно-фотографический; 3) химический; 4) биологический.

Главная работа Института заключается в производстве экспертиз. Но кроме этой работы Институт проводит большую научно-исследовательскую работу.

Такие институты мы имеем на Украине (Харьков, Одесса, Киев). Практика работы этих институтов показала, как необходимы они для судебных и прокурорских органов. Только РСФСР и другие союзные республики отстали с организацией у себя таких институтов, и эта отсталость сильно бьет по качеству расследования следственных органов этих республик.

Практика показала, что наиболее скрытые формы современной преступности ставят следственные и судебные органы перед необходимостью часто обращаться к научно поставленной экспертизе. Отсутствие в системе органов юстиции таких учреждений ставит практических работников в тяжелое положение.

Редакция просит посылать рукописи четко написанными на одной стороне листа через два интервала, с оставлением с левой стороны полей.

Необходимо указывать полностью точный адрес (домашний и служебный), ближайшее почтовое отделение, фамилию, имя, и отчество.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Любашевский нарсуд Одесской области по ст. 104 УК УССР приговорил к 3 годам лишения свободы разъездного работника Харьковского ж.-д. почтамта Олейника за присвоение ценного пакета с 10 долларами, который, согласно накладной Кривоозерского п. о. должен был отправлен 14/VI 1932 г. и сдан в почтовый вагон на ст. Любашевка 14/VI 1932 г.

Приговор этот был утвержден Одесским облсудом.

Жалоба в порядке надзора в Прокуратуру УССР была оставлена без последствий.

Между тем приговор этот был составлен с такими нарушениями основ уголовного процесса, которые не позволяют оставить его в силе.

Как видно из дела, пропавшие 10 долларов поступили в Кривоозерское п. о. еще в апреле 1932 г. в адрес гр. М. Ройзенберг. По заявлению адресата они должны были быть отправлены в Первомайск в Торгсин.

Однако в течение двух месяцев это не было сделано, и только после наведения Ройзенбергом справок в Торгсине и нового обращения его в п. о. пакет с 10 долларами якобы был отправлен 14/VI 1932 г. и сдан в почтовый вагон поезда № 38.

Из материалов дела видно, что 15/VI старший по бригаде почтового вагона Олейник дал депешу в п. о. в Кривом Озере о том, что по вскрытии в вагоне мешка в нем ценного пакета с 10 долларами не оказалось. Об этом в вагоне же был составлен соответствующий акт, подписанный как Олейником, так и остальными двумя работниками почтового вагона Афанасьевым и Богдановым.

Зав. Кривоозерским п. о. ничего не предпринял для отыскания почтового письма.

Только в ноябре 1933 г. милиция, произведя, по предложению прокурора, расследование по жалобе Ройзенберга об изъятии почтой ценного пакета допросила работников Кривоозерского п. о. Новожицкого, отправлявшего почтовое письмо, и Грозицкого, знавшего об отправке пакета со слов Новожицкого.

В июне 1934 г. после ряда недоразумений с адресами и фамилиями Харьковская гормилиция по предложению Кривоозерской милиции привлекает Олейника и Богданова (Афанасьев «случайно» выпал из дела) за кражу ценного пакета по п. «г» ст. 170 УК.

В Кривоозерской милиции 28/VII 1934 г. составляется «заключение», в котором указывается, что 14/VI 1932 г. зав. Кривоозерским п. о. послал ценный пакет с 10 долларами, но 15/VI получил телеграмму о том, что этот пакет похищен Богдановым И. О. и Олейником И. И., почему дело и направляется нарследователю для предания их суду по ст. 170 — 2 УК.

8/VIII 1934 г. нарследователь составил постановление о предании их суду по п. «е» ст. 170 УК, в котором еще больше перепутал факты: согласно этому постановлению Богданов и Олейник, будучи вагоноважатыми почтового вагона, дважды возили пакет с 10 долларами, который и украли.

При рассмотрении дела в нарсуде Любашевского района обвиняемый Богданов показал, что он лично вскрывал мешок в присутствии Олейника и Афанасьева и ценного пакета с 10 долларами не оказалось, о чем и был составлен акт и дана телеграмма.

Свидетели сотрудники п. о. показали: Грозицкий,—что он сам не видел, как Новожицкий вкладывал ценное письмо в мешок; Новожицкий,—что он вкладывал в присутствии б. пом. зав. п. о. Грушковского; телеграмму о необнаружении ценного письма Олейник будто бы дал уж через трое суток.

При наличии таких данных суд мог либо считать подложным акт, составленный Олейником, Богдановым и Афанасьевым, и тогда единственно логичным выводом могло быть только осуждение всех троих; другим выводом могло быть только решение о правильности акта и в соответствии с этим — надо было оправдать и Олейника и Богданова —и искать виновников похищения ценного письма с 10 долларами в другом месте.

Нарсуд оправдал Богданова, мотивируя это (в противоречие с его же показаниями) тем, что он «только помогал перекидывать, связывать, исполняя физическую работу, и к ценным пакетам не имел отношения». Олейника же признал виновным в присвоении, мотивируя это лишь тем, что он на 8 час. опоздал дать телеграмму, «чтобы укрыть присвоенный им пакет».

Одесский облсуд, оставляя в силе приговор, так невнимательно прочел его, что не заметил сделанной судом переквалификации с п. «е» ст. 170 на ч. 1 ст. 104 УК и снова переквалифицировал на ст. 104.

Прокуратура СССР опротестовала приговор нарсуда и определение облсуда, исходя из установленного материала дела двухмесячного «задержания» 10 долларов в п. о. Кривое Озеро, полного бездействия, проявленного этим же отделением по получении телеграммы об отсутствии в мешке ценного письма с 10 долларами, факта подписания подлинной накладной на ценном письме одним п.-т. работником Новожицким, а не двумя работниками: РОЗП Грушовским и п.-т. работником Новожицким, как это значится на копии, представленной Кривоозерским п. о., отсутствия достаточных оснований для опорочения акта, составленного 15/VI 1932 г. Олейником, Богдановым и Афанасьевым, об отсутствии в мешке ценного письма с 10 долларами, и, следовательно, для признания Олейника виновным в присвоении этого ценного пакета.

Верхсуд УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда и

определение облсуда отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

**
*

Нарсуд 2-го участка г. Иванова приговорил Долгову, Перминова, Акимова, Пылаева и др. по закону 7/VIII к 10 годам лишения свободы. Кассколлегия облсуда приговор оставила в силе с некоторыми изменениями. Президиум облсуда переквалифицировал действия некоторых обвиняемых и снизил им меру наказания.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и последующие определения кассколлегии и президиума облсуда по следующим основаниям:

В этом деле, по которому было осуждено 15 чел., из них 13 чел. по закону 7/VIII к 10 годам лишения свободы, был допущен целый ряд грубейших искажений революционной законности и в частности закона 7/VIII, не выправленных ни кассколлегией, ни президиумом облсуда.

Эти искажения заключаются в следующем:

Осужденной Долговой Анне, 18-летней уборщице хлебопекарни № 1, по обвинительному заключению ставится в вину то, что работая уборщицей, она похитила одну буханку хлеба. В приговоре к этому обвинению суд добавил еще то, что она на работе «ела хлеб без нормы».

За эти преступления Долгова была осуждена по закону 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы. Долговой на суде не было. Судили ее заочно. В протоколе судебного заседания имеется указание, что сведений о вручении повесток неявившимся обвиняемым в деле не имеется. Никаких мер к розыску обвиняемой, если были предположения, что она скрывается, не было предпринято, чем грубейшим образом было нарушено разъяснение Верхсуда РСФСР 3/VI 1932 г.

Несмотря на то, что Долгова была осуждена, как это видно из приговора, за такое преступление, за которое была осуждена и обвиняемая Никитина, т. е. за кражу вместе с Никитиной по одной буханке хлеба, кассколлегия облсуда, заменяя Никитиной 10 лет лишения свободы шестью месяцами и.-т. работ по тем мотивам, что совершена кража «всего лишь одной буханки хлеба», прошла мимо приговора в отношении ее соучастницы Долговой, осужденной к тому же заочно.

Перминов Иван и Курочкин Михаил также украли по одной буханке хлеба. На суде никаких новых обвинений против них не было выдвинуто, кроме того, что на работе они «ели хлеб без нормы». Как и Долгова, Курочкин и Перминов были по закону 7/VIII осуждены к 10 годам лишения свободы со снижением по несовершеннолетию до 5 лет. Кассколлегия и президиум облсуда приговор оставили в силе.

Акимов Алексей и Ерошенков Василий осуждены к 10 годам лишения свободы и конфискации всего имущества за то, что «занимались систематическим хищением хлеба непосредственно из пекарни и мошенничеством с бонами, путем уменьшения в бонах количества отпущенного хлеба, расхищали таковой с воза». Однако, как это видно из того же приговора суда, в подтверждение этих общих предположений о виновности Акимова, установлено только то ,что «Акимов вместе с Ерошенковым похитили с воза две буханки хлеба, и вырученные деньги от похищенного пропьянствовали».

Президиум облсуда, ссылаясь на то, что Ерошенков рабочий, в прошлом крестьянин середняк и что «столь длительный срок его изоляции не является целесообразным», переквалифицировал его действия на п. «д» ст. 162 УК и определил ему лишение свободы на срок в 5 лет. При наличии столь незначительного размера хищений, который установлен судом (две буханки хлеба), никаких оснований у президиума облсуда не было наказывать впервые судящегося рабочего пятью годами л/с .

Пылаев Стелан, 18-летний возчик кирпичного завода. Преступление, совершенное им, заключается в том, что он получил в хлебопекарне 45 буханок, в бонах произвел подлог с 45 на 41 и продал четыре буханки по 10 руб. за буханку. За это он был осужден по закону 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы. Президиум облсуда переквалифицировал его действия на ст. 162 и определил ему 5 лет лишения свободы.

Наконец, с серьезным нарушением правил ведения процесса был вынесен приговор и в отношении Казенкова Василия, кладовщика пекарни № 5, и Кротова Павла, экспедитора хлебопекарни № 5.

Этим обвиняемым ставится в вину то, что они «изготовляли для еды в хлебопекарне из пшеничной муки лепешки и белый хлеб на масле и таким образом израсходовали 120 кг муки». Кроме того у Кротова оказалось излишков 15 кг хлеба и у Казенкова 1 436 кг муки и масла 5 литров. И наконец, что 17/XI 1932 г. в 1 час ночи Кротов вместе с Казенковым и женой последнего пришли в хлебопекарню и унесли с собой три буханки хлеба.

Казенков и Кротов были осуждены по закону 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы, причем судом было допущено грубое нарушение ст. 313 УПК, ибо Кротов и Казенков были преданы суду по ст. 109 УК, и суд не имел права квалифицировать действия подсудимых по закону 7/VIII 1932 г., устанавливающему санкцию вплоть до высшей меры наказания, без приостановления дела и без передачи его на новое рассмотрение.

Ни кассколлегия, ни президиум облсуда не исправили этой грубой ошибки суда.

Уголовно-судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила, учитывая, что преступление Долговой Анны, Перминова Ивана, Курочкина Михаила, выразившееся в хищении по одной буханке хлеба каждым, является малозначительным, приговор Нарсуда 2-го участка г. Иванова от 21/III 1933 г. и определение КК облсуда в отношении их отменить и дело в силу примечания к ст. 6 УК производством прекратить.

Преступление Акимова Алексея квалифицировать по п. «д» ст. 162 УК, ограничиться мерой наказания отбытым сроком лишения свободы, конфискацию имущества из приговора исключить. Меру наказания Ерошенкову Василию в порядке ст. 437 УПК понизить, ограничившись отбытым сроком наказания свободы, и

из-под стражи немедленно Ерошенкова освободить.

Пылаеву Степану в силу ст. 437 УПК снизить меру наказания, ограничившись отбытым сроком лишения свободы и из-под стражи его немедленно освободить. Преступление Козенкова и Кротова квалифицировать по ст. 109 УК и определить меру наказания лишения свободы каждому в размере отбытого срока. Из-под стражи Козенкова и Кротова немедленно освободить.

Кроме того Уголовно-судебная коллегия Верхсуда РСФСР вынесла частное определение, в котором указала нарсуду на допущенные им грубейшие нарушения ст.ст. 313 и 265 УПК. Нарсуд не имел права в силу ст. 265 УПК выносить заочно приговора в отношении Долговой, Перминова, Курочкина, Пудова и Сиполина, коим вменяется в вину преступление по закону 7/VIII 1932 г. По делу установлено, что повестка о явке в суд им не была вручена. Точно так же суд не имел права без предъявления обвинения в силу ст. 313 УПК переходить на более тяжкую квалификацию преступления в отношении Козенкова и Кротова, которые были преданы суду по ст. 109 УК, а осуждены по закону 7/VIII 1932 г.

**
*

Нарсуд 1-го участка г. Фрунзе приговорил Спиридонова В. Н. по ст.ст. 111 и 109 УК к 5 годам лишения свободы, Анапина Ф. А. по ст. 109 и 111 УК к 5 годам лишения свободы, Баточенко по ст.ст. 109 и 111 УК к 5 годам лишения свободы, Липникова П. Б. по ст. 109 УК к 1 году и.-т. работ по месту работы, с удержанием 15% из зарплаты, Боровикова П. Я. по ч. 1 ст. 116 и ст. 109 УК на 1½ года лишения свободы, Гриценко В. В. по ст.ст. 111 и 109 УК на 3 года лишения свободы, Кошелеву Е. Ф. по ст.ст. 109 и 111 УК на 2 года лишения свободы условно, Настенко В. И. (мастера аккумуляторного цеха радиоузла) оправдал. Кроме того нарсуд удовлетворил гражданский иск Киравтодора к осужденным. ГКК главсуда Киргизской АССР приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении всех осужденных как неправильный и подлежащий существенному изменению, а в отношении Кошелевой полной отмене по следующим основаниям:

предварительное следствие по этому делу было проведено в высшей степени неряшливо, с нарушением ст. 206 УПК. Обвинительное заключение было составлено не на основе конкретных доказательств виновности обвиняемых в приписываемых им деяниях, а на предположениях и грубых извращениях материалов дела. Обвиняемым не были вручены копии обвинительного заключения. Обвиняемые допрашивались в присутствии всех членов ревизионной комиссии, с явно выраженной обвинительной тенденцией следствия, чем грубо нарушены ст.ст. 111 и 137 УПК.

Грубые ошибки предварительного следствия не были устранены, и допущенные пробелы не были восполнены в процессе судебного следствия. Наоборот из материалов судебного следствия и приговора видно, что суд усугубил еще допущенные нарушения закона при предварительном расследовании дела и вынес совершенно неправильный приговор, не вытекающий из закона и конкретных фактов, установленных судебным следствием.

В качестве основного доказательства виновности обвиняемых приняты были акты ревизионной комиссии, охватывающие деятельность Киравтодора за 1932—1934 гг. В актах не указано, к кому именно из обвиняемых относится то или иное злоупотребление, нарушение или упущение. Этот недостаток актов ревизии остался невосполненным ни на предварительном, ни на судебном следствии. Между тем отдельные подсудимые работали в Киравтодоре не с 1932 г., а с конца 1933 г. — Аданин, Кошелева с февраля 1933 г. Спиридонов работал с большими перерывами, поэтому обвинение их во всех упущениях на протяжении 1932—1934 гг. является совершенно неправильным.

Кроме того эти акты содержат в себе ряд спорных утверждений, которые Спиридонов и Аданин в своих письменных объяснениях правильно опровергали. Суд не проанализировал надлежащим образом спорные выводы ревкомиссии, а положил их в основу приговора как незыблемые истины.

Описание в приговоре конкретных деяний, установленных судом в отношении каждого из подсудимых, не согласуется с квалификацией судом этих деяний по конкретным статьям УК.

Так, а) Спиридонову поставлены в вину халатность, непринятие мер к ликвидации задолженности разных организаций в сумме 147 775 руб., главным образом, по сбору средств лотерей Автодора, пьянство, а осужден он по ст.ст. 109 и 111 УК, хотя прямых злоупотреблений и корыстных преступных действий Спиридонова суд не установил.

б) Аданин обвинен в том, что учет и отчетность он вел преступно небрежно, проверка документов была неправильна, на службу являлся в нетрезвом виде, применены же к Аданину ст.ст. 109 и 111 УК.

в) Батюченко признан виновным в том, что «он пробрался в теплую компанию к Аданину и Спиридонову и достиг своей цели, ненавидя советско-социалистическую перестройку еще в начале гражданской войны», осужден же Батюченко по ст.ст. 111 и 109 УК.

г) Боровиков признан виновным в присвоении и растрате 1061 руб., полученных на командировку, а осужден он по ч. 1 ст. 116 УК и ст. 109 УК.

д) Кошелева обвинена в халатности и в переполучении по незнанию 350 руб. по авансовому отчету, утвержденному президиумом Автодора по ее командировке, а осуждена она по ст.ст. 109 и 111 УК.

Наряду с указанным несоответствием квалификации деяний подсудимых приведенным в описательной части приговора деяниям, приговор существенно расходится с материалами дела и данными судебного следствия в отношении конкретных следствий и упущений подсудимых.

Так, в действиях обвиняемой Кошелевой никаких злоупотреблений судебное следствие не установило. Преступная халатность в ее работе также по данным дела и материалам судебного следствия, не обнаружена, наоборот, установлена значительная организационная и успешная работа по вовлечению физических и

юридических членов в Автодор. Ряд свидетелей положительно отзывается о работе Кошелевой. Кошелева признала свою вину в том, что «не умела подтянуть хорошенько в работе Спиридонова и Онопенко (б. бухгалтера).

Действия обвиняемого Спиридонова, установленные в процессе судебного следствия, надлежало квалифицировать по ст. 111 УК с применением соответствующей меры наказания. Спиридонов не осуществлял надлежащего руководства работой Киравтодора, не обеспечил реализации лоттерей Автодора, допустил большую задолженность организаций Автодора. Курсанты не получили полного образования, ибо были уменьшены часы обучения. На зарплату израсходовано 27% к общему обороту. Никакого учета работы мастерской Спиридонов не вел. Технические работники рассказывали о пьянстве Спиридонова и Аданина. Он не обеспечил надлежащей финансовой дисциплины, в результате на счете подотчетных лиц осталось к моменту ревизии свыше 7000 руб. Зав. курсами Касицын присвоил 2700 руб. и скрылся. Инструктор Абрамов выписывал деньги из банка, присвоив себе функции распорядителя кредитов. В результате преступной халатности Спиридонова и создалась та картина запущенности финансового хозяйства Киравтодора, о которой говорят материалы ревизионной комиссии. Однако указанные преступления Спиридонова неправильно были квалифицированы по ст. 109 УК.

Главный бухгалтер Аданин не соблюдал финансовой дисциплины, допустил ряд нарушений правил учета и отчетности. Свидетель Фарбер член ревизионной комиссии, работавшей по проверке согласно постановлению СНК Киррспублики, заявил на суде, что вина Аданина в том, что он не оформлял документы. Свидетель Данилов удостоверил на суде, что Аданин неумело вел дела, по актам инвентаризации суммы совпадают, но ценности не сходятся.

Документы за январь—март 1934 г. расконтированы Аданиным с пропуском номеров. Это упущение Аданин признал. В документах нет расписок на получение некоторых материалов, оплаченных кассой.

Суммы расхода незначительны. Вследствие недостаточного учета Аданиным кассы кассир-инкассатор Суслов присвоил 203 р. 82 к.

Аданин не уделял также должного внимания учету и отчетности мастерской Автодора, которой заведывал Батюченко. Но Аданин работал не мало, балансы составил своевременно, а о недочетах в работе Автодора он сигнализировал в президиум Киравтодора, уполномоченному по Средней Азии и в Центральный совет Автодора.

Совершение Аданиным корыстных злоупотреблений по делу не доказано и ст. 109 к Аданину была применена неправильно.

Зав. мастерской Батюченко был осужден по ст.ст. 109 и 111 УК. Мера наказания — 5 лет лишения свободы ничем не обоснована. Мелкие злоупотребления Батюченко, установленные на суде — присвоение 200 руб., указания на пьянку и получение денег от других заказчиков, хотя и подходит под ст. 109 УК, но применение к Батюченко 5 лет лишения свободы ни с чем не сообразуется, от обвинения Батюченко прокурор на суде отказался и просил дело в отношении его направить к доследованию.

Боровиков П. Я., присвоивший 1061 руб. и не представивший отчета «за отсутствием денег», неправильно осужден по ст. 109 УК, а по ч. 1 ст. 116 УК 1½ года лишения свободы — чрезмерно суровая кара. Боровикову 22 года, он судился впервые.

Гриценко за растрату 450 руб. неправильно был осужден на три года лишения свободы по ст.ст. 111 и 109 УК, деяния Гриценко следовало квалифицировать по ч. 1 ст. 116 УК и применить значительно меньшее наказание. В отношении растраты Гриценко денег Киравтодора доказательств нет, так как Гриценко имеет контрпретензии по зарплате и отпускным, которые судом не были проверены, и обвинение Гриценко в растрате 690 руб. Киравтодора не доказано.

Гражданский иск удовлетворен судом совершенно незаконно присуждением несообразных и ни на чем не основанных колоссальных сумм с Аданина, Спиридонова и Батюченко. Эти суммы гражданского иска состоят из нереализованных сборов по распространению билетов лотереи Автодора, числящихся за различными организациями на счете дебиторов, а также из зарплаты, выданной из средств лоттерейных сборов и суммы задолженности подотчетных лиц Киравтодора. Суд совершенно не разобрался в гражданском иске, необоснованно предъявленном к обвиняемым.

Уголовная коллегия РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор в отношении Кошелевой отменить и дело о ней производством прекратить, Спиридонову Василию и Аданину Федору определить по 1 году и.-т. работ по месту новой работы с 20% удержанием из зарплаты с зачетом обоим время, проведенное под стражей. В отношении Боровикова ст. 109 из приговора исключить, считая его осужденным по ч. 1 ст. 116 УК. Батюченко Федору по ст. 109 УК определить 1½ года лишения свободы. Действия Гриценко Владимира переквалифицировать на ч. 1 ст. 116 УК, определив ему меру наказания в 1½ года лишения свободы.

**
*

Нарсуд 1-го участка Темрюковского района в числе других приговорил Степаненко Михаила Ивановича по закону 7/VIII к 10 годам лишения свободы.

УКК Северокавказского крайсуда кассжалобу Степаненко оставила без последствий.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение УКК крайсуда в отношении Степаненко по следующим основаниям:

Степаненко бухгалтеру станпо Варениковской станицы вменялось в вину соучастие в растрате зав. винной лавки станпо Редько 9168 р. 45 к. путем сокрытия от учета документов на поступивший в магазин товар.

Обвинение Степаненко в укрывательстве документов материалами дела не подтверждается. Заведующие магазинами самостоятельно вели товарную отчетность, с последующим представлением в бухгалтерию станпо. При разборе документов, изъятых Редько, Степаненко были обнаружены 5 счетов на полученное вино, неоприходованное по магазину, эти документы

Степаненко были переданы ревизионной комиссии.

Не подтверждено также материалами и обвинение Степаненко в систематической пьянке. Сомнительным является заявление Редько о том, что Степаненко забрал у него в кредит вина и закусок на 2500 руб. (Степаненко не отрицает задолженности в 25 руб.), ввиду того, что из дела видны неоднократные попытки Редько приписывать своим кредиторам больше их действительной задолженности (представителям райсовета ОАХ вместо 82 руб. приписал 382 руб. и др.).

Трата Степаненко 2500 руб. в течение 6 месяцев на вино и закуску в условиях станицы не могла остаться незамеченной для окружающих.

Степаненко работал в этом районе в качестве счетного работника с 1919 г. и имеет положительные отзывы местных организаций о безупречной 14-летней работе в органах кооперации.

Обвинение Степаненко в том, что он, не проверив по документам заявление члена ревкомиссии Швачко о нахождении по сохранной записке 1000 литров вина в пути, что при небольшом обороте магазина должно было вызвать у него сомнение в правдивости этого заявления, подал докладную записку правлению станпо о необходимости командировки человека за этим вином, также неосновательно.

Вопрос о командировке разрешался правлением станпо, следовательно Степаненко не мог предвидеть, что именно Редько поедет за этим вином и скроется из станицы. Тем более, что по предложению правления станпо должен был выехать член ревкомиссии Швачко, и только после отказа последнего и за неимением другого лица был командирован Редько.

При этих условиях у суда не было основания квалифицировать действия Степаненко по закону 7/VIII 1932 г. Вина Степаненко заключается в том, что он, будучи бухгалтером ПО не проверял отчетность зам. магазином Редько, и, кроме того, вопреки запрещению правления отпускать товары в кредит, подписанному им же самим (вторая подпись), брал у Редько товары в кредит.

Уголовно-судебная коллегия Верхсуда РСФСР рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила деяние Степаненко квалифицировать с закона 7/VIII на ст. 109 УК и соответственно с этим определить ему меру соцзащиты в 2½ года лишения свободы, как отбывшего меру наказания Степаненко из-под стражи освободить.

***

Нарсуд 2-го участка Кировского района 14/XII 1934 г. приговорил б. бухгалтера столовой фабрики «Парижская коммуна» Ланге А. И. по ст. 109 УК к 2 годам лишения свободы.

Определением кассколлегии мосгорсуда от 20/XII 1933 г. это наказание было заменено 1 годом и.-т. работ.

Предъявленный к Ланге в уголовном процессе гражданский иск был оставлен судом без рассмотрения ввиду непроверенности размера убытков, приписываемых Ланге. В марте 1934 г. Кирнарпит на основании приговора 14/XII 1934 г. предъявил к Ланге иск о взыскании 5530 руб. в гражданском порядке. Нарсуд удовлетворил требование треста Кирнарпит, на основании 411 ст. ГК понизив размер взыскиваемой суммы до 2500 руб.

Прокуратура Союза опротестовала это решение по следующим основаниям:

несмотря на то, что по уголовному делу Ланге производилась бухгалтерская экспертиза, последняя, установив со стороны Ланге ряд злоупотреблений, не смогла установить размера убытков, причиненных действиями Ланге столовой фабрики.

В п. 2 выводов экспертизы прямо указано, что экспертиза отмечает необходимость производства глубокой ревизии для выявления размеров убытков, явившихся в результате деятельности Ланге. На этом основании гражданский иск в уголовном процессе был оставлен без рассмотрения.

В дальнейшем трест Нарпит, не производя необходимой глубокой ревизии, предъявил к Ланге иск в гражданском порядке, представив в обоснование своих требований акт, составленный директором и представителем общественности столовой, и суд на основании этого документа взыскал требуемые истцом суммы, понизив размер их лишь в порядке ст. 411 ГК до 2500 руб.

Никаких новых доказательств в подтверждение размера убытков, причиненных действиями Ланге в гражданском деле, истцом представлено не было, что акт, составленный представителем столовой, доказательством служить не может, так как он не подкреплен никакими документами и ответчиком оспаривается.

Президиум Мосгорсуда, рассметрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение нарсуда и определение кассколлегии Мосгорсуда по иску треста Нарпит к Ланге отменить и дело передать на новое рассмотрение в нарсуд другого состава.

***

Гр. Бизюков И. И. и Трухачев Я. К. привлечены были к уголовной ответственности за хищения в «Оргкоже».

В стадии производства расследования по этому делу в обеспечение предъявленного к Бизюкову «Оргкожей» гражданского иска судебным исполнителем описано было разное имущество, находящееся в квартире Бизюкова.

После производства указаний описи проживающая в одной квартире с Бизюковым его теща Твердоманская Е. Г. обратилась в нарсуд с заявлением о том, что большая часть описанных вещей принадлежит ей, Твердоманской, а не Бизюкову и просила в порядке ст. 461 рассмотреть ее ходатайство об исключении из описи принадлежащих ей вещей.

Однако ходатайство Твердоманской при разрешении уголовного дела нарсудом рассмотрено не было и Твердоманской предложено было обратиться за разрешением спора в порядке гражданского судопроизводства.

После этого Твердоманская подала новое заявление в тот же нарсуд, в котором она, ссылаясь на ряд свидетелей, просила об исключении из описи принадлежащих ей вещей.

Допросив в судебном заседании 27/III 1935 г. указанных гр. Твердоманской свидетелей, подтвердивших факт принадлежности последней

вещей, нарсуд 6-го участка Ленинского района тем не менее в иске ей об исключении из описи наиболее ценных вещей (пишущая машинка и пр.) отказал на том основании, что «Бизюков в течение 12 лет жил в одной комнате с женой и ее матерью Твердоманской и жалование свое выдавал на содержание своей теще Твердоманской, что дало ей возможность не продавать своих ценных вещей».

На решение это гр. Твердоманской принесена была кассационная жалоба в Московский городской суд, которая не была принята нарсудом, потребовавшим от Твердоманской внесения судебной пошлины как за первоначальное ее исковое заявление, так и за кассацию.

На отказ нарсуда в принятии одновременно кассационной жалобы Твердоманская принесла частную жалобу.

Рассмотрев 15/IV 1935 г. кассационную и частную жалобу Твердоманской, кассколлегия Мосгорсуда определила решение нарсуда оставить в силе и предложить нарсуду вынести дополнительное решение о взыскании с истицы судебных пошлин.

Прокуратура Союза опротестовала решение нарсуда, так и определение кассационной инстанции по следующим основаниям:

согласно ст. 4 постановления СНК РСФСР 3/XI 1934 г. (СУ 1934 г. № 39, ст. 243) взыскание может быть обращено на имущество, которым осужденный владеет совместно с другими лицами лишь при условии, если по суду будет установлено, что общее имущество увеличилось благодаря преступлению.

В своем постановлении от 3/XI 1935 г. президиум Верхсуда РСФСР также разъяснил, «что при рассмотрении дел в суде и удовлетворения гражданского иска суд обязан установить, какое имущество является личным имуществом обвиняемого и какое общее имущество увеличилось во время или благодаря преступлению, и в соответствии с этим конкретно указать, на какие предметы и на какое имущество должно быть обращено взыскание по удовлетворению гражданского иска».

В данном деле установлено на основании документа, подписанного 11 жильцами дома, и на основании показаний допрошенных на суде свидетелей Ляхович, Ждановой и Свенцкого, что из описанного имущества только предметы по описи за № 10, 13, 14, 17, 21, 28 и 33 принадлежат лично Бизюкову и его жене, а все остальное описанное имущество принадлежит Твердоманской с давних пор и оставлено ей мужем, погибшим на войне.

Никаких фактов увеличения имущества Твердоманской во время или благодаря преступлению Бизюкова судом не было установлено, наоборот, допрошенные судом свидетели подтвердили, что за время проживания Бизюкова в квартире Твердоманской последней никакого нового имущества приобретено не было.

Указание суда о том, что Бизюков давал Твердоманской на содержание и тем самым предотвращал продажу ею принадлежащего ей имущества совершенно голословно и не могло служить основанием к отказу в освобождении от описи ее имущества.

Помимо того, нарсудом и кассационной инстанцией при рассмотрении ходатайства Твердоманской от освобождения от описи имущества допущены были нарушения циркуляра Верхсуда РСФСР от 1/VIII 1924 г. № 28 и разъяснений президиума этого же Верхсуда от 15/XII 1924 г. за № 23 и от 28/III 1930 г. за № 8, согласно которым ходатайства третьих лиц об исключении их имущества от описи, произведенной в порядке ст. 121-а УПК, рассматриваются судом в порядке ст. 461 УПК и оплате судебной пошлине не подлежат.

КК Мосгорсуда, рассмотрев одновременно и частную и кассационную жалобу Твердоманской, тем самым в нарушении ст. 81 ГПК поставил ее перед необходимостью взноса судебных пошлин, лишив ее права отказаться от подачи кассационной жалобы.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение нарсуда и определение кассколлегии отменить и направить на новое рассмотрение в тот же суд в порядке ст. 461 УПК.

***

17/XI 1934 г. нарсуд октябрьского района г. Баку приговорил продавца мясной лавки № 17 орса Азнефти Фурмана А. по ст. 143 УК к 2 годам лишения свободы.

Кассколлегия Бакинского горсуда приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда по следующим основаниям:

28/VI 1934 г. сторож Азпищеторга Мирзоев задержал зав. столовой Азводхоза Касымова, который вынес из мясной лавки 32 кг мяса. Задержание Касымова было вызвано предположением Мирзоева о том, что продавец лавки Фурман незаконно, за счет пайщиков, отпустил Касымову такое большое количество мяса.

Из объяснений по этому поводу Фурмана видно, что 27/VI в лавку было завезено 11 тонн мяса, которое в короткий срок не могло быть реализовано среди пайщиков, а так как стояла жаркая погода, то были опасения, что мясо может испортиться. Вследствие этого администрацией орса было сделано распоряжение о продаже части доставленного в лавку мяса по коммерческой цене, причем продажа этого мяса должна была быть начата 28/VI.

По утверждению Фурмана он отпустил 28/VI Касымову 32 кг именно коммерческого мяса. В подтверждение своих объяснений Фурман представил справку зав. мясораспределителем Скалозубова о том, что действительно 28/VI мясо, полученное из Мясосбыта, было переоценено в коммерческое.

Ни на предварительном, ни на судебном следствии объяснения Фурмана по этому вопросу не проверялись, и утверждение суда о том, что Фурман отпустил Касымову пайковое мясо не основано на материалах дела и является голословным.

Без проверки указанных объяснений Фурмана у суда не было достаточных данных для вынесения в отношении его обвинительного приговора. Недоследованность дела не была восполнена и на судебном следствии, так как кроме Фурмана в суде был допрошен лишь один свидетель Мирзоев.

Благодаря этому суд обошел молчанием вопрос об ответственности Касымова и не смог правильно квалифицировать действия Фурмана.

По содержанию приговора действия Фурмана подлежали квалификации по ст. 206 УК, а Ка

сымов должен был быть привлечен к ответственности за пособничество этому преступлению.

Однако суд квалифицировал действия Фурмана по ст. 143 УК, а вопроса об ответственности Касымова вовсе не обсуждал и поступил так потому, что не имел ясной картины инкриминируемого Фурману преступления и не мог ее иметь, поскольку объяснения Фурмана не были проверены.

Президиум Верхсуда АзССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда отменить и дело направить в тот же суд для рассмотрения в ином составе со стадии судебного следствия.

**
*

29/I 1935 г. нарсуд Ногинского района приговорил Голованова А. А. и Павлушкина И. С. по ст. 107 УК к 5 годам лишения свободы каждого.

Кассколлегия облсуда приговор нарсуда утвердила.

2/XI 1934 г. в Москве сотрудниками МУР был задержан гр. Гуткин, у которого при обыске найдено два отреза сукна по 3 метра каждый. По показанию Гуткина это сукно, а также еще 4 отреза по 3 метра каждый он купил по 350 руб. за отрез у некоего Павлушкина. Обыском, произведенным у Павлушкина, было обнаружено 15 отрезов сукна общей мерой 25 метров, 18 остатков и 1800 руб.

Павлушкин объяснил, что он занимался портняжным промыслом и пошитые им вещи продавал на рынке. Оба отреза сукна за 550 руб. он действительно продал Гуткину, причем как это сукно, так и сукно, обнаруженное у него при обыске, оставалось у него еще после смерти его отца. Павлушкин признал также, что Гуткину он продал еще 4 остатка сукна, но денег не получил, а кроме того продал два остатка за 90 руб. неизвестному лицу.

Во время обыска у Павлушкина на квартире был задержан гр. Голованов, у которого было обнаружено 8 доскутов сукна размером меньше метра каждый. Голованов объяснил, что он занимается портняжным промыслом и привез к Павлушкину сукно в лоскутах для того, чтобы Павлушкин скроил ему из них брюки. Это сукно, как показал Голованов, он покупал еще в 1928 г. в ЗРК фабрики имени Склянского.

По этому вопросу был допрошен зав. универмагом ЗРК фабрики имени Склянского Головашкин, который показал, что действительно в 1928 и 1931 гг. такой же лоскут, что был обнаружен у Голованова, продавался в магазине ЗРК по ордерам и кооперативным книжкам.

Прокуратура Союза, считая, что Голованов был осужден по ст. 107 УК неправильно, так как в отношении его не установлено ни одного случая покупки и перепродажи сукна; точно так же не установлено, что обнаруженное у Голованова сукно в лоскутах было приобретено им незаконным путем, опротестовала приговор нарсуда и определение КК облсуда в отношении Голованова.

Президиум Московского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда в отношении Голованова отменить и дело о нем в уголовном порядке за отсутствием достаточно собранных улик производством прекратить.

**
*

Нарсуд 8 района г. Саратова 19/VII 1934 г. приговорил заведующего магазином № 21 Саратовского горта Хованского Н. А. по закону 7/VIII к 10 годам лишения свободы.

Определением кассколлегии Саратовского краевого суда от 28/VII 1934 г. приговор нарсуда был оставлен в силе.

Хованскому инкриминировано было хищение совместно с скрывшимся продавцом магазина Майоровым разных товаров и других ценностей из магазина на 3944 р. 79 к.

Как на предварительном, так и на судебном следствии Хованский утверждал, что обнаруженная в его магазине недостача товаров явилась в результате хищения, совершенного назначенным к нему в магазин, по распоряжению заведующего Саратовским гортом Булатова, продавцом Майоровым. По утверждению Хованского он, замечая хищение Майоровым из магазина разных продуктов, неоднократно заявлял об этом Булатову, требуя или увольнения Майорова или освобождения его от материальной ответственности за магазин. Так как Булатов никаких мер по его заявлениям не принимал, то Хованский вынужден был с согласия Булатова передать 16/V 1934 г. весь товар в подотчет Майорову, взяв с последнего соответствующую расписку, которая была представлена Хованским суду.

Все указанные факты, имеющие существенное значение для установления роли в этом деле Хованского, однако ни следствием, ни судом проверены не были, не был даже допрошен заведующий Саратовским гортом Булатов, которого, если бы утверждение Хованского подтвердилось, надлежало привлечь к ответственности за халатное отношение к службе, выразившееся в оставлении на работе продавца Майорова, несмотря на заявления заведующего магазином о совершаемых им преступлениях.

При таких условиях приговор нарсуда, которым Хованский осужден по закону 7/VIII к 10 годам лишения свободы, не может быть оставлен в силе и Прокуратура Союза опротестовала приговор по этому делу.

Президиум Саратовского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда 8-го района и определение КК крайсуда в отношении Хованского отменить и передать дело о нем в нарсуд 2-го участка Октябрьского района г. Саратова на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

**
*

Нарсуд Куженерского района Марийской автономной области 11—12/VIII 1935 г. приговорил счетовода Куженерского сельпо Домрачева по ст. 109 УК к 3½ годам лишения свободы.

Судебно-кассационная коллегия Марийского областного суда 20/VIII 1935 г. деяние Домрачева переквалифицировала на ст.ст. 17 и 162 п. «г» УК и наказание определила ему 1 год исправ. работ.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение кассационной инстанции в отношении Домрачева по следующим основаниям:

Домрачеву инкриминировано было участие в хищении 840 пачек папирос, ошибочно полученных членом правления сельпо Грязиным из Мароблсоюза потребительских обществ и скрытых последним по уговору с председателем правления сельпо Лоскутовым и продавцом Пироговым у председателя колхоза Жолонкина.

Основанием к привлечению к этому делу в качестве обвиняемого счетовода Домрачева послужили показания, данные при расследовании дела начальником Куженерского РУМ Лоскутовым, Пироговым и Грязиным.

Все эти лица утверждали, что Домрачеву было известно о том, что Грязин получил из Мароблсоюза по ошибке вместо 100 пачек папирос — 940 пачек и что Домрачев принимал участие как в хищении излишка папирос, так и в их реализации. Однако в деталях показания этих лиц расходятся. Так, Пирогов показал, что, обнаружив при приемке у Грязина излишек папирос в 840 пачек, они пригласили Домрачева, который тут же посоветовал им скрыть папиросы, и что Лоскутова в это время в сельпо не было.

Грязин же первоначально утверждал, что предсельпо Лоскутов, продавец Пирогов и счетовод Домрачев по обнаружении излишка папирос сказали ему, что в Мароблсоюз сообщать об этом излишке не следует и если там не хватятся, то папиросы можно продать и выручку поделить, и лишь впоследствии изменил свое показание в соответствии с показаниями Пирогова и Лоскутова.

На судебном следствии обвиняемый Лоскутов от своего показания на предварительном следствии, в том числе и от оговора Домрачева, отказался, ссылаясь на то, что начальник РУМ его допрашивал с угрозами, обвиняемый Пирогов показал, что о папиросах знали только, он, Лоскутов и Грязин, и никаких конкретных фактов участия Домрачева в сокрытии и реализации папирос не указал, обвиняемый Грязин также никаких показаний об участии Домрачева в хищении папирос суду не сделал.

При таких условиях сделанный на предварительном расследовании дела осужденными Лоскутовым, Пироговым и Грязиным оговор Домрачева, который, как это устанавливается из представленных им материалов, занимался рабкоровской деятельностью и разоблачал злоупотребления в Куженерском сельпо, не мог служить при отсутствии в деле каких-либо других против него улик основанием к признанию Домрачева виновным в хищении папирос.

Пленум Марийского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда и определение СКК облсуда отменить и за недоказанностью состава преступления в отношении Домрачева дело производством прекратить.

**
*

Нарсуд 7-го участка Ленинского района г. Москвы 1/I 1935 г. приговорил завхоза Государственного нового театра Павлова Константина Павловича по ст. 109 УК к 6 мес. и.-т. работ по указанию бюро и.-т. работ.

Павлов был осужден за корыстное преступление, заключающееся в том, что он якобы допустил злоупотребление, представив подложные счета на 150 руб. за перевозку театрального имущества, и присвоил эти деньги.

Кассжалоба Павлова определением Мосгорсуда от 16/I 1935 г. была оставлена без последствий.

Жалобы в порядке надзора в Мосгорпрокуратуру и Прокуратуру РСФСР были оставлены также без последствий.

Просмотрев дело в порядке надзора, Прокуратура Союза опротестовала приговор и кассационное определение по следующим основаниям:

приговор нарсуда основан на оговоре агента Введенского. Оговор сделан в заявлении последнего в местный комитет театра и в показании Введенского от 5/XII 1934 г. в милиции. Введенский заявил, что декорации привезены на четырех подводах, а не на шести, как это указал Павлов в представленных им счетах, что возчики получили 300 руб., а не 450 руб. и что Павлов якобы просил Введенского заявить о том, что декорации привезены были на шести подводах.

Заявление Введенского, легшее в основу обвинительного приговора, судом не было проверено, Введенский не только не был допрошен судом для проверки действительности его показания в милиции, но даже не вызывался в суд, что видно из его заявления о снятии штрафа за неявку в суд и определения суда от 15/III 1935 г.

Нарсуд существенно нарушил ст.ст. 319, 320 и 413 УПК. Самый факт преступления, за которое осужден Павлов, именно подложное составление им счетов на 150 руб. и присвоение Павловым этих денег, судом не установлено надлежащими судебными доказательствами, суд даже не ознакомился с подлинными счетами — в деле их нет, суд не проверил, кто расписался в получении денег, не пытался установить действительность подписей возчиков. Суд ограничился в этом отношении досудебной проверкой счетов в самом театре, не имеющей достаточной доказательной силы в уголовном процессе.

Кроме того проверка счетов в месткоме театра не уличила Павлова в подлоге и установила, что почти все адреса возчиков на счетах не совпадают с действительностью. Поэтому непонятно, почему приняты за действительные четыре счета, а два по этому признаку исключены.

Подсудимый Павлов просил вызвать и допросить в качестве свидетелей директора театра Александрова и гл. бухгалтера Епифанова в удостоверение того обстоятельства, что Введенский им говорил, что он привез декорации на шести подводах.

По обстоятельствам дела этот момент является существенным. Между тем суд отклонил ходатайство Павлова. Суд вовсе не выяснил роли в этом деле агента Введенского. Суду надлежало обязательно вызвать и допросить Введенского, допросить указанных Павловым свидетелей и установить конкретными судебными доказательствами совершение Павловым того корыстного преступления, за ко-

торое суд вынес Павлову обвинительный приговор. Суд этого не сделал, поэтому приговор 7/I, как не вытекающий из конкретных доказательств совершения Павловым корыстного преступления, является неправильным.

Павлов К. П. имеет 33-летний производственный стаж, он член профсоюза с 1903 г. 10 лет работал в Государственном художественном театре в должностях зав. хозяйством и администратора, никогда ранее не судился, имеет хорошие отзывы о своей работе как по прежнему месту работы, так и последней должности в Новом театре. Поэтому для обвинительного приговора в подлоге и присвоении 150 руб. суду надлежало исключительно внимательно отнестись к материалам обвинения и тщательно собрать и проверить судебные доказательства.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда и определение кассколлегии отменить и дело производством в уголовном порядке прекратить.

**
*

Нарсуд по труду и производству г. Ярославля 14/VII 1934 г. приговорил Копейкина Василия Михайловича и Демидова Аркадия Петровича по закону 7/VIII 1932 г. на 10 лет лишения свободы каждого.

Кассколлегия облсуда снизила им наказание до 5 лет лишения свободы каждому.

Копейкин и Демидов были осуждены за то, что они по взаимному соглашению продали принадлежащую школьной столовой им. Подвойского пшеничную муку в количестве 400 кг столовой № 2 треста Нарпит в г. Ярославле за 1620 руб.; за эту муку они заплатили по счету горпо 595 р. 50 к. и разницу пытались поделить между собою.

Копейкин состоял в момент совершения преступления зав. столовой школы им. Подвойского в г. Ярославле, Демидов — зав. столовой № 11 детконторы.

При оформлении продажи муки они были задержаны с поличным. Счет на муку был выписан Демидовым и подписан вымышленной фамилией «Амельянова».

Деньги за проданную муку Копейкин и Демидов не получили. Мука была возвращена по принадлежности школьной столовой им. Подвойского.

В совершенном преступлении Копейкин и Демидов сознались на предварительном и судебном следствии.

Нарсуд применил закон 7/VIII и приговорил к 10 годам лишения свободы каждого.

Кассколлегия применила ст. 51 УК по мотивам принадлежности осужденных к трудящимся, несудимости их в прошлом за кражи и отсутствия материального ущерба для государства и снизила меру наказания до 5 лет лишения свободы каждому, оставив прежнюю квалификацию деяния осужденных по закону 7/VIII.

Прокуратура области и Прокуратура РСФСР оставили жалобы осужденных без последствий.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение кассколлегии облсуда как в части квалификации преступлении осужденных, так и меры наказания по следующим основаниям:

обстоятельствами дела по материалам предварительного и судебного следствия установлено, что Копейкин договорился с Демидовым о продаже принадлежащей столовой школы им. Подвойского пшеничной муки, находившейся в его распоряжении в качестве заведующего этой столовой.

Систематического хищения осужденными общественной социалистической собственности по делу не установлено.

У суда были все основания для признания в действиях Копейкина должностного корыстного преступления, предусмотренного ст. 109 УК, а в действиях Демидова — соучастие в этом должностном преступлении Копейкина — ст.ст. 17 и 109 УК, но никаких оснований для применения закона 7/VIII 1932 г. по конкретным материалам дела у суда не было. Поэтому квалификация деяний осужденных по закону 7/VIII должна быть признана неправильной, равно как неправильным является и оставление приговора в силе кассинстанцией, с применением ст. 51 УК.

В отношении упоминаемых в описательной части приговора некоторых излишков и недостачи продуктов, а также в отношении недостачи 120 руб. по кассе столовой следует отметить полную недоследованность этих обстоятельств предварительным и судебным следствием. Копейкин указывает на неправильное снятие остатков продуктов в его отсутствие, и непредставление суду акта на снятые остатки в натуре, что является совершенно правильным требованием для полноты судебного следствия. Акт ревизии оказался неточным, что видно из повторного акта ревизии. Излишки и недостачи окончательно судебным следствием не установлены.

Демидов же заявил суду, что он взял из кассы столовой 120 руб. в счет жалованья и покрыл эту сумму из своей зарплаты. Суд этого обстоятельства также не проверил.

По тяжести содеянного, по последствиям совершенного преступления (отсутствие материального ущерба для государства), по размерам преступной материальной заинтересованности каждого (при успешном завершении преступления они могли получить 1020 руб.), по социальной принадлежности Копейкина и Демидова, мера наказания является безусловно чрезмерной, а преступление квалифицировано по закону 7/VIII 1932 г. без всяких оснований.

Президиум Ивановского облсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил квалифицировать действия Копейкина и Демидова по ст. 109 УК, определив им меру наказания по 3 года лишения свободы.

**
*

Нарсуд г. Вятки приговорил Лобовикову Е. А., инспектора гороно, по ст. 109 УК к 10 годам лишения свободы, а по применении ст. 51 УК—к 5 годам лишения свободы, Изместьева Н. А., председателя артели «Канцспорт», по ст.ст. 17 и 109 УК к 10 годам лишения свободы, Изместьева Ю. А., члена артели «Канцспорт», по ст. 107 УК к 5 годам лишения свободы и Лучинину М. Д. по совокупности ст.ст. 109, 111 и 1 ч. ст. 116 УК к 10 годам лишения свободы.

Приговор этот был кассколлегией крайсуда в отношении всех осужденных, за исключением Лобовиковой, утвержден. В отношении Лобовиковой кассколлегия определила меру наказания считать 10 лет лишения свободы, так как оснований для применения ст. 51 УК не имеется.

Прокуратура Союза опротестовала приговор суда в отношении всех осужденных по следующим основаниям:

суд признал Лобовикову виновной в том, что, будучи инспектором гороно и получая продукты и промтовары для нужд детских учреждений, она злоупотребляла своим служебным положением, часть продуктов и товаров обращала в свою пользу, часть передавала бывшему своему мужу Изместьеву, председателю артели «Канцспорт», а часть реализовала на рынке через сестру Изместьева. Суд установил, что Лобовикова незаконно отпустила Изместьеву 400 кг сахара, спецодежду и обувь, которые были распределены среди членов артели за наличный расчет.

В результате перечисленных злоупотреблений у Лобовиковой оказалась недостача в 11 463 р. 59 к.

Этот вывод суда не соответствует материалам дела.

В деле имеется выписка из счета Лобовиковой, из которой видно, что за Лобовиковой действительно числятся неоправданные авансы в сумме 8862 руб. Однако согласно этой же выписки «выданные Лобовиковой 6759 р. 59 к. подлежат к восстановлению за счет учреждений, содержащихся на местном бюджете».

По обвинительному заключению недостача 8862 руб. Лобовиковой вообще не инкриминировалась, а в судебном заседании представитель гороно заявил, что за Лобовиковой числится всего лишь 2601 руб. Сложив обе суммы, суд определил недостачу за Лобовиковой в размере 11 463 руб.

Кассколлегия крайсуда в нарушение ст. 419 УПК исключила из приговора ст. 51 УК и в результате определила Лобовиковой меру наказания более суровую, нежели та, которая была назначена ей судом.

Изместьева суд признал виновным в пособничестве злоупотреблениям Лобовиковой и приговорил его к 10 годам лишения свободы (Лобовикова была приговорена к 5 годам лишения свободы). Избранная судом мера наказания в отношении Изместьева не соответствует степени участия его в преступлениях, совершенных Лобовиковой.

Материалами дела установлено, что незаконно получаемые от Лобовиковой продукты и товары Изместьев приобретал, главным образом, для нужд артели «Канцспорт», председателем которой он состоял. Из дела не видно, что Изместьев, совершив это преступление, преследовал корыстные цели.

Суд признал Изместьеву Ольгу виновной в том, что она, по поручению Лобовиковой, перепродала на рынке 20 пар чулок, мануфактуру, сахар и т. д. В этом случае квалификация действий Изместьевой по ст. 107 УК являлась неправильной и ее действия следовало квалифицировать по ст.ст. 17 и 109 УК.

Лучинина была предана суду по обвинению в том, что, будучи завхозом гороно, она производила выдачу учебных пособий посторонним лицам, учета имущества на складе не вела и в результате допустила недостачу в размере 1231 р. 93 к.

Гороно были дополнительно представлены в суд материалы о том, что недостача за Лучининой числится в размере 22 892 р. 84 к. Вместо того чтобы передать дело для дополнительного расследования в связи с предъявлением Лучининой более тяжкого обвинения, суд продолжал слушать дело.

Несмотря на то, что само же Гороно указало, что большая часть недостачи у Лучининой образовалась вследствие отсутствия у нее документов на выданные ею товары и, несмотря на то, что в судебном заседании представитель гороно заявил, что он «хотел бы с Лучининой выяснить точную сумму недостачи». суд все же признал Лучинину ответственной за недостачу 22 892 руб.

Президиум Кировского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда и определение КК крайсуда в отношении Лобовиковой, Изместьева и Лучининой отменить и дело передать на новое рассмотрение через крайпрокурора со стадии предварительного следствия. Преступление Изместьевой Ольги квалифицировать по ст.ст. 17—109 УК и меру наказания определить 3 года лишения свободы, но учитывая что Изместьева содержится под стражей около двух лет от дальнейшего отбывания наказания ее освободить.

***

Нарсуд 6-го участка Кировского района г. Москвы приговорил гр. Гингера Григория Семеновича б. педагога II школы Зоно (для детей-психоневротиков) по ч. 2 ст. 110 УК за систематическое грубое, сопряженное с побоями и руганью, обращение с детьми к 2 годам лишения свободы и лишению права навсегда заниматься педагогической работой.

Кассколлегия Мосгорсуда отменила приговор, как не вытекающий из материалов судебного следствия и передала дело в нарсуд для нового рассмотрения с обязательным производством врачебной экспертизы детей-невротиков, свидетелей по данному делу.

В течение 1934 г. нарсуд несколько раз выносил определения о производстве новой экспертизы, но фактически таковая не была произведена, а целесообразность ее оспаривалась экспертом врачом-психиатром.

11/I 1935 г. президиум Мосгорсуда, рассмотрев дело по протесту председателя Мосгорсуда на определение КК горсуда, нашел, что «у кассколлегии не было оснований к отмене приговора, так как материал предварительного и судебного следствия является достаточным для рассмотрения приговора по существу.

На этом основании президиум Мосгорсуда постановил: определение КК Мосгорсуда отменить, предложить КК дело рассмотреть в новом составе с вызовом сторон и свидетелей, необходимых по делу.

5/V 1935 г. КК Мосгорсуда во исполнение этого постановления рассмотрела дело Гингера по существу, допросив обвиняемого Гингера и трех свидетелей, и вынесла определение, коим признала, что «факты грубого обращения б. педагогом Гингером с учениками и избиения их подтверждаются».

На этом основании КК Мосгорсуда оставила приговор нарсуда от 11—15/V 1934 г. в силе.

Прокуратура Союза опротестовала постановление президиума Мосгорсуда от 11/I 1935 г. и определение КК Мосгорсуда от 5/V 1935 г. по следующим основаниям:

постановление президиума внутренне противоречиво: если считать, что материалов в деле достаточно для рассмотрения дела по существу, то не нужно назначать новой проверки путем вызова свидетелей

Самое назначение этой проверки в заседании кассколлегии с произвольным урезанием числа вызываемых свидетелей и устранением экспертизы не предусмотрено законом и представляет извращение установленного советским законом порядка оценки всех доказательств по делу судом первой инстанции с участием народных заседателей.

Рассмотрение дела в заседании КК 5/V свелось к формальной процедуре: КК, не проверив всего материала, сослалась в своем определении на недопрошенных ею свидетелей, которые показывали в нарсуде с чужих слов.

Кроме того КК оставило в силе приговор, явно противоречащий советскому уголовному праву, не знающему бессрочных правоограничений: приговором нарсуда, как указано выше, Гингер лишен права на педагогическую работу навсегда.

По изложенным соображениям и постановление президиума Мосгорсуда от 11/I и определение КК Мосгорсуда от 5/V 1935 г. не могут быть оставлены в силе.

Из материалов дела видно, что события, рассматривавшиеся в суде, имели место в 1932 г. и летом 1933 г., что процесс в значительной мере является результатом длительной склоки между отдельными группами педагогов школы, а также между педагогами и пионервожатыми, из которых Пискарев изобличался в применении мер физического воздействия на детей, что опросы детей производились в ненадлежащей обстановке, что в деле нет прямых доказательств систематических избиений Гингером детей, а доказанным является лишь непригодность его, как педагога.

Учитывая, что таким образом в деле нет достаточных данных для осуждения Гингера по ст. 110 УК, а тем более по второй ее части, что согласно заключению врачебно-психиатрической экспертизы в настоящее время повторные опросы детей не могут дать ценных данных и дальнейшее ведение этого дела представляется явно нецелесообразным, судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда и все последующие определения судебных органов по данному делу отменить и дело в уголовном порядке в отношении Гингера производством прекратить.

**
*

Нарсуд г. Петрозаводска приговорил по ст. 128 п. «в» УК гр. Ракова А. С. за обвешивание потребителей в столовой Онегзавода № 14 к 4 годам лишения свободы и Ханыкова В. П. за повышение цен на продукты — к 3 годам лишения свободы.

УКК Главсуда Карельской АССР переквалифицировала действия Ракова и Ханыкова со ст. 128 п. «в» на ст. 109 УК и заменила лишение свободы Ракову — 1 год и.-т. работ на общих основаниях и Ханыкову — 6 мес. и.-т. работ по месту работы с удержанием 20% зарплаты.

Президиум Главсуда АКССР по протесту прокурора АКССР отменил определение УКК Главсуда, оставив в силе приговор нарсуда, действия Ханыкова переквалифицировал по ст. 109 УК, оставив Ракову и Ханыкову назначенное нарсудом наказание.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда, определение УКК и постановление президиума Главсуда АКССР по следующим основаниям:

материалами дела установлено, что 10/VIII 1934 г. комиссия, обследовавшая столовую № 1 ЗРК Онегзавода, обнаружила из 20 гирь 3 гири неверного веса (легче в сумме на 5,35 г). Порции хлеба и творога оказались меньшего веса, чем предусмотрено по калькуляции. Хлеб вместо 100 г—80,5 г, творог вместо 150 г—133—138,5 г.

Среди разновеса гирь была обнаружена железная болванка весом в 410 г (заменяла гирю в 400 г), которой пользовались для развеса.

С мая по июль 1934 г. столовая получала из своего коопхоза для рабочих вредных цехов молоко, которое продавалось по 1 р. 59 к. (конвенционная цена 73 коп.).

В действиях Ракова, допустившего в столовой отпуск на невыверенных гирях, умысла или личной заинтересованности обстоятельствами дела не устанавливается.

Правление ЗРК Онегзавода заключило договор с Карельской проверочной мастерской, которая должна была осуществлять технический надзор за правильностью весов и гирь.

Раков как зав. столовой проявил халатность, выразившуюся в том, что, полагаясь на существующий договор, не принял мер к своевременной проверке весов и гирь и недостаточно контролировал отпуск порций в буфет столовой. Необходимо также отметить крайнюю незначительность отклонения действительного веса гирь от правильного и то, что заменявшая гирю в 400 г болванка оказалась тяжелее соответствующей гири на 10 г.

Все это указывает на то, что применение неправильных гирь явилось следствием халатности, а не злоупотребления со стороны Ракова.

Обвинение Ханыкова в неправильной калькуляции цен на молоко опровергается материалами дела. Согласно постановлению президиума Центросоюза СССР и РСФСР от 21/IX 1933 г. цена на продукты коопхозов устанавливается по их плановой стоимости и нормального процента накопления (по животноводству 6%). Столовая получала молоко из коопхоза по плановой себестоимости 1 р. 48 к. + 6% накопления—8,8 к., всего 1 р. 57 к. + 2 коп. транспортные расходы—1 р. 59 к. Таким образом превышения цен в данном случае не было.

Что же касается обвинения Ханыкова в неправильной калькуляции цен на яйца, то хотя эта неправильность и имела место, но объяснялась она той исключительной путаницей в правилах калькуляции цен на с.-х. продукты, заготовляемые в порядке децентрализованных заготовок, которая существовала в период до издания закона 25/VII 1934 г.

Ошибки в калькуляции допускались Ханыковым и в сторону понижения цен, что указывает на отсутствие в его действиях элементов умысла или личной заинтересованности.

При этих условиях ст. 109 УК применена неправильно. Необходимо было применить ст. 111 УК.

Уголовно-судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда и определение президиума Главсуда отменить, действия Ракова и Ханыкова квалифицировать по ст. 111 УК, меру наказания определить по 1 году и.-т. работ на общих основаниях с зачетом отбытого срока лишения свободы.

**
*

Нарсуд 2-го участка Краснопресненского района г. Москвы по ст. 109 УК приговорил Шуршакова и Фирсова к 3 годам лишения свободы, Осипова — к 2 годам лишения свободы, удовлетворив гражданский иск об-ва потребителей «Коммунар» с Шуршакова и Фирсова в 2596 руб. и с Осипова — 2140 руб.

УКК Мосгорсуда оставила жалобы осужденных без последствий.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение УКК Мособлсуда по следующим основаниям:

материалами дела установлено, что Фирсов, работая бухгалтером булочной № 17, в июле 1934 г. при оформлении прихода и расхода товаров, вместо заприходования 4000 шт. галет (сдобы) записал 2166 шт., незаприходовал поступивший товар на 705 руб. и не списал отправленную в другие магазины сдобу на 787 р. 50 к. При составлении баланса на 1/VIII 1934 г. эти ошибки были выявлены, и обнаруженная недостача по магазину в 1809 руб была признана завмагом Шуршаковым и замзавмагом Осиповым и ими была выдана расписка о погашении вышеуказанной суммы.

Несвоевременное выявление недостачи в 1809 руб. магазину № 17 объясняется лишь допущенной Фирсовым ошибкой при оформлении документов в бухгалтерии, как видно из накладной № 68501, где вместо полученных 4000 шт. галет Фирсов оприходовал 2160 шт., т. е. принял за количество сумму стоимости этого товара, а также неоприходованием товара на 705 руб. и несписыванием отправленного товара на сумму 787 р. 50 к. Наличие корысти или личной заинтересованности в действиях Фирсова опровергается показаниями бухгалтера хлебного отделения ОП «Коммунар» Ковалевой в судебном заседании о том, что недостача в 1809 руб. была выявлена Фирсовым и указана в балансе за август.

Вывод суда о наличии сговора между обвиняемыми в укрытии недостачи по магазину № 17 неоснователен и материалами дела не подтверждается.

При этих условиях у суда не было основания квалифицировать действия Фирсова по ст. 109 УК.

В действиях Шуршакова и Осипова судом также неустановлено корысти или личной заинтересованности. Из дела видно, что в магазине работало 32 чел. продавцов (в том числе ученики), список на списание повышенной нормы 0,5% скидки (на ученичество) представлен только на 10 чел. в то время, когда количество учеников доходило до 17 чел.

Гражданский иск ОП «Коммунар» недостаточно проверен судом в части правильного применения скидки на ученичество и списание сдобы на крошку.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил переквалифицировать деяния обвиняемых на ст. 111, в соответствии с чем определить меру соцзащиты Осипову и Шуршакову по 1 году и.-т. работ и Фирсову 6 мес. и.-т. работ с зачетом предварительного заключения 1 день за 3 дня срока, ввиду отбытия определенного срока наказания, приговор считать исполненным.

**
*

13/I 1935 г. нарсуд Фрунзенского района г. Москвы признал виновной в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 116 УК Комарову М. Г., зав. палаткой № 42 и приговорил ее к 3 годам лишения свободы.

Суд признал, что Комарова произвела растрату 1238 руб., однако никаких доказательств в подтверждение этого вывода в своем приговоре не привел.

Кассколлегия горсуда оставила указанный приговор в силе снизив меру наказания Комаровой до 1½ лет лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение горсуда по следующим основаниям:

Комарова работала зав. палаткой с 27/IX по 4/X 1934 г., т. е. всего лишь 7 дней. За это время у нее была обнаружена недостача товаров на 1484 р. 32 к. и недостача хлеба на 2361 руб.

Самый факт образования такой крупной недостачи в течение одной недели должен был заставить более тщательно проверить объяснения Комаровой о причинах недостачи.

Лишь в судебном заседании суд засчитал представленные Комаровой документы в погашение недостачи хлеба, причем оказалось, что у Комаровой имеется излишек по хлебу в количестве 70 кг. Суд засчитал также представленные Комаровой документы на 246 руб. и определил окончательный размер недостачи за Комаровой считать в размере 1238 руб.

Между тем Комарова на суде объяснила, что 350 руб. она передала зав. магазином № 53 Челанову и его заместителю Золотаревскому. Кроме того, по показанию Комаровой, 4/X когда она шла на улице с портфелем, в котором хранилась дневная выручка палатки и документы, она попала под автомобиль, и портфель пропал.

Эти показания Комаровой подтверждаются рапортом сотрудника милиции о том, что до 19/XI Комарова находилась в больнице.

Показания Комаровой подтвердил и суд в своем приговоре, указав, что Комарова не могла представить своевременно документы потому, что попала под автомобиль.

Несмотря на это, показания Комаровой остались непроверенными.

Из материала дела видно, что Комарова допускала к торговле в палатке посторонних лиц.

Это обстоятельство, однако, не могло послужить основанием для квалификации действий Комаровой по ст. 116 УК, тем более, что по-

сторонним лицом, по ее показанию, являлась ее сестра.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда и определение кассколлегии отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

**
*

Зиновьева Вера Андреевна, счетовод-кассир одного из жактов завода им. Сталина в Астрахани, присвоила около 3000 руб. из сумм квартплаты.

В связи с предстоящей ревизией Зиновьева скрылась, но была задержана.

До 5/X 1935 г. 9 жактов при заводе им. Сталина обслуживались 2 счетными работниками: Зиновьевой—счетоводом и Семеновым—кассиром. С 5/X в связи с укрупнением жактов на заводе им. Сталина вместо 9 жактов было организовано 3 жакта; кассир Семенов был уволен, а Зиновьева стала выполнять одновременно обязанности и счетовода и кассира. Таким образом с 5/X как денежные поступления по заводским жактам, так и отчетная документация были сосредоточены в одних руках — у Зиновьевой.

Поскольку все жакты водников в Астрахани в том числе и жакты завода им. Сталина были объединены в системе Воджилсоюза, контроль за деятельностью кассиров и счетоводов жактов лежал на Воджилсоюзе, в частности на бухгалтере Трофимове, в обязанности которого входила ежедневная проводка банковских документов по суммам, поступавшим от кассиров в банк на счет Воджилсоюза по аренде и квартплате.

Однако Трофимов никакого контроля за своевременным поступлением денег от кассиров в банк не вел, ссылаясь на свою якобы загруженность другой работой.

В то же время при жактах завода им. Сталина существовала ревизионная комиссия, председателем которой являлся гр. Сытиков.

Жильцы жактов, обратив внимание на явно непомерные траты Зиновьевой по сравнению с заработной платой, какую она получала (125 руб. в месяц), дважды заявляли Сытикову о необходимости произвести ревизию кассы у Зиновьевой. Однако Сытиков от производства ревизии отказался за недостатком времени.

Никаких инструкций кассиром о порядке и сроках взноса денег в банк не существовало. Больше того, когда Зиновьева заявляла, что она боится держать собранные ею деньги на квартире, ей в Воджилсоюзе разъяснили, что тем, кто боится, не надо браться за работу.

Вся эта обстановка полной бесконтрольности дала возможность 18-летней Зиновьевой в течение 18 дней растратить около 3000 руб.

Следственные органы, неправильно прекратив дело в отношении бухгалтера Воджилсоюза Трофимова, совершенно правильно привлекли к ответственности, кроме Зиновьевой, также председателя ревкомиссии Сытикова, которого, как указано выше, дважды предупреждали о подозрительных расходах Зиновьевой.

Однако подготовительное заседание Астраханского уч. военно-транспортного суда Нижневолжского бассейна в заседании 9/XI 1935 г. без всяких к тому оснований дело о Сытикове прекратило.

10/XI прокурор подал протест на постановление подготовительного заседания о прекращении дела в отношении Сытикова. Этот протест на основании ст. 237 УПК РСФСР обязывал суд ожидать решения вышестоящего суда. Однако суд 13/XI, не ожидая результатов протеста, дело заслушал в судебном заседании только в отношении одной Зиновьевой, приговорив ее к 2 годам лишения свободы.

Зиновьева могла совершить растрату исключительно при условии преступно-халатного отношения к своему делу бухгалтера Трофимова и явного попустительства Сытикова, таким образом по делу Зиновьевой кроме нее должны быть обязательно привлечены также Трофимов и Сытиков.

Следствие неправильно прекратило дело в отношении Трофимова, а суд в такой же мере неправильно прекратил дело в отношении Сытикова.

Суд в подготовительном заседании нарушил ст. 237 УПК РСФСР.

Приговор в отношении Зиновьевой, при условии, что по делу не были привлечены ни Трофимов, ни Сытиков, не вытекает из всех обстоятельств по делу и потому неправилен.

Водно-транспортная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор суда и постановление подготовительного заседания отменить, дело передать на новое рассмотрение суда с привлечением к ответственности кроме Зиновьевой, Трофимова и Сытикова, причем в отношении Трофимова со стадии предъявления обвинения.

**
*

Подготовительным заседанием водно-транспортного суда Балтийского морского и Северо-Западного речного бассейнов 29/III 1935 г. было принято к производству водно-транспортного суда дело по обвинению гр. Щербакова Д. Д. по ст. 111 УК.

Прокуратура Союза опротестовала постановление подготовительного заседания по следующим основаниям:

в связи с ликвидацией Дальневосточного тралового треста приказом по Наркомснабу СССР от 1/II 1934 г. Востокрыбе было предложено передать 10 тральщиков тресту «Мурманрыба», а последнему обеспечить перегон их в Мурманск, начиная со II квартала 1934 г.

В развитие этого приказа 25/III 1934 г. приказом Наркомснаба начальником каравана по перегону траулеров из Владивостока в Мурманск, был назначен гр. Щербаков Д. Д., работавший в тот момент начальником промфлота «Мурманрыбы».

Приказ т. Микояна Щербаковым был выполнен: траулеры из Владивостока были переведены и сданы в эксплоатацию.

Однако ввиду поступившего заявления от экипажа траулеров против Щербакова было возбуждено уголовное дело по обвинению его в нижеследующем: заключение тарифного соглашения без согласования с вышестоящими организациями, вследствие чего заключенное соглашение впоследствии было аннулировано и было заключено новое, предусматривающее худшие условия для уже набранной команды; нарушение тарифного соглашения в части вы-

платы семьям команд бон, а командам столовых денег; плохое питание в пути команд траулеров, так как заготовленные продукты были в недостаточном количестве и недоброкачественны, что привело к заболеваниям в командах траулеров; отсутствие в пути надлежащего медицинского обслуживания и задержка выплаты зарплаты командам после возвращения в Мурманск.

О том, что тарифное соглашение подлежит перезаключению команде было известно, так как новое тарифное соглашение было вывешено в Ленинградской конторе треста «Мурманрыба» и только после ознакомления команды с этим соглашением было приступлено к заключению персональных договоров с каждым из команды и все, кого условия тарифного соглашения не удовлетворяли, могли персональные договоры не заключать.

Поскольку тарифное соглашение в новой редакции подписано было 23/III 1934 г., персональные договоры подписывались в начале апреля, а команда прибыла на Дальний Восток в мае, ясно, что команда знала условия тарифного соглашения в новой редакции и нет никаких оснований утверждать, что ухудшение материальных условий произошло без ведома подписавших персональные договоры. Таким образом обвинение Щербакова в этой части необосновано.

Не может нести ответственность т. Щербаков за несвоевременную выплату семьям команды, причитающейся им согласно тарифного соглашения части зарплаты, так как из Владивостока через Госбанк Ленинградской конторе «Мурманрыба» было своевременно перечислено 461 054 р. 49 к. для расчета с семьями команд и задержка выплаты произошла не по вине т. Щербакова.

Не может быть поставлено в вину т. Щербакову то обстоятельство, что заготовленные продукты оказались недоброкачественными, так как таковые принимались в установленном на транспорте порядке представителями команды артельщиками. Команде была предоставлена полная возможность забраковать все, что она найдет для себя непригодным по качеству. Кроме того, как видно из акта, порча продуктов произошла из-за температурных и климатических условий тропиков.

Несвоевременный расчет с командой по прибытии в Мурманск произошел не по вине т. Щербакова, так как расчет с командой должен был производить не тов. Щербаков, а трест «Мурманрыба». Щербаков в момент прибытия траулеров в Мурманск был в Англии, выполняя специальные поручения Наркомпищепрома.

Как видно из письма Наркомпищепрома от 29/III 1935 г. все претензии и недовольства команды траулеров действиями т. Щербакова были лично рассмотрены т. Микояном и кроме того ЦК профсоюза и признаны неосновательными.

Транспортная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила постановление подготовительного заседания суда отменить и дело на основании ст. 8 УК производством прекратить.

По союзным республикам

РСФСР

Сталинский колхозный устав — залог веселой и радостной жизни

(К итогам борьбы с нарушением устава с.-х. артели)

«Когда весело живется, — сказал товарищ Сталин, — то и работа спорится».

Веселой колхозной жизни мы обязаны мудрому руководству любимейшего вождя партии и трудящихся товарища Сталина. Совсем неузнаваемой стала жизнь колхозного крестьянства. Колхозы, перестроившись по новому сталинскому уставу, шагнули далеко вперед на победном пути социалистического строительства. Сталинский колхозный устав стал знаменем, под которым колхозное крестьянство идет от победы к победе.

В этом отношении борьба за точное проведение колхозного сталинского устава является одной из почетнейших и ответственнейших задач прокуратуры в деле социалистической стройки.

Регистрация колхозных уставов по Курской области проходит крайне медленно. Это тормозит переход на работу и организацию производственной, хозяйственной и политической жизни колхозов на основе сталинского устава. Так, по состоянию на 15/XI 1935 г. всего риками зарегистрировано 4936 уставов, или 57,1%, причем по отдельным районам регистрация резко колеблется.

Если в Конышевском рике из 90 колхозов зарегистрированы уставы 87 колхозов, то такие рики, как Б.-Солдатский, Тербунский, Михайловский, не зерегистрировали ни одного устава.

Прокуратурой установлено, что обсуждение уставов на колхозных собраниях проходит с нарушением директив партии и правительства. В колхозе «Свободный труд», например, из общего количества 148 полноправных членов колхоза устав обсуждали только 53 человека, или 36%.

В колхозе «XI съезд ВЛКСМ» Кривцовского района, несмотря на присутствие на общем собрании докладчика из района, общее собрание вынесло такое путанное решение по вопросу об усадьбах, что его не только нельзя проводить в жизнь, но даже понять трудно. В самом деле, собрание решило: «в какого колхозника имеется 0,25 га не отрезается, если нет дорезается, выше 0,25 га отрезается; в кого имеется 0,50 га то же самое не отре-

зается, если нехватает дорезается, если свыше 0,50 га отрезается по всему нашему колхозу».

Прокуратура это решение опротестовала.

Большинство уставов принято было формально (Борисовский района), с нарушением кворума (Пристенский, Советский районы и др.).

Отмечены даже попытки сельсоветов обмануть рики путем внесения в протокол неправильных сведений о количестве присутствовавших на собрании полноправных членов колхоза (колхоз «Новая деревня», Советский район).

Все это свидетельствует о том, что на местах колхозам еще не оказывается реальной помощи в редактировании и формулировке отдельных дополнений, вследствие чего эти дополнения, нередко страдая большой путаницей, теряют свое политическое и практическое значение.

Проверка установила также целый ряд случаев грубого администрирования и вмешательства сельсоветов в оперативную работу и распоряжения колхозным имуществом. Сельсоветы очень часто незаконно штрафуют работников колхозов по всякому поводу. Так например, президиум Гуторовского сельсовета Кромского района оштрафовал 6 председателей колхозов «за непредставление сведений».

Н.-Петровский сельсовет Уразовского района оштрафовал предколхоза «Победа» «за то, что в колхозе медленно идет строительство бани».

Борковский сельсовет Тербунского района оштрафовал бригадиров колхоза «за неявку на пленум сельсовета».

Такие же явления отмечены по Стрелецкому, Орловскому и другим районам, причем штрафы колеблются от 10 до 25 руб. (штрафы прокуратурой опротестованы и отменены).

Выявлено очень много случаев непосредственного вмешательства в хозяйственную жизнь колхозов. Имеются случаи навязывания колхозам работ для разных организаций по перевозкам (Золотухинский район), случаи снятия бригадиров и назначения новых (Орловский район), случаи выселения правлений колхозов из их собственных помещений (Измалковский район), случаи незаконных сборов с колхозов и колхозников. В этом отношении очень характерны постановления Верховского и Карповского сельсоветов, обязавших 8 колхозов внести в пользу школы по 300—500 руб. а колхозников — от 4 до 10 руб. и по 7—10 трудодней.

В Кромском районе в колхозе «Борец труда» весь 1934 г. выплачивалось на содержание членов сельсовета по 25 руб., а в 1935 г. — по 10 трудодней, что было отменено только по протесту прокуратуры. То же имело место и по Уразовскому району, где Н.-Петровский сельсовет обязал правления колхозов внести по 800 руб. на содержание медпункта.

Таким образом до сих пор еще не изжиты случаи игнорирования колхозного устава и грубого администрирования.

Чрезвычайно неблагополучным остается и вопрос о колхозных кадрах. До сих пор еще не изжита вредная практика частой смены председателей колхозов. Председатели меняются очень часто. Вот, например, по колхозу «Ответ вредителям» за 1934 г. сменилось 12 председателей колхоза. Ясно, такая смена кроме вреда ничего не принесла колхозу. Правда, после исторических речей товарища Сталина это положение резко изменилось и сейчас каждая смена председателей колхоза становится предметом обсуждения областных организаций, об этом же переломе свидетельствует уменьшение количества привлечений к уголовной ответственности по ст. 111 УК за халатность. Так, в I квартале 1935 г. из 245 осужденных предколхозов 127 (52%) были осуждены по ст. 111 УК.

Во II квартале количество осужденных сократилось до 173 чел. из них только 58 чел., или 33%, по ст. 111 УК.

За июль и август 1935 г. облпрокуратура санкционировала предание суду только 14 предколхозов, из них ни одного по ст. 111 УК.

Это достигнуто только благодаря тому, что всякое предание суду предколхоза санкционируется лишь после тщательного изучения материалов и только облпрокурором.

Однако мы вынуждены все же констатировать случаи неосновательного смещения председателей колхозов и неосновательного возбуждения на местах уголовного преследования.

Много имеется на местах извращений колхозного устава по наложению штрафов и исключению из колхозов. Так, проверкой установлено, что только за вторую половину 1934 г. по 28 районам оказалось оштрафованными 14 590 колхозников на 59 980 трудодней и исключено из колхозов 1174 хозяйств. Прокуратурой по этим районам принесен 181 протест. Штрафы накладывались в большинстве случаев неосновательно. Достаточно привести пример, когда в Волоконовском районе предколхоза имени Ленина составил групповой список лодырей и прогульщиков на 40 чел. и наложил на них штрафы, чтобы судить об этой «практике». После оказалось, что в этот список были внесены колхозники, имеющие по 302 и 256 трудодней.

По Советскому району прокуратура установила, что 51% всех колхозников оказался оштрафованным.

Нужно сказать, что проверка штрафной политики прокуратурой и в связи с этим постановление обкома ВКП(б), несомненно, внесли коренное улучшение в штрафную политику колхозов, однако и до сих пор еще продолжают вскрываться случаи грубейшего нарушения с.-х. устава в этом вопросе.

То же и в отношении нарушения их колхозной демократии. Вскрыт ряд случаев совершенно неосновательных исключений из колхоза, как и ряд случаев нарушения колхозных прав членов колхоза.

Все это выдвигает перед нами задачу неуклонной и решительной борьбы за укрепление внутриколхозной демократии. В этом отношении борьба за точное выполнение п. 8 устава, требующего наличия ⅔ колхозников на общем собрании при исключении, борьба с волокитой при рассмотрении жалоб исключенных в рике и облзу является самой неотложной задачей прокуратуры.

Грубым нарушением колхозного устава, продолжающим иметь место, является сдача садов и лугов в аренду, случаи выделения земли исключенным из колхоза, отработка колхозами за арендованные участки в совхозах и т. п.

Мы имели такие факты, когда, например, Поныровский совхоз сдал колхозу «Верный путь»

в аренду пастбище на условиях отработки 400 трудодней. Такие же факты имели место по Кореневскому, Уразовскому и другим районам. По Орловскому району предколхоза «Красный хутор» Игнатов, после исключения кулака Кузнецова, выделил ему из колхозно массива 240 кв. сажень, причем с 1932 по 1934 г. эта земля обрабатывалась кулаку колхозными лошадьми.

Нарушения с.-х. устава имеются и в отношении пользования усадьбами как по линии изъятия отрезков усадеб до снятия урожая, так и по линии попыток определения размеров усадеб выше или ниже норм, установленных для Курской области, что отмечено по Б.-Троицкому, Измалковскому, Уразовскому районам

Плохо обстоит и дело с защитой прав женщины в колхозе. Как известно, сталинский колхозный устав внес коренное изменение в отношении беременных женщин. Однако проверкой выявлен целый ряд случаев нарушения п. 14 устава с.-х. артели. Здесь и необъявление беременным женщинам об их праве на отпуск (Поныровский район), здесь и случаи штрафов за невыход на работу, здесь и неосвобождение беременных женщин от работы (Солнцевский и Льговский районы). Кроме этого на местах зачастую не разъясняется беременным женщинам, сколько причитается им трудодней за время двухмесячного отпуска и т. п.

Все это требует усиления борьбы со всяким нарушением прав женщины и к полному обеспечению проведения в жизнь сталинского устава, открывающего новую, славную страницу в раскрепощении женщины-крестьянки, по созданию ей человеческих условий в сельском хозяйстве.

По всем приведенным грубым нарушениям Курская областная прокуратура своевременно принимала меры. Однако еще не все районные прокуроры поняли громадную политическую значимость этой работы. На последнем оперативном совещании в областной прокуратуре был разработан целый ряд практических мероприятий по усилению надзора за правильным применением сталинского колхозного устава. В этом отношении работа с колхозными группами содействия прокуратуры должна обеспечить не только сигнализацию о нарушениях, но и действенную борьбу за сталинский колхозный устав.

Макаров

В борьбе за развертывание советской торговли

Дело работников Рыночного управления г. Курска, разбиравшееся Курским областным судом в продолжении целого месяца, по своей политической значимости выходит далеко за пределы г. Курска и Курской области и мобилизует внимание не только работников суда и прокуратуры, но и всех трудящихся на беспощадную борьбу с классовым врагом, не сложившим еще своего отравленного оружия и пытающегося в новых условиях «тихой сапой» так или иначе вредить, так или иначе пакостить великой социалистической стройке.

Перед судом за время процесса прошло много спекулянтов «малых и больших», безнаказанно орудовавших на курском колхозном базаре, превративших спекулятивную деятельность в экономическую контрреволюцию и фактически сорвавших колхозную торговлю мясом по г. Курску.

Дело Рынкома воочию показало серьезность и необходимость беспощадной борьбы со спекулянтами, которые у нас еще имеются и которые особенно используют неорганизованность колхозных базаров и недочеты в различных звеньях торгового аппарата. Дело Рынкома еще раз подтверждает, что спекулянты у нас — это враги народа, что «спекулянт и вор действуют заодно».

На процессе было вскрыто, что извращением закона о развертывании колхозной торговли мясом работники Рыночного управления, горсовета и горвнуторга фактически ликвидировали торговлю мясом колхозников и трудящихся единоличников на базарных столах и с возов.

Начальник Рынкома Сидоренко и зав. мясоразрубочными магазинами Агибалов издали приказ о ликвидации торговли мясом вне мясных магазинов. Таким путем была установлена противозаконная монополия на торговлю мясом для мясоразрубочных магазинов. Те же лица ввели в мясоразрубочных магазинах комиссионную продажу мясом, что повлекло за собой вытеснение колхозника из мясоразрубочных магазинов, и только с 1 мая продавцом мяса стал выступать колхозник, до этого же с ноября 1934 г. по май 1935 г. колхозник как непосредственный продавец на рынке не выступал.

Такое же положение было создано и с колбасным производством. Юридически колбасное производство было организовано на давальческом сырье, фактически же это был самый наглый обман государства, так как колбасная мастерская превратилась в частную лавочку. Зав. колбасным производством Пыжов сам закупал скот на рынке и сам реализовал колбасу, показывая в фиктивной отчетности, что колбаса якобы выдается давальцами-колхозниками.

На суде вскрылась неприглядная картина обдирания продавцов мяса за «услуги» завмагами. Так, с колхозника брали 3% за разруб мяса, 1,5% усушки на разруб, 5 руб. за доверенность по продаже мяса, от 3 до 5 руб. на «могарыч», 2 руб. за простой скота на скотопригонном дворе, от 25 до 50 руб. за перевозку мяса в магазин, плюс за хранение мяса и т. д.

Другими словами, Рыночное управление отдало все мясорубочные магазины на откуп завмагам. Завмаги платили за это Рыночному управлению 3%, мясорубочные магазины на деле превратились в частные лавочки Михалевых, Пыжовых, Гнучевых, Левченковых, Кидаловых и др.

Как было вскрыто следствием и на суде, Сидоренко и Агибалов принимали на работу заведомо чуждых людей. В Рыночном управлении орудовал классовый враг — все оказалось в руках б. собственников, дворян, помещиков, торговцев мясом, кулаков и лишенцев, к тому же имевших по несколько судимостей.

Классовые враги, пробравшись в аппарат Рыночного управления, организовались в контр-

революционную группу и использовали магазины в целях срыва колхозной торговли мясом и организации под вывеской государственных магазинов своей частной торговли мясом, чем фактически была ликвидирована всякая продажа мяса на колхозном базаре колхозниками и трудящимися единоличниками.

Для этого использовались различные методы. Так, систематически задерживалась выплата продавцам за проданное мясо (всего не было уплачено колхозникам до 5000 руб., деньги не только присваивались, но и систематически пускались в оборот для покупки скота в битом и живом виде с продажей потом скота как своего собственного в государственных магазинах.

На суде было установлено, что завмаги таким образом реализовали около 1500 голов скота на 1 700 000 руб., кроме этого завмаги развернули широко тайный убой скота, молодняка и тельных коров, причем убой производился на базарах у завмагов, на дворах у продавцов, в лесу и даже в самих магазинах.

Так подрывная работа против колхозной торговли мясом сочеталась с подрывной работой против развития животноводства.

Покупка завмагами для себя скота маскировалась широкой системой подставных лиц — «колхозников», которыми выступали родственники завмагов. Каждый завмаг наживал колоссальнейшие барыши — цены на покупаемое мясо искусственно снижались, зато при продаже мяса они неимоверно повышались. На каждой туше скота, по признанию завмага Тхаревского, он наживал до 500 руб. Мясо продавалось неклейменое, причем для скрытия этих фактов выкрадывалась печать саннадзора и мясо клеймили сами завмаги.

Каждый завмаг имел у себя батраков на поденном расчете. Каждый завмаг нажил дом, коров, лошадей и т. п.

Вся преступная деятельность завмагов покрывалась бухгалтерами Рыночного управления—Боевым (дворянин), Петровой (помещица) и Колесниковым (чиновник при губернаторе).

Бухгалтерия покрывала все проделки завмагов. Отчетные доклады для завмагов составлялись самой бухгалтерией и ею же проводились потом по книгам бухгалтерии, за что все работники бухгалтерии получали бесплатно от завмагов мясо.

Бухгалтерия, чтобы скрыть следы преступления, уничтожила кассовые книги за 1934 и 1935 гг.

Для преступных целей была организована «черная касса», куда поступала выручка от магазинов. Чтобы судить о размерах «черной кассы», достаточно привести факты, вскрытые на суде, когда за апрель в кассу поступило 11 269 руб., а в Комбанк всего 1031 руб., или за 21/V 1935 г. в «черную кассу» поступило 2827 руб., а в Комбанк — 1 р. 30 к.

Из «черной кассы» деньги расходовались налево и направо, а всего прошло через «черную кассу» 63 000 руб.

Вокруг завмагов грели руки бывшие торговцы, мясники, шибаи и спекулянты. Они скупали и поставляли завмагам скот, выступали посредниками, принимали участие в тайном убое скота для завмагов.

Свидетели на суде характеризовали их «шакалами», обдиравшими крестьян.

Все это происходило на глазах у горсовета, у горвнуторга, у горко.

Больше того, названные организации введением талонной системы на получение мяса по пониженной цене из магазинов развязали руки спекулянтам, поощряли их преступную деятельность.

Роль в этом деле Клеймана и Каплана (б. председатель горсовета и его заместитель), роль Переверзева (б. зав. горвнуторг) — позорная роль. Это они своими действиями помогали безнаказанно орудовать озверелой шайке врагов народа. Областной суд вынес суровый приговор по делу: 4 чел. приговорены к расстрелу, 8 чел. — к 10 годам, 14 чел. — к 5 годам, 3 чел. — к 3 годам, 1 чел. — к 5 годам условно и 7 чел. оправданы.

Дело это лишний раз свидетельствует о том, как потеря классовой бдительности, потеря классового чутья, как притупление классового сознания у целого ряда руководителей государственных учреждений г. Курска—горсовета, горфо, горко, горвнуторга, незаметивших подрывной работы классового врага, дало возможность классовому врагу безнаказанно орудовать на протяжении длительного периода времени буквально на виду у всего города.

Дело это лишний раз требует от прокуратуры усиления борьбы за развертывание колхозной торговли «без спекулянтов малых и больших».

Ф. М.

УССР

Итоги конкурса

Прокуратурой Черноморского бассейна был объявлен конкурс на лучшие показатели следственной работы.

В конкурсе должны были принять участие все следователи.

Ходом конкурса руководил прокурор бассейна, а на местах его помощники. По условиям конкурса следователи ежемесячно отчитывались о своей работе на камерных совещаниях с участием представителей профсоюза и других общественных организаций водного транспорта.

15 числа каждого месяца итоговые показатели следственной работы по всему бассейну обсуждались на камерном совещании при прокуратуре Черноморского бассейна с участием тех же представителей. За лучшие показатели следственной работы были установлены три премии: первая премия — электропатефон с набором пластинок; вторая — фотоаппарат и третья — правовая библиотека и портфель.

Для получения первой премии необходимо было:

а) расследовать ежемесячно 12 дел (ст. следователю не менее 5 дел);

б) заканчивать следственные дела без нарушения процессуальных сроков (максимально в месячный срок и при этом показать наилучшие расследования по бассейну);

в) направить не менее 75% всех законченных следственных дел в суд;

г) не получить ни одного из направленных в суд дел на доследование;

д) не иметь ни одного оправдательного судебного приговора по расследованным делам.

Прокурор, непосредственно наблюдающий за следователем, выполнявшим вышеуказанные условия, также получает первую премию.

Для получения второй премии необходимо было выполнить те же показатели, что и для первой премии, и выйти на второе место по конкурсу; третью премию должен получить тот следователь, который после следователей, имеющих право на получение первой и второй премии, покажет лучшие по сравнению с прочими показателями по пп. «а»—«д» условий конкурса.

Когда условия конкурса обсуждались на камерном совещании при прокуратуре бассейна, некоторые следственные работники высказали сомнение в успехе конкурса, заявляя, что конкурс предъявляет невыполнимые требования (слишком большое количество дел, подлежащих окончанию за месяц и т. д.).

Однако в процессе самого конкурса эти маловеры должны были признать, что они в своих мнениях просчитались. Особенно это выяснилось на совещании, посвященном подведению итогов конкурса.

Совещание констатировало, что, несмотря на некоторые неблагоприятные условия, создавшиеся в процессе проведения конкурса, как-то: неукомплектование кадрами отдельных следственных участков и текучесть состава, слабость массовой работы, недостаточное включение в конкурс профсоюзной массы и отсутствие на водном транспорте розыскных органов — все же конкурс дал ряд положительных результатов.

Общим результатом конкурса явилось то, что усилилась борьба с преступностью на водном транспорте, улучшилось качество следственной работы и поднялась ответственность следователей за их работу. Вместе с тем конкурс вскрыл недостатки следствия и помог их исправить, а также повысил ответственность прокуроров по руководству следствием.

За время конкурса возросло как общее количество оконченных дел, так и дел, направленных в суд с обвинительным заключением. Значительно сократилось количество дел, находящихся в производстве свыше двух месяцев, а сейчас такие дела насчитываются единицами и задерживаются преимущественно по не зависящим от следователей причинам.

Как существенный недостаток, надо отметить большой процент дел, прекращенных в стадии предварительного следствия (67 дел, что составляет к общему числу законченных дел свыше 30%).

Это объясняется тем, что участковые прокуроры еще недостаточно тщательно проверяют поступающий к ним материал. Вместо указания о плане расследования и способах, материалы передаются следователю с лаконической резолюцией «расследовать». В ряде случаев следователями производятся расследования по делам, которые должны разрешаться в дисциплинарном порядке.

Как же работали в период конкурса отдельные следователи? Совещание отметило, что по качественным показателям условия конкурса полностью не выполнены. Лучшие показатели дали следователи: Крыжановский (Новороссийский участок) — эффективность в процентах к общему количеству законченных дел без дел, приостановленных до розыска и без направления по подследственности, — 80, Акинин — 65, Соловский — 74.

Совещание постановило первую и вторую премию никому не присуждать, а третью премию присудить следователю т. Крыжановскому за лучшие по сравнению с другими следователями показатели.

В порядке поощрения отмечена работа следователей Акинина и Соловского, значительно улучшивших свою работу за время конкурса (приказом прокурора бассейна тт. Акинин и Соловский награждены подарками).

Первый конкурс на лучшие показатели следственной работы показал, что на основе применения развернутых методов социалистических форм труда—соцсоревнования и ударничества — можно добиться хороших результатов работы.

Однако очень плохо будет, если следственные работники прокуратуры Черноморского бассейна успокоятся на достигнутых показателях.

Беря за основу достигнутые успехи по конкурсу, устранив в дальнейшей работе выявленные дефекты, следственные работники прокуратуры Черноморского бассейна должны еще с большей энергией и энтузиазмом включиться в общий производственный поход ударников промышленности под лозунгом «работать на отлично».

И. Р.

О соцсовместителях

Одной из оправдавших себя форм борьбы за улучшение государственного аппарата является массовое шефство производств над государственными учреждениями и социалистическое совместительство.

Практика подтвердила, что правильный способ непосредственной связи широких масс трудящихся с государственным аппаратом и лучший метод вовлечения трудящихся в управление государством—это соцсовместительство.

Однако некоторые низовые органы НКЮ до сих пор относятся к соцсовместителям как к лишним и ненужным им людям и не ведут с ними никакой работы, не интересуются ими, не знают, сколько у них соцсовместителей и их социальный состав, вследствие чего имеет место снижение количества соцсовместителей в органах НКЮ.

Не случайно на оперативно-производственном совещании в Союзной прокуратуре 10/V 1935 г. широко были развернуты прения по докладу зам. прокурора Союза т. Рогинского, посвященному вопросу о соцсовместителях. Тов. Рогинский развернул критику и самокритику допущенных ошибок по данному вопросу и внес ряд предложений, направленных к улучшению и изменению работы с соцсовместителями.

С января 1933 г. я работаю соцсовместителем следователя в Белоцерковской прокуратуре Киевской области. С первых же дней своей работы я с большой энергией и энтузиазмом взялся за эту работу и с большой любовью и интересом относился к этой работе; благодаря повседневной заботе обо мне прокурора т. Волосастова и следователей Лаврика и Пастеля я за это время усвоил процессуальный и Уголовный кодексы, усвоил технику мили-

-ицейских дознаний, самостоятельно веду уголовные дела под наблюдением прокурора, кроме того я выступаю обвинителем в суде.

Я систематически читаю литературу и выписываю журнал «Социалистическая законность». Прокурор т. Волосастов несколько раз писал в Киевскую облпрокуратуру обо мне и лично говорил о том, чтобы меня послали учиться. Несколько раз я сам писал, но ответа не получил. 6/X 1935 г. я был в Киевской областной прокуратуре в отделе кадров и просил послать меня учиться, но мне ответили, что нет уже мест и поздно. Невзирая на это, я обратился к секретарю облпрокуратуры т. Семенович, но получил ответ «обратитесь в отдел кадров». В конечном итоге я уехал без результатов, так как не мог добиться конкретного ответа вследствие нечуткого и бюрократического отношения ко мне.

За все время пребывания соцсовместителем никто из областных работников не поинтересовался моей работой, не дал мне указаний, как нужно работать.

Я решил написать об этом, чтобы на основе вышеизложенного сделать соответствующие выводы о необходимости провести в жизнь в кратчайший срок решения оперативно-производственного совещания Союзной прокуратуры 10/VI 1935 г.

Мусинский

53-й пленум Верхсуда Союза

С 27/XII 1935 г. по 4/I 1936 г. происходил 53-й пленум Верхсуда Союза.

На пленуме был рассмотрен ряд актуальных вопросов, имеющих отношение к судебной политике и практике.

1. Одним из важнейших вопросов, рассмотренных на пленуме, является вопрос о борьбе с бюрократизмом и волокитой в судебных органах.

Несмотря на неоднократные постановления руководящих партийных и советских органов, в судах еще не изжиты отдельные факты бюрократизма и волокиты; судебные органы не поставили еще борьбы с этим злом центральным пунктом своей работы и не вели в этой области систематической и планомерной борьбы.

Считая, что бюрократизм и волокита являются особо нетерпимыми в настоящую эпоху социалистического строительства и мощного роста личности, пленум Верхсуда Союза обязал все руководящие судебные органы поставить борьбу с этими пережитками прошлого как важнейшую задачу своего руководства, вести эту борьбу не в порядке кампании, а планомерно и систематически, вовлекая в борьбу с волокитой и бюрократизмом в судебных органах широкий судебный актив, и организовать четкий контроль исполнения по судебной линии директив партии и правительства и распоряжений вышестоящих судебных органов.

Пленум также обязал судебные органы устранить наблюдающуюся в отдельных случаях волокиту в рассмотрении дел и жалоб, установив, как правило, что каждое дело, если в законе не указано определенного срока для его рассмотрения, должно быть рассмотрено в суде не позднее чем в 15-дневный срок с момента поступления, а дела, связанные с хозполиткампаниями, и алиментные дела—не позже 10-дневного срока. Дела, истребуемые в порядке надзора, должны высылаться судом, откуда они истребованы, в 3-дневный срок и должны быть рассмотрены истребовавшей инстанцией в 15-дневный срок с момента поступления, а дела, по которым приговоры приостановлены исполнением, в 10-дневный срок.

Пленум обязал руководящие судебные органы организовать показ работы лучших судебных работников путем организации слетов передовиков, освещения их работы в прессе и организации конкурса на лучшую постановку судебной работы.

2. В порядке проверки исполнения пленумом был рассмотрен вопрос о судебной практике в Узбекской и Азербайджанской ССР по делам о преступлениях, связанных с посевом, обработкой и уборкой хлопка в 1935 г. Пленум констатировал ряд достижений в работе судебных органов этих республик в указанной области: своевременное включение в кампанию путем осуществления живого руководства судебной периферией; выезды на места для инструктирования и помощи судам, вызовы судебных работников в центр, созыв совещаний, ускорение сроков рассмотрения дел, правильное в основном применение судебной репрессии. В качестве недочетов в работе пленум отметил слабую работу подготовительных заседаний нарсудов, не отсеивавших в отдельных случаях мелких дел, которые могли быть рассмотрены в сельских общественных судах; иногда подготовительные заседания вместо прекращения дела за необоснованностью привлечения все же передавали дело в суд, который выносил по делам оправдательные приговоры, тем самым излишне загружались суды и отрывались от работы подсудимые. Сельские суды иногда принимали к своему производству дела о проступках колхозников, которые по ст. 17 сталинского устава с.-х. артели подлежали рассмотрению в правлениях колхозов. Кассационные инстанции своими решениями по отдельным делам давали недостаточно руководящих указаний нарсудам.

3. Следует еще отметить рассмотренный на пленуме вопрос о задачах судебных органов в связи с подготовкой и проведением весеннего сева в 1936 г. Победа на с.-х. фронте в 1935 г., обеспечившая рост зажиточности трудящихся на базе соцсобственности, большевизация колхозов, сталинский устав с.-х. артели, проведение в жизнь указаний товарища Сталина о кадрах, стахановское движение вызвали «мощное, подлинно народное движение за высокую урожайность».

Эти глубочайшие изменения в самой колхозной массе не могли не отразиться на движении и характере преступности, связанной с проведением с.х. работ. 1935 год дает значительное снижение количества преступлений, со-

вершаемых трудящимися. Вместе с тем враждебные элементы из бывших эксплоататорских классов и их агентура, подвергаясь все большей изоляции со стороны трудящихся, начали прибегать к наиболее острым формам борьбы (бандитизм, разбой, терракты) с растущими на селе социалистическими отношениями и яркими их представителями—ударниками и стахановцами.

Исходя из этих предпосылок, требующих от судебных органов особого подхода и тактики, пленум предложил судам вести решительную борьбу с преступлениями классово враждебных элементов и их агентуры, направленными к дезорганизации стахановского движения, с преступлениями, нарушающими права колхозников (незаконное исключение из колхозов), с преступлениями, направленными против личности трудящихся (терракты, бандитизм, грабеж, разбой), с хищениями не только колхозной собственности, но и личной собственности колхозников, особенно в тех случаях, когда хищения личного имущества колхозников во время их нахождения на полевых работах дезорганизуют или создают угрозу дезорганизации посевной кампании.

Вместе с тем судебным органам предписано твердо стоять на страже соблюдения сталинского устава с.-х. артели и, в частности, не допускать передачи в суд дел о проступках колхозников, подлежащих по уставу рассмотрению в правлениях колхозов.

4. Пленум также заслушал доклад отдела кадров Верхсуда Союза о его работе и об итогах проведения в жизнь закона 5/III 1935 г. «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования». Пленум поручил отделу кадров продолжать в 1936 г. обследование на местах состояния правового образования и организовать активную помощь верхсудам союзных республик (особенно Средней Азии и Закавказья) в деле подготовки и переподготовки судебных кадров, в частности, путем посылки на места квалифицированных работников на определенный срок для организации и проведения этой работы.

Вместе с тем отделу кадров поручено разработать точные качественные показатели, по которым верхсуды союзных республик должны давать один раз в год Верхсуду Союза оценки, характеризующие руководящих судебных работников как судей 1-й и 2-й инстанций, как организаторов, администраторов и общественных работников.

Председателям верхсудов союзных республик поручено принять необходимые меры к точному исполнению закона 5/III 1935 г. в части обеспечения полного набора установленного контингента и в части обязательного прохождения специальных трехмесячных курсов всеми, вновь принимаемыми на работу в органы суда, а также обратить особое внимание на необходимость выращивания судебных кадров из местных национальностей как путем подготовки, так и на практической работе.

Председателям верхсудов предложено также принять активное участие в работе соответствующих органов по подготовке научно-преподавательских кадров для вузов, правовых школ и юридических курсов, особенно национально-преподавательского состава в нацреспубликах.

Наконец, им же предложено немедленно начать подготовку к новому набору во Всесоюзную правовую академию и Высшие академические курсы с тем, чтобы полностью обеспечить набор как в количественном, так и в качественном отношении.

5. Из других вопросов следует остановиться на протесте Прокуратуры Союза на постановление президиума Верхсуда РСФСР 14/XI 1935 г. по вопросу о судебной практике по делам о несовершеннолетних. В отдельных своих частях оно противоречит закону 7/IV 1935 г., постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) 31/V 1935 г. и циркуляру Верхсуда и Прокуратуры Союза 21/VII 1935 г. по этому вопросу.

В частности постановление президиума не допускает привлекать несовершеннолетних по ст. 74 (хулиганство) и ст. 169 (мошенничество) УК РСФСР. Между тем хулиганство может быть сопряжено с насилиями и телесными повреждениями, а при помощи мошенничества могут совершаться кражи, т. е. как в первом, так и во втором случае могут совершаться преступления, за которые по закону 7/IV несовершеннолетние должны привлекаться к уголовной ответственности, причем эти преступления в этих случаях должны квалифицироваться соответственно по ст.ст. 74 и 169 УК.

Пленум постановил отменить постановление президиума Верхсуда РСФСР в частях, противоречащих закону, и поручить президиуму Верхсуда РСФСР привести их в соответствие с законом и циркуляром Верхсуда и Прокуратуры Союза.

Был также рассмотрен протест прокуратуры и на второе постановление президиума Верхсуда РСФСР 16—17/IX 1935 г. по вопросу о приостановлении приговоров, по которому приостановление приговоров при истребовании дел в порядке надзора в отношении лиц, уже отбывающих наказание в лагерях и местах ссылки, может иметь место только в особо исключительных случаях.

Пленум постановил отменить это постановление, как противоречащее ст. 440 УПК РСФСР, которая устанавливает точный круг лиц, пользующихся правом истребования дел в порядке надзора с приостановлением приговоров, и не ограничивает этих прав никакими условиями.

Наконец, следует указать на принятое пленумом Верхсуда Союза разъяснение по вопросу о квалификации преступлений по делам о подделке номеров на облигациях госзаймов с целью обманного получения по ним выигрышей. Согласно разъяснению пленума эти преступления, в случае их совершения организованными шайками или хотя бы и отдельными лицами, но в виде промысла, должны квалифицироваться по ст. 59[illegible] УК РСФСР и соотв. статьям УК других союзных республик; единичные же случаи подделок, не в виде промысла, подлежат квалификации по ч. 2 ст. 16[illegible] УК РСФСР и соотв. статьям УК других союзных республик с определением наказания не ниже 2 лет лишения свободы.

Библиография

ЗА ОБРАЗЦОВОЕ СЛЕДСТВИЕ. Сборник материалов методбюро прокуратуры Крыма по конкурсу на лучшее следственное дело и лучшее руководство следствием, № 2—3. Изд. прокуратуры КрымАССР, Симферополь, 1935 г. Стр. 67.

ЗА ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО СЛЕДСТВИЯ И СУДЕБНОГО НАДЗОРА. Сборник материалов Воронежской облпрокуратуры. Изд. ее же. 1935 г. Стр. 86.

Крымский сборник начинается сообщением о приеме народных следователей председателем ЦИК КрымАССР т. Тарханом. Это сообщение со всей убедительностью говорит о том, какое большое значение правительство КрымАССР придает работе следственного аппарата республики.

Сборник состоит из трех вводных статей и разделов: «О методике расследования», «Говорят следователи», «По ходу конкурса на лучшего активиста» и «Конкурс кончился—работа продолжается».

Первая статья **М. Миролюбова** посвящена стахановскому движению и нашим задачам. Вместо того, чтобы четко определить наши задачи, связанные, с одной стороны, с борьбой за широкое развитие стахановского движения во всех отраслях народного хозяйства и с другой стороны, с внедрением стахановских методов в работу самих следственных органов, т. М. Миролюбов отделывается неудачными по форме и общими по существу фразами. Последние строки этой статьи заслуживают того, чтобы их привести полностью. Вот как заканчивается эта «руководящая» статья: «В частности следователь, научившийся с большим остроумием и находчивостью, на основе тщательного изучения обстановки и условий, в которых произошло исследуемое им преступление, оперативно, быстро, правильно и полно изобличать преступников, должен стать одним из видных людей, чей опыт нужно широко популяризировать и использовать как образец высококачественной работы. Такой следователь на участке своей деятельности станет достойным соратником и помощником стахановцев». Едва ли стремление превратить следователей лишь в «соратников» стахановцев может быть отнесено за счет особой находчивости и остроумия при определении наших конкретных задач по такому исключительно важному вопросу.

Не выделяется особыми достоинствами и вторая статья того же автора из раздела о методике. В этой статье речь идет об обвинительном заключении. Автор возражает против необоснованных умозаключений, к которым иногда прибегают следователи. Он разоблачает попытки прикрыть это «обилием фраз и ненужным многословием». Нам хочется указать, что, поучая, следует понимать, что ненужное многословие предполагает обилие фраз. Это замечание — не придирка, так как автор по части элементарной логики грешит, а в сборнике инструктирующего значения это недопустимо.

Возражая против «цитатомании», М. Миролюбов видит ее корни в представлении об обвинительном акте как о **«сокращенной копии** всего следственного производства», связанном с практикой «непомерно длинных обвинительных заключений». Итак, получается: сокращенная копия непомерно длинного размера...

Говоря о техническом значении обвинительных заключений, тот же автор приводит пример «противоречивой фразы» следователя Ивашкевича. В одном из обвинительных заключений этот следователь написал: «В предъявленном обвинении сознался, но виновным себя не признал». Здесь говорить о противоречии — это значит говорить мягко. По такому поводу не будет ошибкой обращение и к более крепкой терминологии. И, наконец, последнее, на чем следует остановиться, в связи с этой статьей: тов. М. Миролюбов совершенно справедливо протестует против безответственного составления списков свидетелей для вызова в суд, но мы не согласны с ним, однако в той части, когда он утверждает, что «суд по многим делам списки свидетелей сокращает без ущерба для полноты выяснения обстоятельств дела». Если бы это было так, то было бы полбеды. К сожалению судьи зачастую списков не проверяют, вызовы свидетелей производят механически и очень часто зря отрывают людей от дела. Об этом напомнить следователям надо было бы.

Статьи методбюро, носящие итоговый характер, местами отличаются своим общим характером и страдают по части стиля. «Заметно растет нарследователь т. Джербинов» (стр. 9). **И ни одного слова** о признаках этого роста. Рекомендуется опыт следователей Измайлова, Щебина и др., но ни слова конкретно об этом опыте (стр. 11). Есть и такие формулировки: «Качество следствия в определенной мере улучшено...» (стр. 12). Чем определяется мера этого улучшения—неизвестно.

Язык, стиль сборника неряшлив, порою прямо неграмотен. Тов. Зайцев по этой части вышел на первое место. Он описывает два конкурсных дела. Одно дело о краже 75 руб. двумя подростками (следствие проведено плохо) и другое — об убийстве мальчика (следствие проведено хорошо). Остановимся на некоторых «перлах творчества». В конкурсном деле т. Зайцев ожидает встретить «образцовое применение умной инициативы», в следствии во-

обще он видит «простор для приложения живой инициативы, острого соображения». Какой богатый выбор инициатив!.. Рассказывая об убийстве, т. Зайцев повествует: «Из дела с подкупающей убедительностью выясняется, что Шпрынов (дается его социальная характеристика. — Е. Л.) с 1934 г. сожительствовал с Кузьменко». Никак не понять: почему это сожительство так подкупающе подействовало на т. Зайцева?.. Заканчивает свою статью т. Зайцев совсем «художественно»:

«Два следственных дела.

Одно, как скверное зеркало, неясно, туманно, намечает контуры отношения к детям на эпизоде похищения двумя девочками 75 рублей, другое — яркими мазками, как на картине, подает живых людей в многобразии движущейся жизни, в борьбе старого с новым».

Нельзя ли без «ярких мазков» т. Зайцев, если они вам не даются? Нельзя ли писать так, как рекомендует «Правда» в своей статье о советском суде: «Протокол и приговор должны писаться грамотно, ясными и понятными словами». Это указание в такой же мере применимо и к сборникам, которые издаются для работников периферии.

Три статьи в сборнике, написанные специалистами, посвящены вопросам различных экспертиз. Для практических работников они составляют определенный интерес. Наиболее ценным материалом сборника мы считаем тот, который отражает опыт следователей, райпрокуроров и их актива.

В конце сборника прокуратура Крыма благодарит типографию за ударную работу по его выпуску. Мы к этому не можем присоединиться. Опечаток в сборнике не мало. Один пример: на стр. 39 в качестве эпиграфа к статье «Работать четко» взята цитата из речи т. Вышинского. Изуродована она до неузнаваемости. Например, «правильнь следствие», «набито руку» и т. п.

Издавая сборники, прокуратура Крыма должна над ними больше работать, добиваясь максимальной содержательности, ясности и простоты. Этот сборник в целом, к сожалению, далеко не таков.

Сборник Воронежской прокуратуры выгодно отличается от Крымского отсутствием тех значительных недостатков, которые отмечены нами выше.

В сборнике помещены три интересных статьи (особенно т. Авербаха), подводящие итог конкурсу на лучшего следователя. Эти статьи дают почти полное представление о том, как прошел конкурс, каково состояние следственной работы в области, причем обилие фактического материала, помещенного в них, создает довольно яркое, живое впечатление.

В сборнике помещен большой официальный материал (приказы, протоколы, обращения, цифровые данные о работе следователей и т. д.), правда имеющий отношение к конкурсу, но сократить его была полная возможность с тем, чтобы за этот счет увеличить раздел **обмена опытом.** О том, что дал конкурс, по мнению самих следователей, мы имеем пару маленьких заметок. Этого, разумеется, недостаточно, а тем более при общих недостаточно высоких итогах конкурса.

Ряд статей посвящен вопросам расследования по отдельным категориям преступлений, но некоторые из них отличаются поверхностной проработкой темы. Говоря о практике расследования дел об абортах, ст. следователь облпрокуратуры Жирков сообщает, что для того, чтобы добиться полных и правдивых показаний у потерпевших и свидетелей, он встал на путь «терпеливого разъяснения им цели данного расследования». И все. Ничего оригинального мы в этом не находим. Статья пом. прокурора Гученко об улучшении качества следствия по делам об авариях на транспорте построена на одном примере и призывах «усилить борьбу», «уделять серьезное внимание» и т. п. Едва ли такая статья может серьезно помочь следователю.

Отличается этот сборник некоторой тематической пестротой. Авторы сборника решили помочь своим работникам и по части государственного обвинения. Для этого они поместили «план обвинительной речи» пом. прокурора т. Кустова по делу бандгруппы Гладилина. Не говоря уже о том, что опубликованием одного плана речи много не дашь, следует отметить, что опубликованный план по теме своей неудачно выбран, если учесть, что **в нарсудах** дела о бандитизме не рассматриваются, и сам план внутренне не последователен и не исчерпывает всей суммы вопросов. К этому плану редакция сделала приписку, в которой указывает, что «план следует принять только как форму» и что превращать его в «универсальный образец нельзя». Это указание свидетельствует лишь об отсутствии ясного представления у редакции о методах этой работы прокуратуры.

Знакомство с такого рода сборниками областных прокуратур показывает, что в ряде случаев места нуждаются в практической помощи. И, пожалуй, было бы полезно организовать эту помощь из центра.

Е. Львов

ПРИВЕТСТВИЯ, ПОСТУПИВШИЕ НА ИМЯ ПРОКУРОРА СОЮЗА *тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО*

ИЖЕВСК.

В борьбе за выполнение указаний великого вождя народа Сталина трудящиеся Удмуртии ко дню 15-летия образования автономии и первой годовщины преобразования области в автономную республику достигли огромных успехов как в области промышленности, так и сельском хозяйстве и культурном развитии.

Работники прокуратуры Удмуртии, собравшись на торжественное заседание, посвященное 15-летнему юбилею автономной Удмуртии, шлют тебе, лучшему проводнику революционной законности, пламенный большевистский привет.

Мы, работники прокуратуры Удмуртии, заверяем тебя, что еще с большей настойчивостью, повышая свою революционную бдительность, мы приложим все силы на борьбу за соблюдение социалистической законности и охрану социалистической собственности, за строжайшее соблюдение советских законов и охрану интересов трудящихся, проявляя особую заботу к кадрам.

Под руководством ленинской партии и любимого вождя народа Сталина мы будем вести беспощадную борьбу с малейшими происками классового врага.

Особо уделим внимание выполнению важнейших задач, стоящих перед нами в деле борьбы с классово враждебными вылазками, направленными против стахановского движения.

Заверяем тебя, что мы оправдаем оказываемое нам партией и советской властью доверие и свой долг исполним до конца.

По поручению собрания прокурор Удмуртской республики **Красильников.**

АЛАПАЕВСК.

Актив прокуратуры и суда Алапаевского района Свердловской области, собравшись на районном совещании для разрешения вопросов по улучшению проведения революционной законности, шлет вам пламенный привет и заверяет вас, что ваши указания по проведению революционной законности, по охране советских законов будут выполнены всем коллективом. Мы будем бороться за правильное проведение законов, за окончательное уничтожение остатков классовых врагов и активно включимся в дело строительства социализма.

Президиум совещания.

КАЛИНИН.

Совещание работников юстиции Калининской области шлет вам горячую благодарность за ваш привет. Мы принимаем на себя обязательство с большевистской твердостью и настойчивостью бороться за осуществление указаний великого Сталина, за социалистическую законность, укрепление методов стахановской работы в промышленности и в сельском хозяйстве, охрану социалистической собственности, защиту прав трудящихся нашей великой страны. Все силы мы положим, чтобы оправдать доверие партии и правительства и под руководством большевиков нашей области, учеников Сталина, и под вашим руководством обязуемся поднять нашу работу до уровня передовой области в Союзе.

Да здравствует ленинский ЦК нашей партии!

Да здравствует друг, учитель и вождь мирового пролетариата товарищ Сталин!

По поручению совещания **Назаров, Грибов.**

БЕЛЕБЕЙ.

Районное совещание Белебеевского района Башреспублики в лице руководителей (бригадиров) группы содействия прокуратуре и председателей сельских общественных судов шлет вам боевой горячий привет.

Совещание, подытожив работу 1935 г., обсудив предварительные итоги конкурса на лучшую группу содействия, наметило мероприятия для дальнейшей боевой работы по укреплению социалистической законности.

Мы уверены в том, что под вашим руководством возложенные на нас боевые задачи будут выполнены. Будем всемерно бороться против сопротивления остатков классового врага.

Президиум совещания.

МЫТИЩИ.

Районный слет актива прокуратуры и суда Мытищинского района Московской области шлет вам пламенный большевистский привет.

Мы, активисты прокуратуры и суда, развертывая конкурс актива юстиции, даем обязательство поднять на еще большую высоту качество нашей работы, повышая свою революционную бдительность в борьбе с остатками капиталистических элементов и их агентов, в борьбе за охрану и укрепление социалистической собственности как основы советского строя.

Указания нашего дорогого и любимого вождя товарища Сталина о помощи стахановскому движению, о борьбе с саботажниками стахановского движения, о внимательном и чутком отношении к кадрам строителей социализма, об использовании техники до-дна— эти исторические указания товарища Сталина мы положим в основу своей борьбы за социалистическую законность под руководством коммунистической партии, во главе с товарищем Сталиным, опираясь на могучее стахановское движение, вовлекая стахановцев в ряды актива юстиции, повышая свои политические и юридические знания. Мы обязуемся по-сталински выполнить свои почетные обязанности активистов юстиции, проводников социалистической законности.

Да здравствует вождь трудящихся всего мира — первый стахановец товарищ Сталин!

Президиум совещания.

ЗВЕНИГОРОД.

Районный слет актива органов юстиции в лице руководителей секций ревзаконности, членов групп содействия прокуратуре и председателей сельских общественных судов в количестве 110 чел., собравшись на слет для подведения итогов по всероссийскому смотру-конкурсу на лучшую ГСП, лучшего активиста юстиции, — шлет вам, руководителям, лучшим проводникам революционной законности, свой пламенный привет.

Мы заверяем вас, что на достигнутых успехах, которые мы имеем в связи с конкурсом-смотром, останавливаться не будем, но и еще лучше будем работать по выполнению задач, поставленных товарищем Сталиным и декабрьским пленумом ЦК ВКП(б) в области развития стахановского движения по дальнейшему организационно-хозяйственному укреплению колхозов, по дальнейшему укреплению революционной законности.

Да здравствует ЦК ВКП(б) и наш великий и мудрый вождь и учитель товарищ Сталин!

Президиум слета.

ДАГЕСТАН.

Работники прокуратуры, следствия и суда Дагестанской АССР, собравшись на торжественное заседание по подведению итогов конкурса на лучшее следственное дело и лучшее руководство следствием, шлют вам, уважаемый Андрей Януариевич, большевистский привет и заверяют вас в том, что, закрепляя достигнутые по конкурсу успехи, мы берем на себя обязательство в 1936 г. выйти на одно из первых мест среди национальных республик и дать такие показатели работы, по которым можно было бы соревноваться с передовыми краями и областями РСФСР.

По поручению собрания.

Прокурор Дагестанской республики

И. Склярский.

30 декабря 1935 г.

Гор. Махач-Кала, ДАССР.

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

за декабрь 1935 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. О передаче ветеринарно-санитарной организации Народного комиссариата путей сообщения в систему Народного комиссариата земледелия Союза ССР — пост. СНК СССР 25/XI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 61, ст. 489).

2. Положение о Главном управлении государственной съемки и картографии Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР— пост. СНК СССР 13/XI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 62, ст. 499).

3. Об упразднении уполномоченных Народного комиссариата тяжелой промышленности при советах народных комиссаров Союзных республик — пост. ЦИК и СНК СССР 5/XII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 64, ст. 511).

4. Об изменениях в структуре центрального аппарата Комиссии советского контроля при СНК Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР 7/XII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 64, ст. 512).

5. Об организации в составе Народного комиссариата внутренней торговли Союза ССР Всесоюзного объединения по обслуживанию контингентов Наркомвнудела — пост. СНК СССР 9/XII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 65 ст. 524).

6. О разделении Среднеазиатского территориального управления гражданского воздушного флота — пост. СНК СССР 9/XII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 65, ст. 525).

7. О порядке открытия и регистрации филиалов и представительств хозяйственных организаций и предприятий — пост. СНК СССР 9/XII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 64, ст. 518).

2. Просвещение

8. Об учреждении Всесоюзного Пушкинского комитета в связи со столетием со дня смерти А. С. Пушкина — пост. ЦИК СССР 16/XII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 64, ст. 513).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Планирование и учет

9. Об указаниях, формах и сроках по составлению народно-хозяйственного плана на

936 г. — пост. СНК СССР 11/X 1935 г. (СЗ 935 г. № 61, ст. 488).

10. О переписи скота по состоянию на 1/I 936 г. — пост. СНК СССР 4/XII 1935 г. (СЗ 935 г. № 64, ст. 516).

11. О первичном учете в сельских советах юза ССР на 1936 г. — пост. СНК СССР 7/XII 5 г. (СЗ 1935 г. № 64, ст. 517).

2. Промышленность

12. О передаче заводов и пунктов первичой обработки новых лубяных культур из истемы Народного комиссариата земледелия Союза ССР в ведение Народного комиссариа-а легкой промышленности Союза ССР—пост. НК СССР 23/XI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 62, т. 500).

13. О развитии целлюлозно-бумажной промышленности — пост. СНК СССР 9/XII 1935 г. СЗ 1935 г. № 63, ст. 509).

14. О чайной промышленности — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 4/XII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 64, ст. 510).

3. Земля и сельское хозяйство

15. Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках нечерноземной полосы — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 19/XII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 65, ст. 520).

16. Об отрезке от совхозов Омской области неиспользуемых ими земель и об увеличении за этот счет земель колхозов — пост. СНК СССР 16/XII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 65, ст. 522).

17. О ликвидации бригад в зерносовхозах Наркомсовхозов — пост. СНК СССР 2/XII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 64, ст. 519).

4. Связь

18. Об изменении ст. 22 постановления СНК Союза ССР 27/III 1934 г. «О трансляционных радиоузлах, трансляционных радиоточках и радиоприемниках»—пост. СНК СССР 21/XI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 62, ст. 507).

19. Об изменении ст. ст. 31 и 36 Устава почтовой, телеграфной, телефонной и радиосвязи Союза ССР — пост. СНК 13/XII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 65, ст. 523).

III. ФИНАНСЫ

20. Об отмене выдачи ссуд местным советам и колхозам из средств сберегательных касс — пост. СНК СССР 4/XII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 65, ст. 526).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

21. О порядке проведения обязательной поставки молока государству в 1936 г. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 15/XI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 62, ст. 490).

22. О премиях-надбавках за перевыполнение плана сдачи хлопка — пост. СНК СССР 16/XI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 62, ст. 498).

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство «Советское законодательство»

Отв. редактор А. Я. Вышинский
Редколлегия: Г. М. Лепневский, А. А. Сольц, В. В. Сорокин, Л. М. Субоцкий, А. С. Шляпочников

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28.

Рукопись поступила в издательство 23 и 25/I 1936 г. Подписано к печати 25/II 1936 г. 4,5 п. л. 10,27 авт. листа; Сдано в производство 25/I 1936 г. в одном бум. листе 193 680 печ. знаков

Формат бум. 72×110. С—04 и.; № 497. Технический редактор Х. Величко.

Уполном. Главлита Б-18374 Заказ № 108. Тираж 15 000

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», М. Дмитровка, 18.

М 17625

Цена 1 руб.

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 года, ст. 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 22 декабря 1935 г. под № 344 (триста сорок четвертым)

Государственная техническая торговая контора „ТЕХНОХЛОРСБЫТ",

находящаяся в ведении Государственного Всесоюзного треста органических производств.

Адрес: Москва, Леонтьевский пер., д. № 14.

4

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 14 декабря 1935 г под № 550 (пятьсот пятидесятым)

Строительная контора по постройке гостиницы Моссовета в Охотном ряду,

находящаяся в ведении Стройуправления Моссовета.

Адрес: Москва, Охотный ряд, 2/10.
Телеф. 4-28-27 и 33-26.

3

Московским областным финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г. статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 17 октября 1935 г. под № 189 (сто восемьдесят девятым)

Московская областная весоремонтная база и метровый завод „МОСМЕТРОВЕС",

находящаяся в ведении Управления местной промышленности Мос. области

Адрес: Москва, 2-й Дьяковский пер., 3.

1

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 21 ноября 1935 г. под № 545 (пятьсот сорок пятым)

Проектно-сметная контора „МОСПРОМПРОЕКТ",

находящаяся в ведении Московского городского управления местной промышленности.

Адрес: Москва, Рождественка, д. 1/3.

2

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. зак. и распоряж. правительства СССР 1931 года, статья 99 и Бюллетень финансов. и хозяйствен. законодательства 1931 года № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 27 ноября 1935 г. под № 334 (триста тридцать четвертым)

Московская пушно-меховая, приемо-сортировочная база Союззаготпушнины,

находящаяся в ведении В/К «Союззаготпушнина».

Адрес: Москва, Средне-Старо-Даниловский пер., д. № 3.

6

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собран. закон. и распоряжен. правительства СССР 1931 года статья 99 и Бюллетень финансов. и хозяйствен. законодат. 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 8 сентября 1935 года под № 186 (сто восемьдесят шестым)

База снабжения Московского треста ресторанов,

находящаяся в ведении Московского треста ресторанов.

Адрес: Москва, Крымский вал, д. 9.

5

Московским областным финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 года, статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 года № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 7 июля 1935 года под № 185 (сто восемьдесят пятым)

Московская центральная база „МОСТРИКОТАЖСБЫТ",

находящаяся в ведении Государственной сбытовой конторы треста «Мострикотаж».

Адрес: Москва, Первый Переведеновский пер., д. № 43.

8

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г. ст. 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрировано в государственном реестре юридических лиц 22 декабря 1935 г. под № 343 (триста сорок третьим)

Управление подготовки учетных кадров В/О „СОЮЗОРГУЧЕТ" ЦУНХУ Госплана СССР,

находящееся в ведении В/О Союзоргучет.

Адрес: Москва, Центр, Рыбный пер. д. № 2, пом. 31.

7